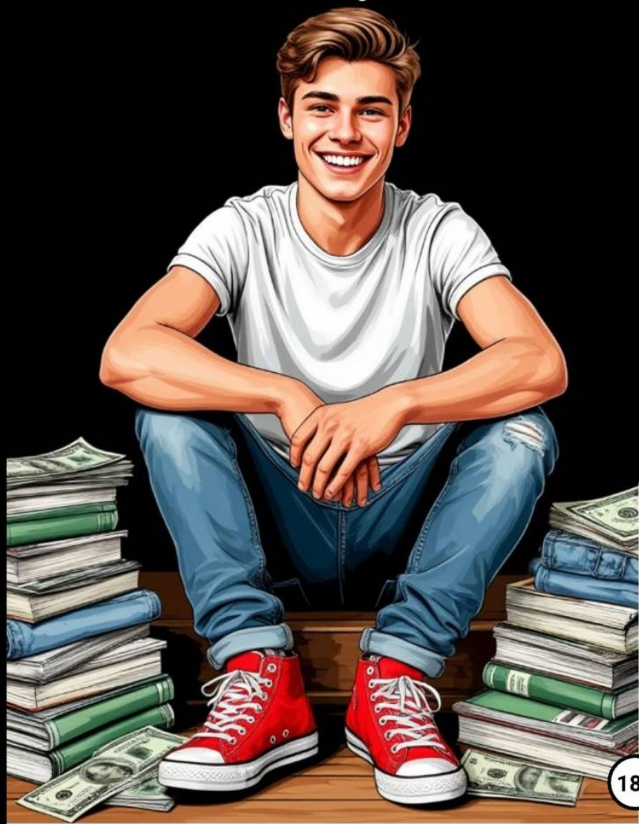

Николай Марчук
Добрым словом
и кулаками

18+

Николай Марчук

Добрый словом и кулаками

<https://litres.ru/73755552>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мне 58 лет, а что я сделал хорошего за свою жизнь? Грабил, убивал и воровал. Тридцать лет пробыл за решеткой. Особо опасный рецидивист Вовка Поляк. Из хорошего, наверное, только одно в моей жизни и было – раненый с пулеметом остался прикрывать уходящих на прорыв своих боевых товарищей... и ведь справился, прикрыл...потом уже погиб!

Погиб...но не умер, а неведомым образом очутился в своем же теле, только на дворе август 1980 года, а мне всего четырнадцать лет и у меня вся жизнь впереди, которую я намерен прожить иначе.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	27
Глава 3	45
Глава 4	63
Глава 5	82
Глава 6	100
Глава 7	119
Глава 8	136
Глава 9	154
Глава 10	172
Конец ознакомительного фрагмента.	191

Николай Марчук

Добрым словом и кулаками

Глава 1

Черная беспросветная темень подземного тоннеля, по которому мы с Чижом осторожно двигались неожиданно расцвела вспышками автоматных очередей, я плюхнулся на одно колено стреляя в ответ.

Удар в грудь, следом еще один, а потом острая, резкая боль в ноге, хлопок и грохот гранатного разрыва... и темнота забвения.

В себя пришел среди боевых товарищей, сидевших с грустными, постными лицами. В груди давило так, что дышать невозможно было дышать, каждый вздох как будто пригоршню толченого стекла глотаю. Казалось, что правая нога объята пламенем и сейчас она обугливается на медленном огне.

Похоже обезбол еще не подействовал...

Если по тоннелю не пройти, а там точно не пройти, то все пути отхода отрезаны. Придётся здесь всем и остаться, приняв последний и решительный бой.

Паники среди бойцов не было, команда подобралась опытная и слаженная, таким составом и умирать не страшно.

Да, да, я не оговорился, не зря предки говорили, что на миру и смерть красна. Если сейчас так повернётся судьба, что нам придётся принимать последний бой, то уйдем в вечность красиво – до последнего патрона будем биться, а том еще в рукопашную пойдем, хотя конечно такой финал только в художественных фильмах бывает, в жизни все прозаичней и проще – противник просто «сложит» наше здание огнем артиллерии, а мы соответственно будем погребены под бетонными обломками. Готовы ли мы к смерти? Наверное готовы, но пожить подольше все равно охота! Вот только с моими ранами мне даже до сегодняшнего вечера не дотянуть... тут надо быть реалистом.

- Короче, я все придумал! – радостно заявил Бамут. – Всё в цвет вышло. Смотрите, вражеская «Бредли» цела, верно? Ну, в смысле, что на ходу. Короче, мы сейчас с Фартом выдвигаемся налегке, захватываем вражескую ББМку, гоним её сюда, все запрыгиваем внутрь и валим отсюда. Вражины подумают, что экипаж «Бредли» решил самолично на штурм пойти, а вы, как мы будем подъезжать - дымы поставите, ну и под завесой никто ничего не поймет, проскочим!

Вот в этом весь Семен, у него все планы примерно такие: бац, бац...и в дамки! Ему бы на сто лет раньше родиться и в кавалерию к Буденному податься, он бы там как раз ко двору пришёлся бы. Лихой рубака-войка!

- Ну, в принципе, выполнимо, - задумчиво протянул Фарт, - если боженька поможет, а противник затупит, то справим-

ся.

Бляха-муха и этот туда же! Два сапога пара. Выдвинутся налегке, чтобы захватить вражескую бронемашину! А вражеские бойцы такие, типа, статистов будут сидеть и смотреть как их два русских диверсанта захватывают.

- Пятьдесят на пятьдесят, - буркнул Джокер, - я бы даже сказал тридцать на семьдесят. Как вы собираетесь незамеченными выйти из здания, если за нами следят с воздуха?

Джокер молодец, он хоть и сопляк совсем, но опытный и рассудительный воин. Головой думает!

- Дымы поставим, - тут же нашелся Семен, - на крыше лежит груда не убранного старого рубероида, мы его подожжём, имитируя пожар, вот под завесой из черного дыма и проскочим. Горючка есть, можно хоть всю крышу поджечь.

- В принципе, норм, - кивнул Джокер, - можно имитировать самоподрыв «квадрика», дескать хотели запустить «птичку», но та рванула, из-за чего и начался пожар.

- Точно! – показал большой палец Бамут. – Ну так чё, Псих? Пойдет такой план как вырваться из западни?

Я все это время лежал на полу, дышал с трудом через раз, грудную клетку разрывала тупая боль. Еще пуля в ногу так неудачно прилетела – правую ступню здорово переломало, будто бы на «лепесток» наступил. Отрыгался бродяга, скоро на последнем суде предстанешь!

Нет, мне не уйти вместе с пацанами на базу. Надо оставаться здесь! Впрочем, так даже лучше. Они все молодые –

в сыновья мне годятся, а я свою жизнь прожил.

Кеша, он же Особист, он же Жиган, он же Поляк, он же Владимир Поляков. Особо опасный рецидивист. Пятьдесят восемь лет, семь «ходов», общий стаж нахождения в местах лишения свободы – двадцать восемь лет. Падла! Двадцать восемь лет я провел за решеткой. А чего сделал полезного в жизни? Что?! Грабил, убивал, воровал, фарцевал, торговал наркотой, крутил «схемы», просаживал за вечер в кабаке столько бабла, что можно было купить квартиру в центре Москвы. В девяностые деньги буквально лопатой греб, вся воровская Москва меня уважала. И что в итоге? Лежу на бетонном полу с простреленной грудью и почти оторванной ступней. Ну и где все эти горы золота что я имел, где все эти валютные шмары, которые ублажали меня? Где всё это?! Что я заберу с собой? Что оставлю после себя?! Ничего!!!

- План – огонь! – пробурчал Псих. – Впрочем, как всегда, всё, что ты придумываешь — это огонь.

- Так, а в чем тогда подвох? – насупился Семен, чувствуя в голосе друга неприкрытый сарказм.

- Направление ветра, - ответил пулемётчику командир отряда, - гляди, - показал экран планшета, где четко было видно, что ветер дует в противоположную нужной нам сторону, - дым от пожара на крыше на хрен снесет. Ну и дальше, как противник поймет, что их машина захвачена, так сразу по ней вдарят из всего что у них висит в воздухе и станет «Бредли» - братской могилой, но идея с поджогом крыши мне по-

направилась.

- Псих, что ты задумал? – спросил Чиж.

- Пробиваем вот тут и тут отверстия в стенах, - Псих ткнул пальцем на стоп-кадр, где была показана тыльная сторона нашего здания, - крыша уже пылает вовсю и дым закрывает эту сторону дома. Через пробитый взрывчаткой проход на первом этаже все выбираются наружу, потом валим вот тут секцию забора или делаем подкоп, дальше попадаем вот в этот узкий проход между двух заборов, который нас выводит аж вот сюда, там тоже забор, его тоже свалим, но лучше по-тихому перелезть.

- А вторая дыра на втором этаже зачем? – спросил Джин.

- Оттуда будет работать боец, который останется для прикрытия отхода нашего отряда. Если я правильно рассчитал, то именно вот этот домишко, - Псих вновь ткнул пальцем в экран планшета, - и есть точка выхода тоннеля, а значит там сейчас тусуются наши оппоненты, соответственно если по ним начнет работать пулемет или гранатомет, то они решат, что мы готовимся к штурму через тоннель. Короче создадим шуму и уйдем по-тихому. Оставшийся боец пять минут работает из ПК или АГСa, а потом валит вслед за остальными, а еще через пять минут должна взорваться вся взрывчатка что есть в подвале, ну, а после столь эпичного ба-баха, противнику будет уже не до нас, вернее, спустя десять минут мы должны быть уже далеко, минимум выйти из зоны работы вражеского РЭБ чтобы иметь возможность связаться

с Есаулом и вызвать эвакуацию.

- Круть!!! – одобряюще хмыкнул Семен. – Только пять минут мало, не успеем уйти, надо больше времени.

Грудная клетка предательски ныла, острая боль рвала легкие, а когда на короткое время острые вспышки боли затихали им на смену приходила злая тупая, ноющая боль в ноге, будто бы её постоянно грызет и рвет на части злобная псина. Кажется, за последний час я испытал все виды боли, какие только могут быть на свете.

- Согласен, время подрыва надо увеличить, - кивнул Псих.
- Четверо попеременно несут раненого Кешу, четверо мешки с химическим реагентом, БК по минимуму, чтобы не отягощать. Кто-то должен понести сразу два мешка, - Псих пристально посмотрел на Семена, как бы намекая кто будет этот счастливчик.

Парни собрались тащить меня на себе?! Хотят дотащить меня до лазарета?

Молодчаги! Своих не бросают! 10 ОДШБр – тут каждый друг за дружку горой. Вот только я точно знаю, что со мной на руках им не уйти.

Никак не уйти.

Я останусь.

Тут останусь.

Хватит! Устал, надоело! Почти шестьдесят лет бегаю, пора бы уже остановиться и сделать в этой жизни что-нибудь хорошее. Не для себя, для других.

– Молодца братан! – хмыкнул Бамут. – Только чур я останюсь прикрывать отход, а ты тащи на себе два мешка.

- Нет, прикрывать отход группы буду я, - командирским тоном заявил Псих, - я легче и быстрее, опять же не такой азартный как ты, потому что ты можешь увлечься стрельбой и забудешь на фиг про время и в итоге взлетишь на воздух вместе со зданием. Опять же поскольку план придумал я, то мне решать кто здесь останется.

- Мля, ну так не честно, - насупился Бамут, - я «будильник» на часах поставлю. Сто процентов не прозеваю время. Согласись, что за пулеметом от меня проку будет больше, да и не такой уж ты проворный, стометровку сдаем одинаково.

- Соглашусь, - кивнул Псих, - тогда давай на су-е-фа.

- Давай, но если я сразу не выиграю, тогда до двух побед.

- Капец, ты ушлый.

- А то!

Я молча слушаю перебранку молодых сопляков и понимаю, что они мужественнее и смелее меня, старого и битого жизнью волчары в тысячу раз. Остаться для прикрытия уходящей на прорыв боевой группы – это почти всегда верная смерть, а если еще учесть, что надо не прощелкать время и успеть убраться до подрыва тонны взрывчатки, то шансы остаться живым тают на глазах. И тут сидят два идиота и спорят кто из них рискнёт и останется прикрывать отход отряда.

- Стойте, - болезненно морщась и тяжело дыша просипел

я, - парни не надо бросать жребий. Я останусь, вы мне только пулик притащите поближе к амбразуре и запасные коробки с лентами поставьте, а я уж как-нибудь справлюсь, шуму надеваю. Таймер подрыва поставьте минут на двадцать-тридцать, чтобы вам спокойно можно было уйти, ну и сам тоннель подорвите, чтобы противник не зашел ко мне с тыла.

- Кеша, - раздраженно поморщился Псих, - обойдемся без лишнего героизма. Ситуация, конечно, аховая, но не безвыходная. Не бойсь, прорвемся, дотащим тебя до Дока, а уж и полостную операцию он тебе сделает в лучшем виде, если попросишь, может заодно и аппендицит удалить.

- Нет, братан, тут дело в другом, скис я, навоевался, надоело, покоя хочу, - я говорил тихо, безучастно глядя в потолок. – Да и вам так будет проще, не надо меня тащить на себе, опять же, не дай бог нарветесь на противника, беда будет. Всё нормально, правда, я готов. Я останусь, прикрою вас, я своё пожил, а вы пацаны все еще молодые, вам жить и жить. Ногу мне в любом случае отчекрыжат, - через силу усмехнулся я, - на хрен на старости лет жить инвалидом, лучше уйти сейчас и с пользой для общего дела.

Я смотрел прямо на командира группы – на Психа, остальные парни смотрели кто куда, но только не на меня. Каждый из них отдал бы за меня свою жизнь, но сейчас только я один могу отдать за них свою...и мне черт побери от этого спокойно на душе!

- Ладно, - решительно кивнул Псих, - Кеша пусть будет,

по-твоему. Остаешься прикрывать отход основной группы. Задача – продержаться двадцать минут, ведя активный огневой контакт с противниками, чтобы у него создалось полное впечатление, что мы готовимся к прорыву через подземный тоннель.

- Но..., - в один голос попытались перечить ему Фарт и Чиж.

- Никаких «но», - рявкнул Псих, затыкая их, - всё, решено! Особист остаётся прикрывать прорыв, на кону судьба всей операции. Если мы не доставим этот порошок Есаулу, то ни хрена не получится и тогда придётся брать Одессу ценой сотен тысяч жизней российских солдат. Так что не хер мне тут «нокать». Собрали сопли в кулак и разбежались выполнять поставленную задачу. Джин - подготавливаешь отверстия в стенах в тех точках, где я показал, на втором этаже для амбразуры, на первом чтобы могли протиснуться люди. Джину помогает Амур, заодно подготовьте к подрыву всю взрывчатку на складе, таймер на час, с учетом того, что на сборы дается двадцать минут. Дверь в склад с взрывчаткой задуть монтажной пеной или заварить. Джокер и Бамут поджигаете крышу. Фарт и Чиж даёте шум в тоннеле. Газ и Серый шухарите через окна, чтобы укропы не расслаблялись. Газ притащи сюда пару пулеметов и десяток пулеметных коробок. Кто освобождается, то без дела не сидит и подключаемся к общей дискотеке – шугаете вражеских солдат через окна, надо отстрелять как можно больше РПГ, что здесь есть,

хули им зря пропадать. Ясно? Выполнять!

Парни молча разбежались по зданию, деловито и скоро выполняя поставленную Психом задачу, а он сам присел надо мной.

- Братан, спасибо, что вызвался добровольцем, так действительно будет легче для нас уйти и дотащить ценный груз до основной базы.

- Нормально, - через силу усмехнулся я, - тебе Псих спасибо, что в меня в своё время поверил и в разведчики взял. Знаешь, эта война, как ни странно, наверное, лучшее время, что у меня в жизни было. Я ведь по «крыткам» и лагерям почти тридцать лет мотаюсь, как в том фильме: украл, выпил - в тюрьму, украл, выпил - в тюрьму. Дольше всего на свободе пробыл в девяностые, как с малолетки откинулся в восьмидесятые, потом два года за хулиганку оттянул и лет десять зону не топтал. В девяностые жил как король, бабла было - лопатой гребь, удачливым жуликом был, а потом как закрутилось: один срок, сразу второй, а потом и третий, уже всерьёз, пятнашку дали, а на зоне еще пятак накиннули. Меня и на войну особо брать не хотели с таким послужным списком, опять же не молод уже. Но ничего, в «оркестре» заслужил помилование отпахал два контракта. Я только на войне понял, что такое свобода. Так что все путем, уйду красиво! Вы главное дотащите груз и вражинам потом въе@бите от души, а как в Одессе будешь, то как идти на пляж Лонжерон, там есть ступеньки между двух шаров, накарябай на одном:

здесь был Жиган. Лады?

- Договорились, - кивнул Псих. – А почему не Кеша?

- Кешей меня прозвали за то, что когда фарцевал в 80-ые у иностранцев выманивал наличку, знал тогда по-английски ровно одно слово – «кэш». А почему «Жиган»? – я на минуту замолчал, устало отдышался, потом продолжил. – Песню Круга «Жиган-лимон» слышал?

- Да.

- Миша с меня эту песню писал, ну в том смысле, что это про меня была песня. Так что видал, кто в твоём подчинении воевал, в своё время я был легендой воровской Москвы, удачливым был жуликом, такие дела крутил, что мама не горюй.

- Буду знать, - кивнул Псих. - Что-то еще могу для тебя сделать, может передать что-то твоей родне?

- Не надо, я Доку оставил конверт, в котором вроде моего завещания, он в курсе. Оставь меня на пару минут, хочу побыть один.

Псих ушел, а я тяжело выпустил сквозь сжатые зубы воздух. Ох, как хреново же. Бляха-муха двадцать минут! Боженька дай мне двадцать минут жизни! Прошу, молю об этом. Больше мне ничего не надо! Двадцать минут жизни, чтобы я смог поддержать огнем пулемета отход группы. А дальше пусть меня в Аду черти в котлах варят, на сковородах жгут и по частям режут. Я за свои грехи сполна готов ответить, а сейчас дай мне всего двадцать минут жизни и кре-

пости в руках, чтобы удержать пулик.

Прошу тебя Боже милостивый, умоляю...

- Братан гляди вот шнур, - Псих вновь присел надо мной, - конец веревки к «мухе» примотан, - показал командир мне шнур, лежащий на полу, - дернешь, РПГ шархнет в сторону КПП. Таймер детонатора поставили на полчаса.

- Держи, - Семен, присевший рядом с Психом, протянул мне пачку сигарет и шоколадный батончик «сникерс», - сигареты передашь нашему первому командиру Стасу Крылову, а шоколадку Сникерсу. Оба погибли два года назад в бою, с тех пор они наши ангелы-хранители. Мужики тебя на том свете встретят и к делу пристроят, будешь вместе с ними за нами оттуда приглядывать и помогать.

Бамут говорил с совершенно серьезным и деловым видом, как будто не о встрече в потустороннем мире с духами давно умерших людей сообщал, а о команде эвакуации, которая должна была в скором времени прибыть за мной.

Не знаю почему, но я сразу поверил Бамуту и с серьезным видом принял от Семена подношения для духов, убрав их в карман своей куртки. Говорят, что на войне в окопах не бывает атеистов. Дескать, как только попадаешь под массированный артиллерийский обстрел, так тут же начинаешь молиться всем богам, лишь бы выжить. Это правда! Только бойцы при этом не обязательно обращаются к христианскому Богу, Аллаху или Будде. Нет, зачастую они готовы уверовать в Тора, Вальхаллу, Велеса, Сварога, Перуна, Чёрта Лы-

сого и прочее Пастафарианство.

Мы пожали на прощание руки друг другу, да разошлись: Бамут и Семеном двинули вниз по лестнице, а я пополз к пулемету, который валялся рядом с дырой в стене, прикрытой пока куском фанеры.

Рванула резкой трескотней автоматов, длинными очередями пулеметов и частыми хлопками выстрелов из РПГ «дискотека». Парни перед выходом из здания решили взбодрить противника и устроить ему «тренировку», отстреляв весь лишний БК, который им с собой было не утащить.

Коридор постепенно затягивало дымом, крыша разгорелась будь здоров, ну еще бы, ведь туда выбросили несколько пластиковых баклажек с бензином, а там еще и старый рубероид, смола и прочий строительный мусор.

Хлопки гранатомётов стихли, заткнулись автоматы и пулеметы.

Тишина!

Группа ушла на прорыв...

Клацнул на наручных часах кнопкой секундомера. Ну, шо время пошло. Вова Поляков по кличке Кеша ваш выход на сцену!

Приклад ПКМа упер в плечо, ухватился обеими руками и поймав в прицел будку КПП открыл огонь. Пулемет выпустил несколько коротких очередей, в ответ тут же зачастили вражеские автоматы. Засек позиции противника и прошелся по ним густо-густо, дав несколько длинных очередей. Вновь

по будке КПП короткими очередями, прочерчивая не только стены небольшой бетонной коробке, но и пространство вокруг неё, те места, где бы я сам прятался на случай обстрела.

Клац! Патроны в коробе-сотке закончились...

Отполз вглубь коридора на пару метров и принялся пере-снаряжать пулемет, заправляя новую ленту в приемник.

Бах!

В стену здания рядом с проломом ударил вражеский «икс»-камикадзе, через дыру внутрь коридора залетело облако пули и вонючего дыма, но я пригнул голову к полу, успел зажмурить глаза и мелкое бетонное крошево вперемешку с пылью не причинила мне никакого вреда.

Мазилы!!!

Бах!

В стену прилетел выстрел из гранатомета, внутрь коридора вновь полыхнуло облаком бетонного крошева, сизого дыма и мелких осколков.

Дернул затвором пулемета и не подползая к дыре в стене высадил содержимое пулеметной коробки частыми, короткими очередями, поливая подходы к зданию струями свинца.

Клац! Затвор вновь сухо шелкнул.

Нащупал конец шнура, который тянулся к неведомо где закреплённой «мухе» и сильно дернул за него. Хлопка выстрела РПГ я не услышал, по стенам как раз били вражеские пули, какие-то даже залетали внутрь коридора через пролом

в стене.

Где-то снаружи отдаленно отрывисто рявкнул взрыв, тут же раздался чей-то жуткий вопль боли, который стих на высокой ноте...

А-аа! Получили падлы вражеские...

Вновь перезарядил пулемет, но пока стрелять из него не стал, а подтащив к себе автомат высадил содержимое его магазина одной длинной очередью. Потом выдернул из кармана разгрузки ручную гранату дернул чеку и зашвырнул её себе за спину в сторону лестницы, уходящей вниз. Металлический шарик звонко попрыгал по ступенькам и между этажами прогремел взрыв. В ответ ни криков, ни стрельбы. Ну и ладно, нет там никого, мне же проще.

На секунду в здании повисла тишина. Коридор заволкло тяжелым, густым дымом от горящей крыши, я подполз чуть-чуть вперед, поближе к отверстию в стене откуда тянуло свежим воздухом.

Бах!

Стена сотряслась от взрыва снаружи, меня окатило волной пыли и мелкого крошева.

Чертовы ублюдки, будьте вы трижды прокляты!

Выставил ствол ПКМ через отверстие в стене наружу, чтобы противник точно знал где я нахожусь. Пора с этими мучениями заканчивать, боль стала настолько невыносимой, что терпеть её не было никакой мочи.

Едва удерживая приклад пулемета в ослабевших руках,

тиснул пальцем спусковой крючок – ПКМ затарахтел, высаживая боекомплект одной длинной, нескончаемой очередью, я лишь пытался удержать оружие в правильном положении, чтобы ствол пулемета смотрел в сторону врага. Ни о какой прицельной стрельбе речи быть не могло, я ни черта не видел, дым от пожара на крыше и облако пыли внутри коридора от близких разрывов застилало всё вокруг. Глаза забиты мелким сором, из-под шлема стекает струйка крови по лбу...

Бах!

Бах!

Сразу две гранаты из РПГ вlepились в стену дома. Стена не выдержала и частично обвалилась, кусками ломанного бетона и вывороченных кирпичей меня засыпало. Резкая боль в спине и пояснице! Резануло так, что я заорал во всю глотку. Кричал долго: материл противника, сыпал проклятьями и бранился. Думал услышат и добьют...

Все, что ниже поясницы не чувствую, боль в ноге как отрезало. Чутка легче стало, хоть и понятно, что у меня где-то поврежден позвоночник. Руки двигаются, пальцы сгибаются. Вытащил гранату из подсумка, следом вторую, положил перед собой. Разжал усики, дернул кольцо. Сперва хотел засунуть гранату себе под голову, но глянул на таймер на часах, а там всего 0:17. Семнадцать минут боя. Рано уходить! Я Психу обещал, что продержусь двадцать минут.

Выставил руку с гранатой сквозь дыру в стене и разжал

пальцы, стальной шарик с ребристой насечкой немного полежал на раскрытой ладони, потом я догадался встряхнуть кистью руки и граната упала вниз.

Снизу донесся чей-то визгливый окрик, потом приглушенно рванул взрыв, а следом тут же дикий рев:

- Я – триста!!! Я – триста!!!

- Отсоси у тракториста! – прошептал я в ответ и глупо захихикал.

Хотел сказать громко в полный голос, но сил на это не было. Жаль, такая шутка пропала зря, никто не услышал и не оценил.

Пули застучали по бетонным стенам, через провалы в стене они залетали внутрь второго этажа, рикошетили от бетонных обломков, потолка и стен. Визжали и цокали, как надоедливые насекомые.

- Я – триста!!! Триста!!! Вытекаю!!! – не унимался вражеский подранок где-то совсем близко на земле, под стеной здания.

Пальцы совсем не слушались, усики гранатного запала получилось разжать далеко не с первого раза. Разжал. Дернул кольцо. С трудом протиснул кисть руки с зажатой в ней гранатой сквозь мешанину бетонных обломков через щель наружу, разжал пальцы и встряхнул кистью. Граната улетела вниз.

- Сукаааа..., - раздался снизу крик обреченного человека, который прервался хлопком гранатного взрыва.

Бах!

Бах!

Вновь в стену здания бьют реактивные гранаты, одна залетела внутрь и взорвалась в стене коридора в паре метров от меня. Кумулятивная струя, отразившись от стены с противным шумом рассекла заполненное дымом пространство, мне сорвало с головы кевларовый шлем, а горячая кровь хлынула из рассеченной щеки, лба и уха.

Вспышка новой, острой боли, теперь уже в голове.

- Да, чтоб вас подняло и сильно стукнуло об пол! Мазилы косорукие! – задыхаясь прошипел я. – Одного несчастного стрелка загасить не можете? Мне что стреляться, чтобы сделать за вас вашу работу, черти паршивые?! Гранат-то больше нет!

Автомат кое-как вывернул стволом в сторону врага, со второй попытки заменил пустой магазин на полный, нажал спусковой крючок...

Бах!

Внутри второго этажа вновь влетает вражеская реактивная граната, гремит взрыв. Я вырубился на пару секунд.

Пришел в себя, попробовал оглядеться, шея как окаменела, совсем не желает голову по сторонам вертеть. Искорёженный пулемет отброшен взрывом в сторону, автомат непонятно, где...

Таймер на часах показывает 0:22.

Ну всё задание считай выполнено, обещанные двадцать

минут я продержался. Через восемь минут рванет тонна взрывчатки и меня вместе с двухэтажным зданием разнесет по округе.

Работала лишь правая рука, левой шевелить я совсем не мог. Ощупал подсумки - гранат нет, на груди еще есть пара автоматных магазинов, то толку от них без автомата никакого.

Нож!

У меня есть нож!

Вытащил из ножен длинный, хищного вида клинок, который мне подогнал Фарт. Крепко стиснул рукоять ножа пальцами правой руки, убрал руку с груди, положив её среди обломков бетона. Это теперь мой последний редут обороны. Если успеют подойти близко и попробуют взять живым, успею кого-нибудь их бойцов противника резануть напоследок.

Еще пару минут и рванет тонна взрывчатки – тогда я наконец отдохну.

Самое время подвести итог своей жизни.

Что тут скажешь?

Ничего хорошего! Жил всю жизнь только для себя, думал только о себе. Эх, вернуться бы в прошлое и все изменить. Назад, туда в теплый августовский вечер 1980 года, когда мне было четырнадцать лет и я специально отстал от мамки с батей на перроне железнодорожного вокзала. Они уехали домой в нашу деревню на последней электричке, а я остался

сидеть на скамейке с сумкой, в которой были купленные в райцентре тетради, ручки и карандаши для скорой школы. Поссорился с родителями, не хотел идти в восьмой класс, боялся, что меня оставят на второй год, еще и с пацаном одним и всей его шайкой-лейкой у меня контры были. Учился я из рук вон плохо, еще хуже было с поведением. Провести ночь на вокзале в ожидании первой, утренней электрички было не то, чтобы нормой, но пару раз подобный фокус я уже проворачивал – на скамейке не сидел, а гулял всю ночь по округе, где для пацана из небольшой деревушки всё было в диковинку, а обычная, панельная пятиэтажку казалась чуть ли не Букингемским дворцом. Утром планировал сходить в кино, там как раз крутили «Пиратов XXвека». Буду первым в деревне пацаном, который видел эту киноленту вживую. Пока только пацаны слышали пересказы взрослых, которые в городе ходили на это кино, живьем еще никто не видел, а в ДК в соседнем селе эту картину завезут не раньше, чем через год и то, попробуй туда пробейся. У родаков из семейной заначки я предварительно спер два рубля, так что было на что развернуться: кино – двадцать копеек, мороженное не какое-нибудь плодово-ягодное за семь копеек, а дорожущее и вкуснячее – копеек за двадцать!

Но в кино я так и не попал, мороженого не поел...

Той ночью ко мне подошел какой-то хмельной мужик и предложил подломить ларек «Союзпечать», где на ночь оставляют много всего ценного. Я дурак согласился, нас взя-

ли мильтоны на горячем и покати́л Вовка Поляк на свою первую ходку... а дальше вся жизнь как в том фильме: украл, выпил – в тюрьму; украл, выпил – в тюрьму и так тридцать лет жизни смотрел на небо через стальные решетки, дышал вонюю тюремных камер и лагерных барачков, хлебал баланду и ничего хорошего после себя не оставил.

Вернуться бы в прошлое и дать тому мужику в рожу или просто послать его на хер с такими предложениями.

Свет резко погас, меня будто бы разрядом тока пронзило насквозь, зубы только так и клацнули, но сознание я не потерял. Видеть ничего не видел, но слышать – слышал. В теле появилась необъяснимая легкость, боль исчезла, все проблемы, тяготы и терзания отступили. Стало хорошо, легко и тепло. Будто бы в ванне полной горячей воды лежу и постепенно проваливаюсь в расслабленную дрему.

- Стас, гля, новенький! – раздался мужской голос из темноты.

- Наш?

- Ага, вон у него и «сникерс» для меня, и сигарки для тебя. Видать Бамут расстарался. Пристраиваем бойца к делу?

- Нет.

- Почему?

- Грехов на нём много.

- Он что не искупил свою вину?

- Нет, пусть возвращается обратно, как вернет все долги, так снова явится, а там уж поглядим сгодится он к настоя-

щему делу или нет.

Резкий тычок в грудь – меня бросает куда-то вниз, будто бы у меня из-под ног выбили стул, на котором я стоял, шею захватывает невидимая удавка, острая боль в горле и одновременно в затылке.

Виселица?!

Меня, что повесили?

- Эй, пацан? Пацан! – невысокий молодой мужик в простецких спортивных-трениках с пузырящимися коленями и грязной майке тычет мне в грудь пальцем. – Пацан ты чего тут спишь на скамейке? От поезда что ли отстал?

Я ошарашенно гляжу на мужика с помятым лицом заядлого выпивохи и не понимаю с какого рожна он меня кличет: «пацаном»?!

Я – пацан?! Я так-то ему в отцы гожусь, алкашу не больше тридцати, а может и того меньше. Шея затекла, в горле сухо будто бы не пил тысячу лет...

- До чертей напился что ли? - спросил я. – Какой я тебе пацан?

Голос?!

Что с моим голосом?!

Мой голос звучит как-то не так...непривычно высоко.

Руки, что с моими руками? Глянул на свои растопыренные пальцы – кожа на руках ровная и молодая. Нет шрамов, нет наколотых и выцветших от времени «перстней». Оторванный в драке на малолетке мизинец левой руки - на ме-

сте?

Как такое может быть?!

Глава 2

Бляха-муха, что происходит?

Кто я? Где я?

Испуганно вскочил со скамейки, затравленно оглянулся по сторонам. Что за черт?!

Где я?!

Парковая аллея, погруженная в ночную темень. Дорожка с растрескавшимся асфальтом, скамейки с громоздкими, чугунными боковинами, дощатыми сиденьями и плавно изогнутыми спинками. Редкие пятна желтых фонарей. Бетонная урна полная мусора, в которой сверху лежит смятый, промасленный кусок газеты «Труд», где явственно видна дата выхода газеты – 11 августа 1980 года.

- Слышь пацан, с тобой все нормально? – отшатнувшись от меня на пару шагов спросил алкаш с помятым лицом.

- Ты кто? – судорожно сглатывая пересохшее от страха горло спросил я у мужика.

- Я-то? – пожал плечами мужик. – Вальком меня звать. Слышь малой, дело есть, тут рядышком ларек «Союзпечати», там таксисты-барыги на ночь водку в ящиках оставляют на хранение. Давай ломанем его. Водку – мне, а всякие там значки, марки, сувениры – тебе. А? Давай, соглашайся! Дело – верняк, мильтонов тут отродясь не водилось. Ларек раньше восьми не откроют, а ты на первой электричке отсю-

да сдриснешь, к тебе вообще никаких предъяв не будет.

- Чего?! – ахнул я, враз понимая, где я оказался и самое главное – когда!

- Говорю – дело верняк! Ты сразу видно - пацан ушлый и тертый. Наш человек! Соглашайся.

- Ларек, говоришь, - хищно сощурился я, стремительно разорвал дистанцию с мужиком и с ходу вlepил ему носком сандалии в коленную чашечку.

Удар получился слабым и не точным, но мужику хватило, и он громко, испуганно ахнув повалился на асфальт парковой аллеи, а я, подхватив холщевую сумку со школьными принадлежностями со скамейки рванул бегом прочь по газонам через кусты.

Рванул так, что только пятки засверкали. Ноги само собой вынесли меня к зданию железнодорожного вокзала, который темной громадой возвышался над парком.

В голове шум, в глазах страх и сердце стучит часто-часто, того и гляди выпрыгнет из груди. Влетел внутрь зала ожидания, метнулся в угол, где и застыл соляной фигурой с открытым от удивления ртом.

Я стоял в просторном зале железнодорожного вокзала и ошарашенно глядел на свое отражение в темном окне. Отражение было размытым и нечетким, но и так было понятно, что в нем отражается четырнадцатилетний балбес: растрёпанная шевелюра, карие глаза, под правым глазом уже почти сошедший синяк, чуть пухлые губы, нос «картошкой», но не

от природа, а потому что его за четырнадцать лет жизни три раза ломали, над левой бровью шрам – след от прилетевшей в двенадцать лет хоккейной шайбы. Выглядел я старше своих четырнадцати лет – хоть фигура и была худощавой, но зато роста во мне почти метр восемьдесят и в плечах широк.

Я вернулся в себя. В четырнадцатилетнего себя!

Как?!

Как такое возможно?

Не понимаю...

И ведь это не сон. Точно не сон. Я проверял – несколько раз с силой ущипнул самого себя и до крови рассадил костяшки кулака врезав пару раз в стену. Всё никак не мог поверить, что мне выпал шанс второй раз прожить свою жизнь.

Неужто где-то там на небесах действительно есть Высшие силы, которые решили, что я заслужил прожить свою жизнь заново, исправив все свои ошибки.

Мне четырнадцать лет, на дворе 1980 год, у меня вся жизнь впереди. Особо опасный преступник-рецидивист на исходе пятого десятка, прошедший братоубийственную войну попадает в тело самого себя. Для чего? Что я должен сделать?! Как жить?

Бетонный пол под ногами, ряды сцепленных по четверо фанерных кресел с железными ручками, затёртыми до блеска, в углу - вмурованный черный цилиндр печки-голландки, закрытое окошко «билетных касс» и «справочной». На креслах спать, сидят, разговаривают, дремлют, едят такие же

бедолаги как я. Кто-то не успел на поезд и ждет утреннего, кто-то приехал слишком поздно, а поскольку общественный транспорт уже не ходит то надо ждать утра. Кто-то просто решил перекантоваться в зале ожидания ЖД вокзала, потому что он работает круглосуточно и здесь милиция не гоняет. Это вам не будущее, где у каждого мобила в кармане и работающие 24/7 через агрегаторы таксисты-частники и всякие «яндекс-такси» и «максим».

Воздух пропитан запахом железнодорожного вокзала: сторевший уголь, мазута, пыль и чего-то такого неуловимого чем пахнут перроны, шпалы, рельсы и поезда – запах дальних странствий и приключений. С детства люблю этот запах. Для пацана, чье детство прошло в небольшой деревушке, куда даже рейсовый автобус не заезжал и на остановку приходилось идти через поля пару километров, железнодорожный вокзал и перрон, с которого всегда начиналось путешествие в районный или областной центры – это как портал в волшебный мир полный приключений и всяких диковинок, вроде уличного автомата выдающего газводу с сиропом за 5 копеек.

Когда вырос и стал взрослым, откинувшись после четырех лет проведенных на первой зоне, вся романтика поездов как-то сама собой ушла. В детстве все пахнет не так как во взрослой жизни. Во взрослой жизни все пресно и не вкусно.

И вот сейчас этот давно забытый запах детства, этот аромат разных вкусов и оттенков буквально сбил меня с ног.

Я вернулся в юность! Я живой, я могу снова прожить свою жизнь заново!

Я сел на фанерное кресло в зале ожидания и глубоко задумался. Как мне прожить свою новую жизнь? Честно, не совершая прежних ошибок и не нарушая закон? Вроде бы эта самая логичная мысль, которая может прийти в голову человеку, которому дали второй шанс.

Но...

Как же я могу исправить свои старые ошибки и раздать долги, накопившиеся в той, прежней жизни, если я не повторю свой жизненный путь? Как?!

Просто жить праведно и, по совести. Этого будет достаточно чтобы отдать долги и искупить свою вину? Наверное, да! Тогда, что? Утром сажусь на электричку, возвращаюсь домой, каюсь перед родителями, а потом начинаю жить по-новому: хорошо учусь в школе, не хулиганю, не шлындаюсь без дела, помогаю родителям по хозяйству и по дому. Закончу школу, поступлю в училище на тракториста, потом армия, вернусь в деревню, буду честно работать, женюсь, жена мне детишек нарожает, я её бить не буду и пьянствовать тоже не буду, всё в дом, всё для детей и жены...

И так всю жизнь, вплоть до самой гробовой доски?

Этого будет достаточно чтобы искупить свои грехи прежней жизни?

Может еще в церковь начать ходить? Но у нас во всем районе кажись и не было действующих церквей. О-ооо! А может

мне в монастырь податься? Или как там правильно это называется в православии? В семинарию поступить и на попу выучиться? Или «попов» попами не называют...

Черт его знает, как оно правильно надо жить, если никогда правильно не жил. Может в пионеры податься? Вылезу из двоек, вести себя хорошо буду, глядишь и в пионеры примут, потом в комсомол поступлю, а как союз развалится, так депутатом заделаюсь и буду только хорошие законы принимать.

Голова шла кругом от мыслей...

Что делать? Как быть?

Может не надо было этого алкаша бить? Может надо было с ним провести беседу. Уговорить добрыми словами, рассказать ему какую-нибудь душещипательную историю, чтобы он одумался и взялся за голову, перестал бухать, воровать и раскаялся в своих грехах. А я вместо этого сразу в драку полез.

Вот дурья башка! Нет, чтобы доброе дело совершить, я опять набедокурил.

Надо найти этого мужика и поговорить с ним. Попробую его добрыми словами наставить на путь истинный.

Подхватил свою сумку с тетрадями со скамьи и двинул на выход из зала ожидания. Парк, где я уснул на скамейке располагался рядом с железнодорожным вокзалом, он так и назывался – парк «Железнодорожников».

Настроение было приподнятым. Все-таки не каждому вы-

падает шанс прожить свою жизнь заново, а с учетом того, что я знаю будущее, так я могу свою жизнь прожить вполне комфортно. Через пять лет генсеком в СССР станет «горбатый» или как его еще называли – «меченый», потом разрешат кооперативы. Кстати, а может двинуть в Ставропольский край найти там Горбачёва, да как дать ему по башке кирпичом, чтобы у него мозги из ушей хлынули. Или «горбатый» в 1980 году уже в Москве обосновался? Интересно можно спасти СССР если физически устранить еще не ставшего генсеком Горбачева?

А вообще, можно будет податься в Москву и развернутся там по полной...

Стоп!

Какой еще развернуться по полной?!

Я же собирался тихо-мирно жить в родной деревне жизнью праведника: работа, дом, семья, алкоголь только по праздникам, чтобы никаких шлюх, блэк-джека, виски рекой, блатной романтики и прочего распутства!

Ух, ты ж бляха-муха! А ведь нелегко будет жить, зная будущее наперед и не воспользоваться своими знаниями. Не покупать доллары, не заниматься фарцой, не крутить схемы, не решать вопросы, не устроить даже малюсенького залогового аукциона, в общем «не крутиться», а жить жизнью обычного человека...

Дилемма!

В ночном парке я алкаша не нашел и решил, что, скорее

всего, он, получив от меня пинка по колену убрался домой зализывать раны, но на всякий случай двинул к тому самому ларьку, за взлом которого в прошлой жизни получил свой первый тюремный срок, вдруг пьянчужка там и он решился единолично совершить подлом газетного киоска.

К намеченной цели двинул не напрямки, а через заросли парка, по дороге справил под деревом малую нужды. Подходя к ларьку, обнаружил у его задней стенки, обращённой к парковым кустам две фигуры, которые возились возле дверцы. Одного я сразу узнал – тот самый алкаш в замызганной майке, а вторым оказался невысокий пацан моих лет в вельветовых штанах, клетчатой рубашке и почему-то в зимних ботинках на босу ногу.

Этот debil все-таки спелся с кем-то и нашел себе пособника! Вот ведь долдон! Всё зло на земле из-за синьки!

- Дебилы валите отсюда, ща мусора прикатят! – крикнул я нарочито громко.

Пацан в ботинках от моего крика испуганно шарахнулся в сторону, алкаш ухватил его за рукав, но удержать не смог и под треск разрезаемой ткани подросток рванул на утек. В руках алкаша остался лишь обрывок клетчатой ткани.

- Что?! – встрепенулся забулдыга. – Какие еще мусора? Как ты их вызвал? Телефон на станции уже три дня не работает.

- Я линейщиков позвал! – выкрикнул я, медленно пятясь назад в темноту парковых зарослей.

- Не ври! – раздраженно скривился помятый мужик. – Не мог ты их позвать, они в депо бухают – у Палыча вчерась дочка родила, он за внука проставляется.

- Ну тогда по мобиле звонил, - огрызнулся я, - набрал «102» и вызвал ментов!

- Чего?! – глаза алкаша ошарашенно округлились. – Какой еще 102? Какой мобиль?! Ты, чё гонишь малек? А ну иди сюда? Сейчас я тебе...

Алкаш подхватил с земли обломок красного кирпича, которым видимо киоскер подпирала дверь и замахнулся чтобы кинуть в меня. Я отскочил в сторону, половинка кирпича пролетела мимо, а потом забулдыга прыгнул в мою сторону. Я споткнулся о вылезший из земли корень дерева и растянулся на земле, тут же подскочил и не обращая внимание на боль в лодыжке бросился прочь, но алкаш оказался неожиданно резвым и спустя секунду нагнал меня.

Сильный пинок в поясницу бросил меня вперед, я вновь упал на землю. Тут же удар по спине, потом второй, потом еще и еще раз. Пьянчужка пинал меня как футбольный мяч, а я лишь успел свернуться калачиком, прикрывая пах и закрыв голову руками.

- Тварь! Тварь! – орал алкаш. – Ты думаешь первый такой? Да?! Нет, не первый, я таких как ты уже с десятков на нары отправил и еще отправлю. На получай, получай! Ненавижу вас племя бесовское. Тварь! Твари! Твари!

Удары сыпались один за другим, в какой-то миг я наме-

ренно раскрылся, пропустил удар в живот, но успел захватить ступню алкаша в захват и резко перевернувшись на другой бок, перекинул противника над собой - в его ноге отчетливо хрустнули ломаемы кости голеностопа.

- А-ааа!!! – пронзительно закричал мужик от боли, валясь на землю.

Я стал на карачки, подобрал с земли небольшой кусок обломанной тротуарной плитки и резко ударил кричащему от боли мужику по скуле. Крик тут же оборвался, превратившись в жалобный скулеж – нижняя челюсть перебита, а дальше я двумя точными ударами острым концом бетонного осколка травмировал обе коленные чашечки алкаша.

Мужик забился в агонии боли, попытался спихнуть меня, но я что есть сил ударил его кулаком в голову, потом еще раз и еще. Во мне так и клокотала безумная ярость и ненависть к этому уроду, который много лет назад исковеркал мне жизнь, сблатовав на кражу.

Я отчетливо вспомнил как всё тогда было:

Алкаш предложил подломить ларек, пообещав, что мне за это ничего не будет, так как первая электричка отходит от перрона в 6:30, а ларек раньше 8:00 не открывают. Я дурень такой согласился. Мужик самолично сбил навесной замок фомкой, открыл дверь, дал подержать фомку мне, взял пару бутылок водки из картонной коробки, сказал, чтобы я его обождал здесь, пока он сбегает за сумкой и всучил мне в руки ворох смятых денежных банкнот, который вытащил из

ящика под прилавком. Алкаш убежал за сумкой, а я остался с фомкой в одной руке и мятыми рублями в другой, а спустя сорок минут приехали менты, которые тут же меня и взяли в оборот, ну, а потом в КПЗ мне засланный специально сиделец объяснил, чтобы про водку в киоске я молчал как рыба об лед, иначе со мной может приключиться что-то плохое, а если возьму все на себя, то на малолетке меня примут как своего, ведь главное не сколько сидеть, а как сидеть. Тогда мне дали два года, на зоне для несовершеннолетних за драку с «телесными средней тяжести» накинули еще столько же.

Этот гад меня же ментам и сдал, иначе никак не объяснить откуда они взялись и почему он так не появился возле ларька с сумкой.

И скольким наивным пацанам вроде меня этот урод сломал жизнь? Он специально подставлял под статью таких дурачков как я. Зачем не понятно, вряд ли он состоял в сговоре с ментами. Может в голове были какие-то тараканы из юности, может просто воровал водку, а чтобы скрыть следы преступления подставлял малолеток... Впрочем сейчас мне были неважны его мотивы, я хотел отомстить и избавить мир от уroda!

Я хоть и месил его кулаками из-за всех сил, но в нетренированном подростковом теле этих самых сил было слишком мало. Впрочем, от моих ударов мужик все-таки вырубился, я стянул с него одну туфлю и бросил её к открытой двери ларька, а потом на лбу алкаша острым концом бетонного

осколка накарябал: «СУКА».

Хромая на ушибленную ногу подошел к ларьку заглянул внутрь: все, как и было тогда много лет назад, хоть тогда и сейчас – это как-бы одно и тоже. Вытащил из коробки под прилавком, на которой простым карандашом было накарябано: «СИНИЙ» ворох смятых мелких купюр, сунул их себе в карман, потом выволок наружу ящик с водкой, разбил несколько бутылок. Достал стопку не распроданных газет, перетянутых бечевкой, рассыпал их под стенкой ларька, скомкал несколько газет и поджег их.

Взял одну бутылку с собой, вернулся к алкашу, открыл бутылку и полил на него водкой. Мужик тут же пришел в себя.

- Мой батя – полковник внутренних войск, мы здесь у родни гостим, - прошипел я ему на ухо явное враньё, - сам сдашься ментам, утром батя проверит, если сбежишь, то тебя найдут и убьют, - напоследок сунул кулаком мужику в нос, раскровенив его.

Оставил початую бутылку рядом с мужиком и опасливо глядя по сторонам двинул вглубь темного парка. Вроде никого постороннего нет.

Как только за моей спиной сдвинулись деревья и кусты, тут же пошел быстрее. Если бы нога не болела так сильно, то рванул бы во все лопатки, а так еле плелся.

Вышел из парка, пробрался к ближайшей панельной пятиэтажке и уселся на бетон под одним из балконов первого

этажа. Надо перевести дух и понаблюдать за парком и зло-счастливым ларьком, который мне отсюда был прекрасно ви-ден. От ларька понималась жидкая струйка дыма, а огня не было видно вовсе – все-таки газеты, спрессованные в плот-ную стопку не так уж, хорошо горят.

По ощущениям прошло не меньше пятнадцати минут, но никакого патрульного автомобиля милиции возле парка не появилось. Значит я был прав в своих предположениях – то-гда алкаш меня специально сдал ментам. Почему он это то-гда сделал я не знал, а сейчас уже и не спросишь, не возвра-щаться же обратно, чтобы жестко допросить мерзавца.

Только спустя еще какое-то время к ларьку подбежало несколько теток, видимо они заметили дым от горящих га-зет. Женщины принялись суетиться и бегать вокруг ларька, что-то громко обсуждая и размахивая руками.

Наконец подъехала «канарейка» - ярко-желтая патруль-ная машина советской милиции. Я чуть было не прослезил-ся от умиления увидев советских милиционеров, когда они тащили из кустов пьяно отбрыкивающегося от них алкаша.

Ну, всё! Попал голубчик! Всё против тебя – гарантиро-ванно за решетку попадешь!

В душе возникло приятное чувство свершившейся спра-ведливой мести. Вот теперь можно и сваливать по-тихому. Только бы алкаш ничего про меня не рассказал, и чтобы мен-ты в его рассказы не поверили, а то ведь так могут и меня прицепом заграбастать.

Пересчитал добытые в ларьке деньги - набралось десять рублей и сорок копеек. Сумма более чем значимая по нынешним временам. Можно мамке с батеЙ подарки купить в знак примирения, чтобы загладить свою вину перед ними. Но делать я этого не буду, потому что они обязательно спросят откуда деньги. А откуда у подростка в 1980 году могут быть свои деньги? Заработать легально можно было и в те годы, но не за одну же ночь. Соврать, что нашел? Так не поверят, особенно учитывая порванную и извазюканую в грязи одежду, а также ссадины и кровоподтёки, оставшиеся после стычки с алкашом.

Ладно пока припрячу, уж деньги лишними никогда не бывают...

Черт возьми! А ведь я жив...

Жив!!!

Жив мать мою так!!!

И не просто жив, а вернулся назад – в детство! В то самое благодное время, когда все деревья высокие, девчонки красивые, мороженое вкусное и вся жизнь, которая кажется такой долгой – впереди!!!

Вся жизнь – впереди!

Боже, какое счастье!

Эх, если бы не боль в ноге, то я бы пустился в пляс

Пришлось даже зажать себе рот обеими руками, чтобы не закричать во все горло от счастья и переполнявших мою душу положительных эмоций.

Я жив!!!

Жив...

Выбрался из-под балкона и закинув на плечо сумку с тетрадками и прочей канцелярией двинул прочь от парка и железнодорожного вокзала. Если пройти пять километров, то будет первая остановка на пути электрички ведущей в сторону нашей деревни. Там и сяду на поезд. Пусть и с хромой ногой, но до 6:30 утра точно успею добраться.

То ли на адреналине, то ли само собой так получилось, но нога уже не так и болела, настроение было приподнятым и чертовски хорошим. Вокруг все казалось таким прекрасным и замечательным. Воздух пах не смрадом близкого вагонного депо, мазутом, машинным маслом и сгоревшим углем, а свободой и надеждой на новую, отличную жизнь, которую мне выпал шанс прожить заново.

Неожиданно для себя я понял, как мне надо прожить эту жизнь и для чего высшие силы вернули меня обратно – я должен нести добро людям, исправлять несправедливость, карать подлецов и мерзавцев.

Как с этим алкашом, который успел искалечить не одну жизнь, уверен, что теперь он уже никому не сделает ничего плохого.

В голове сами собой всплыли строчки стихотворения, слышанного когда-то давно, честно даже не помню от кого и где их услышал:

Добро должно быть с кулаками.

Добро суровым быть должно,
чтобы летела шерсть клоками
со всех, кто лезет на добро.

В конце концов, добрым словом и кулаками можно до-
биться большего, чем только одними добрыми словами, а ес-
ли раздобыть еще и пистолет, то задуманное мной дело пой-
дет уж совсем весело.

Всё решено: буду нести людям добро! Буду брать это доб-
ро, комкать его сильнее, чтобы оно становилось бетонным и
швырять его буду во всяких мерзавцев и подонков, которые
мешают спокойно жить хорошим людям. Чтоб от этих гадов
лишь кровавые ошметки в разные стороны летели!

А настроение прям – огонь!

Надо успокоиться и взять себя в руки, а то сейчас на ад-
реналине влечу в какие-нибудь неприятности. Все-таки на
дворе СССР и начало 80-ых, здесь все несколько иначе. На-
до вспомнить как оно всё тут было, чтобы не получилось,
как с давешним алкашом, которому я про звонок по мобиле
на номер «102» заявил. Ладно он еще не понял, а другой бы
смекнул, что здесь что-то не так, могли ведь и за американ-
ского шпиона принять.

Надо быть осторожней и язык за зубами держать. Хорошо
бы еще вспомнить что-нибудь из скорого будущего. Что у
нас в стране происходило в 1980 году?

Олимпиада в Москве...

Смерть Высоцкого...

Или всё это уже прошло, потому что случилось в июле 1980 года, а на дворе уже почти середина августа.

Всё, больше ничего не помню. Хотя убей ничего вспомнить не могу до самой смерти Брежнева, которая была уже в 1982 году. Я тогда в тюрьме сидел, мне как-то не до событий в стране было.

Зато свою прежнюю прожитую жизнь я неожиданно вспомнил в мельчайших подробностях. Как будто высшие силы специально мне память освежили, чтобы я гад такой знал за какие грехи мне надо каяться и прощение просить. Воспоминания были настолько яркие и реальные, что я первым делом как добрался до небольшой железнодорожной станции уселся на скамейку и принялся их в тетрадь записывать.

Вот так сидел, сторбившись на скамейке и писал, писал, писал...

Мне казалось, что это самое главное сейчас для меня – записать все свои грехи, чтобы не пропустить ни один. Это было сродни какому-то наваждению, будто бы кто-то завладел моим разумом и руками, выводя ровные строчки в клеточках школьной тетради.

Я все писал, писал и писал...

За три часа, которые прошли с того момента как я раскрыл тетрадь и начал писать, я успел исписать мелким убогим подчерком две восемнадцати листовые тетради в клеточку.

Да-ааа, грехов-то много накопилось, о большей части я, честно говоря, уже и думать забыл, а оно вон как повернулось. Где-то там на небесах строго вели учет всех грешков Вовки Поляка.

Потом уже, сидя в вагоне электропоезда и от нечего делать, читая свои же записи я понял, что все не так однозначно и в написанном много не только моих личных «подвигов», но часто попадались так же подробности преступлений, совершенных моими корешами, кентами или просто посторонними людьми, о которых я когда-то слышал.

Это что ж получается, что мне надо исправлять не только свои «косяки», но и чужие?! Или всё дело в том, что большая часть моих грехов в любом случае не будет совершенна, потому что я о них и так знаю. А еще я понял, что высшие силы, злой рок или кто там на небесах отвечал за переброску меня в прошлое, точно не хотят, чтобы я стал монахом и жил простой жизнью обычного тихого человека. Тут такого в тетрадях понаписано, что надо все записи хорошенько вызубрить, а потом обе тетради уничтожить от греха подальше. Не хватало чтобы эти знания получил кто-то посторонний.

Меня ждет новая, насыщенная жизнь. Успеть бы исправить всё, что должен...

Глава 3

Первое сентября – день знаний! Сегодня как раз первое сентября 1980 года. Я иду в школу. Обычно первое сентября – это день, в который все школьники испытывают двойкие чувства. С одной стороны - здорово опять увидеть своих одноклассников и пообщаться с теми, кого не видел все лето, а с другой стороны – понимаешь, летние каникулы пролетели как один миг, ты толком отдохнуть не успел, а впереди тебя ждет бесконечный, как товарный состав поезда, тяжелый, как все тома БСЭ и нудный, как телепередача «Сельский час» новый учебный год. Девять месяцев ада: уроки, домашние задания, контрольные, дежурства, уборка класса и апофеоз всего этого кошмара – выпускные экзамены по окончанию восьмого класса.

Беспросветная тоска ложится многотонным грузом и давит к земле любого нормального школьника, возвращающегося домой в первый учебный день, ибо он понимает – это херня будет длиться бесконечно долго, аж целых девять месяцев!

Но это у обычного, среднестатистического школьника, а я-то не обычный, мне только на вид шестнадцать лет, хоть согласно свидетельству о рождении – мне четырнадцать, но мозги-то у меня и сознание мужика, которому не хватило дожить до шестидесятилетнего юбилее всего два года. Так

что я в школу шел как на праздник! Это ж какой шанс заткнуть всех одноклассников за пояс своими знаниями. Так-то я записной двоечник в своё время был, из тех, для кого трояк – это праздник.

Школьные учебники я принес из школы неделю назад, старательно завернул их в обои, а потом от нечего делать еще и прочитал все от корки до корки. Алгебру и геометрию только проигнорировал. Вот кто бы мне сказал в старой моей юности, что я буду без всякого принуждения заниматься самообразованием, то я бы в ответ лишь покрутил пальцем у виска. На хрена та учеба если есть более важные в конце августа дела: сгонять на речку, сходить на рыбалку, обнести колхозный сад, тайком пробраться на вечерний сеанс в ДК соседнего села, посетить танцульки, после которых до крови выяснять отношений с пацанвой из другой деревни, гонять на телегах, возящих сено, кататься с высоченного стога сена, прыжки в силосную яму, печеная на костре картошка, игра в ножички, курить папиросы «Беломорканал» украденные у деда или бати. И это только те «важные дела» для реализации, которых не нужны деньги, а если разжиться звонкой монетой, то можно такое учудить что ого-го и эге-гей!!!

Но мне все эти «важные дела» были не интересны. Хоть тело у меня четырнадцатилетнего подростка, но мозги прожившего жизнь старпера...и это вызывает определённые трудности. Друзья-корефаны, с которыми я дружил до того самого дня, когда моя жизнь изменилась раз и навсегда мне

вдруг стали не интересны. Ну не прет меня идти на речку, чтобы купаться, загорать и лежать весь день на песке играя в затертые до дыр карты, попутная обсуждая знакомых девчонок, которые в этом худосочной возрасте не представляют из себя еще ничего интересного, то ли дело доярки с фермы, но их «бидоны» с сверстниками не обсудить, потому что эти тетki для них «старые» - им ведь, о ужас! по тридцать лет.

В общем, в этом попадалове шестидесятилетнего мужика в подростковое тело самого себя есть определённые неудобства: тело – юное, мозги – старые, которые смотрят на жизнь через призму пережитого опыта. Но есть и плюсы.

Плюс первый – начинаешь думать не гормонами, а головой.

Плюс второй – перенастройка ценностей, причем в буквальном смысле, начинаешь ценить то, что обычные подростки никак не ценят.

Плюс третий – смотришь реально на происходящие вокруг процессы, понимая как на самом деле всё устроено в мире и почему взрослые говорят одно, а делаю другое.

Впрочем, может это не плюсы, а совсем даже наоборот, тут уж с какого ракурса посмотреть...

Попал я в свое юное тело 12 августа 1980 года, сейчас на календаре – 1 сентября того же года. Я иду в школу на торжественную линейку, у меня отличное настроение, в кармане есть десять рублей и все просто замечательно. Единственное что напрягает – это сандалии на ногах, которые меньше, чем

надо и в них давят пальцы.

Все-таки в СССР умели делать обувь, ей истинно не было сносу. Кожа толстенная, на носках обычно просто сбивалась краска от времени, но не более того и обувь можно было носить годами. Поэтому её покупали на вырост, чтобы хватило на пару лет. Из-за чего в первый год носки надо было надевать пару носков, желательно один теплый, чтобы туфли или ботинки не болтались, если повезет и нога сильно не вырастит, то второй год носки будет самым комфортным, а вот третий год был самым адским, потому что ботинки становились малы, ладно был бы ещё младший брат и он бы донашивал за мной, но у меня нет младшего брата... у меня сестра, которую родители явно любят больше чем меня.

Кстати, про родителей...

Вернувшись в себя юного, я понял очевидную вещь, которую почему-то никак не постиг до этого за всю свою жизнь – родители не обязательно должны любить своих детей.

Это про меня...

Войдя в родной, родительский дом, где я не был больше сорока лет я бухнулся перед родителями на колени и расплакавшись долго просил у них прощения за свою непутевую жизнь. Батя с мамкой натурально офигели от такого поворота, даже не кричали, не пороли и нотаций мне не читали. Это для них прошла всего одна ночь с нашей последней встрече, а я-то их не видел много-много лет, в старой, уже прожитой мной жизни оба родителя умерли, и я не был на их похоро-

нах.

Три дня после возвращения домой я буквально горел энтузиазмом и летал по дому и двору, как сраный веник, помогая родителям любым способом, который мог только придумать: чистил свинарник, разбрасывал навоз по огороду, выбивал половички, выметал двор, встречал скотину, возвращающуюся после выпаса, переворачивал скошенное сено, копал картошку, помогал деду и так далее и тому подобное. Шуршал по дому как папа Карло и мама Марло, свет не видел еще такого помощника родителям коим был я эти три дня.

И знаете, что?

Ничего!

Родители отнеслись к резкой перемене моего привычного поведения, как к плохому сигналу – значит, той ночью, что я провел на железнодорожном вокзале я упорол такой эпичный косяк, что просто на голову не налезает и скоро за мной придут менты.

И тут я глубоко задумался. Почему так?

Нет, оно понятно, что Вовка Поляк – тот еще подарок и сухофрукт, я с детства был бедовый...но почему я стал таким? Почему?!

Может, просто на просто, я всё детство и юность своим хулиганством привлекал внимание родителей к себе? Может такое быть? Вполне!

Оказавшись в своем четырнадцатилетнем теле, но с со-

знанием меня старого я вдруг понял, что мама с папой меня любят намного меньше, чем мою младшую сестру. Родители как будто меня не замечают, игнорируют и делают вид, что меня просто нет. И я, подсознательно видя эту несправедливость, пытался сделать все, чтобы они обратили на меня своё внимание.

А спустя пару дней я даже догадался из-за чего это происходит, причем самое удивительное, что все факты лежали на поверхности, их никто не скрывал, но я за всю свою долгую жизнь ни разу не задумывался об этом и не складывал дважды два.

Человек, которого я всю жизнь считал своим отцом – на самом деле им не являлся. Мои родители поженились сразу после того, как отец вернулся из армии, а через год – в 1966 году я появился на свет, но в те времена в армии служили дольше на год, то есть в сухопутных войсках срок срочной службы был – 3 года. Короче, пока родители были на работе я достал документы и там обнаружил письма родителей, военный билет отца и свидетельство о браке. Просмотрел их все, свел воедино даты на всех документах и сделал вывод, что батя никак не мог быть моим биологическим родителем. Хоть, честно говоря, это можно было понять и более простым способом – посмотреть в зеркало и сравнить увиденное там отражение и детские фото моих родителей. Я не был похож ни на отца, ни на мать, которые между собой были чем-то неуловимо схожи. Ни цветом волос, ни цветом глаз,

ни формой лица, ни комплекцией. А вот сеструха – точная копия мамки с папкой.

Чтобы окончательно развеять свои страхи или наоборот подтвердить их, я надел на деда – отца матери, тот сперва высек меня за такие мысли хворостиной, потом оттягал за уши, потом гонял поленом по двору, но я не сдавался и продолжал наседавать на него с одним и тем же вопросом: кто мой настоящий отец? В итоге дед сдался и рассказал, что пока батя был в армии, мамку какой-то заезжий артист-гармонист из гастролирующего по области ансамбля народной самодеятельности соблазнил и обрюхатил.

Вот тут у меня пазл и сошелся. Родители не навещали меня ни разу пока я томился в СИЗО, не присылали мне ни единой «дачки» пока я парился на «малолетке», а потом, когда после четырех лет отсидки я вернулся домой меня даже на порог родной хаты, не пустили. И это было не из-за того, что я скотина такая опозорил семью на свою деревню, я просто был для своих родителей – отрезанный ломоть, они рады были избавиться от меня – того, кто своим присутствием напоминал им о заезжем гармонисте.

На следующий день я объявил, что съезжаю к деду, который жил в соседнем поселке. Тем более, что за дедом надо было присматривать, да и в школу от него ходить было ближе на пару километров. Родители лишь согласно кивнули головами, и мамка собрала мне необходимый минимум вещей.

А еще мне стал понятен замысел тех высших сил, кото-

рые вернули меня из будущего в прошлое. Если сперва я радовался и веселился своему воскрешению как идиот, думая, что мне неслыханно повезло, то теперь я четко осознал – всё это есть ничто иное, как моё наказание, моя кара небесная! Причем наказание суровое и весьма жесткое!

Ну посудите сами:

Я вернулся в юность, но все прелести и радости беззаботного подросткового возраста мне не интересны вследствие того, что мозги и сознание у меня шестидесятилетнего.

Я вернулся в себя молодого и узнал, что всегда был нежеланным и лишним ребенком для своих родителей, которые только рады будут если я исчезну.

В начале 80-ых прошлого века в которые я с размаху вцепился: нет интернета, нет мобильной связи, да и проводных телефонов тоже практически нет, телевидения можно сказать тоже нет, потому что по «ящику» на двух каналах крутят одну и ту же нудятину. Нет, для современников иметь в доме черно-белый телевизор «Крым» или цветной «Рубин» - это весьма солидно и круто, причем неважно что по ним показывают, но я-то смотрел «Аватар» Джеймса Кэмерона на полутораметровой «плазме», поэтому мне есть с чем сравнить. Из всех развлечений доступных мне сейчас, это: проигрыватель с весьма скудным набором грампластинок и радиоприёмник.

Можно было на танцуйки ходить, где девок тискать, но для этого надо было иметь крепкие кулаки и нормальную

одежду.

Если вдруг станет плохо и надо вызвать «скорую», то сперва надо умудриться найти где-то проводной телефон, по которому эту самую «скорую» вызывают, тоже самое касается и вызова ментов и пожарных. Про время приезда экстренных служб по вызову я вообще молчу, оно тут регламентируется состоянием дорог и автомобилей.

Я попал в начало 80ых после сытых и богатых на ассортимент магазинных полок двадцатых годов двадцать первого века. Стирать вещи надо в корыте, нагревая воду на печи, туалетной бумаги нет, жопу вытирать надо смятой газеткой, фумигаторов от комаров нет, холодильника у деда нет, мух до фига, в магазинах привычных мне по двадцать первому веку продуктов нет, а те, что есть, вследствие отсутствия в них определённых пищевых добавок и химии долго не хранятся, да еще и имеют весьма стремный вкус.

Серые макароны, которые при варке раскисают в кашу; грязная гречка и рис, которые перед варкой мало промыть, их сперва надо перебрать, убрав инородные включения; хлеб, внутри которого нередко встречается скисший, липкий мякиш; сливочное масло – крошится, конфеты - бетонные и невкусные, шоколада нет, кофе и чай такие, что лучше их не пить, пиво безбожно разбавляют водой; привычные в будущем дешевые фрукты: лимоны, апельсины, киви, бананы, ананасы – экзотика, которой ни то что в нашем сельпо, а даже в магазинах областного центра не бывает на полках.

При этом современники конечно же такой ассортимент на полках в магазинах воспринимают нормально и буднично, к выбору доступных развлечений тоже относятся нормально и даже бытовые трудности их не пугают, потому что о стиральных машинках «автомат», компьютерах, мобильных телефонах, интернете, он-лайн кинотеатрах и двухслойной «белой» туалетной бумаге «зева» они слыхом еще не слыхивали и в ближайшие десять лет не услышат. Но я-то бляха-муха все это видел, щупал и активно пользовал, мне-то как теперь жить прикажите?!

Мало того, я ведь все фильмы, которые выйдут в ближайшие годы пересмотрел десятки, а то и сотни раз, все шлягеры и хиты, которые выйдут в радиоэфир знал на зубок, бляха-муха, да я девок в стрингах с бритыми ляшками и интимными стрижками привык пользоваться, а не в тех рейтузах, что в 80-ые бабы носят...

Короче, вот если бы меня закинули в тело четырнадцатилетнего пацана, но все-таки в двадцать первом веке – вот это была бы удача, а оказаться в 1980 году – приятного, знаете ли, мало, особенно если есть с чем сравнить.

Но все не так страшно и уныло, как может показаться из моих рассуждений. В этом времени есть много чего интересного и выгодного, особенно для человека предприимчивого и лишенного так сказать излишней зашоренности взглядов. В конце концов, человек – это такая скотина, которая ко всему привыкает и адаптируется в этой жизни, особенно если

перед этим несколько лет не вылезал из окопов, а до этого по зонам и этапам «ходил». Бытовые трудности только на первый взгляд кажутся страшными, а спустя неделю уже привыкаешь ко всему, тем более если ты юн, физически здоров и активен. Да и с продуктами питания, я все-таки немного приукрасил. Это в городе проблема с нормальной хавкой, а в деревнях с этим слава богу еще терпимо. Курица, рыба, свинина, яйца, молоко, творог, картошка, лук, капуста – все своё, все домашнее. Натурпродукт, никакой химии, сплошные витамины и омега-кислоты. Хотя, макароны, чай, кофе и хлеб – так себе по качеству.

А то, что я ворчу – это объясняется тем, что мне не охота еще три года сидеть в этой дыре, чтобы закончить школу, получить полное школьное образование и только потом поехать в большой город, чтобы стать студентом. Да! Я решил, что обязательно получу высшее образование. Буду первым из Поляковых кто окончит ВУЗ. Честно говоря, если пойду в 9-10 класс, то это тоже будет впервые в нашем семействе, потому что у бати и мамки за спиной только неполное среднее, а дед тот вообще пишет и считает с трудом.

Жаль, что в этом времени нельзя банально купить аттестат о окончании школы. Я бы так и поступил, не тратя три года жизни на лишнюю всякого смысла суету. Но в 1980 году коррупция в образовании еще не достигла нужного размаха.

В общем, пока буду учиться как все, а там поглядим...

Солнышко светит, теплынь, птичку щебечут – красота!

До Красновки, где располагалась школа идти от Жмых, где жил мой дед Петр всего-ничего – два километра. Полчаса неспешным шагом. Надо будет на обратном пути заскочить в пару домов и предложить хозяевам чистку печных дымоходов. Я ж ведь не просто так к деду переехал, чтобы родаков своим видов не напрягать, я к деду по делу переехал. Мы с ним совместные дела будем крутить. Причем все легально и законопослушно в соответствии с УК СССР.

Дед последние годы, как вышел на пенсию калымит – на своей телеге возит теток три раза в неделю на Ж/Д перрон, где на пять минут останавливаются несколько поездов дальнего следования - тетки продают овощи, фрукты, орехи, ягоды и нехитрую деревенскую снедь: пирожки, булки, варенные картошку, яйца и курицу. Дед мало того, что сшибает с них общую трешку за каждую поездку в обе стороны, так еще они продают рыбу, пойманную и завяленную дедом.

Теперь я могу подменять деда на извозе, а могу помогать с ловлей и вяленьем рыбы в свободное от учебы время. Двадцать-тридцать, а то и все пятьдесят рублей калыма в месяц – падают в карман.

Еще мой дед известный на всю округу печник, и мы будем с ним подрабатываем чисткой дымоходов и перекладкой печей, что весьма актуально осенью в преддверии зимы. Сколько это принесет дохода, пока не понятно, но думаю никак не меньше сотни.

А ближе к холодам, когда колхозные трактора и комбайны

загонят на зимовку в ангары МТС, то дед устроится туда сторожем, но фактически сторожить по ночам, а точнее спать на рабочем месте за зарплату буду я за него. А это еще лишних восемьдесят рублей в месяц. Причем сторожить трактора я собирался не только ради зарплаты, сколько из-за основательной, хорошо утепленной сторожки, где помимо стола, стула, радиоприёмника и вешалки на стене была еще и крепкая тахта, которая с легкостью выдержит мои наполеоновский планы в отношении местных доярок.

Тут ведь как: мне четырнадцать, гормоны полового созревания прут как на дрожжах, но обычно в этом возрасте подростки очень стеснительны, неопытны и всего боятся, но не в моем случае, у меня-то сознание шестидесятилетнего, когда всяких баб испробовал вдоль и поперек, так что стесняться и бояться уже нечего, зато опыта в этих делах, как у дурака махорки. В общем, как было написано на «Москвиче 2141» моего соседа в далеких 90-ых: «ебарь-перехватчик вышел на охоту». Сами понимаете, что потенция четырнадцатилетнего подростка и похотливые мыслишки шестидесятилетнего мужика – это гремучая смесь, когда вокруг полно одиноких сисястых тридцатилетних девок.

В общем вы уже поняли, что планов на ближайшее будущее у меня громадьё: хорошо учиться, заработать денег на будущее и соблазнить всех красивых теток в округе... а ну и не забывать нести добро людям, как планировалось ранее!

С охраной МТС по ночам зимой был связан еще один мо-

мент – самый главный, но произойдет он в реальности или нет, я пока не знаю, надо ждать зимы.

Вышел на окраину Красновки, до школы оставалось совсем немного, буквально пройти пару сотен метров, двухэтажка школы в окружении высоких тополей уже видна.

- Эй, Поляк, а я думаю кто меня сигой угостит, а тут ты идешь! – раздался насмешливый окрик из ближайшего двора.

Черт! Как же я так неудачно свернул. Надо было идти другой дорогой в школу. Это все мои ноги, вынесли по старой памяти привычным путем. Будь они не ладны! Впрочем, рано или поздно мне все равно со Спицей пришлось бы встретиться и расставить все точки над «і».

- Не твое дело, - походя огрызнулся я, даже не посмотрев в сторону подворья откуда мне кричали.

- Чаво?!

Из-за ограды выскочил высокий худой парень в серой растянутой майке, и таких же тысячу раз стиранных и заплатанных трениках с некогда белыми полосками-лампасами по бокам. На ногах у него были кеды с обрезанными задниками.

Колян Спицын, погремуха – Спица. Шестнадцать лет. Учится в училище на механика. Ну как учится? Большую часть времени прогуливает и шлындается без дела. Его старший брат «мотает» пятак за грабеж – два года назад Михаил Спицын попытался ограбить почтальоншу, разносящую пенсии, но далеко убежать с отобранной сумкой не смог, под-

вернул на бегу ногу и участковый его взял тепленьким. Пять лет получил больше за то, что почтальонше нос расквасил, когда сумку вырывал из рук – суд квалифицировал его деяния как «разбой». Коля из-за брательника-сидельца считает себя блатным и думает, что держит в страхе всю местную ребятню младше его возрастом. Еще месяц назад – Спица, а точнее его старший брат были моими кумирами, и я очень хотел походить на них: быть блатным, и чтобы меня все боялись и уважали. Я тырил у бати папиросы для Спицы и пару раз приносил пачки грузинского чая, чтобы отправить «дачку» его брату на зону. В общем вел я себя как редкостный дебил, аж вспоминать тошно.

- Слышь малой, ты как со мной базаришь?! – худой догнал меня и тут же схватил за плечо, рывком дернув на себя.

Я не стал особо сопротивляться и упираться, наоборот, отпустил свое тело навстречу Спице и с разворота сунул ему в глаза растопыренными «козой» пальцами.

- А-ааа! – закричал от боли Колян, плюхаясь на колени.

- Гаденыш, - злобно прошипел я, осматривая почти оторванный левый рукав моей школьной рубашки.

Рукав треснул по шву и будь у меня при себе иголка с белой ниткой пришил бы рукав обратно на раз-два.

- Поляк, сука! Ты труп! Понял?! – держась за травмированные глазницы бранился и угрожал Спица. – Всё тебе кабзда! Бошку тебе лично отрежу! Понял сучонок?!

Огляделся по сторонам - никого на улице нет, разлапи-

стый куст сирени прикрывает от любопытных глаз из окон дома Спицы. Я присел над стонущем от боли парнем, резко ухватил его за шею и надавив на болевую точку за ухом четко произнес вслух:

- Коляся, ты словами таким не бросайся почем зря, лады? А то ведь не успеешь оглянуться, а у тебя в теле лишняя дырка нарисуеться. Еще раз в мою сторону не так глянешь или будешь не по делу базарить - утонешь в уличном сортире, причем головой вниз. Уяснил?!

- Э-ээээ, м-mmm, - замычал от боли Спица.

- Я спрашиваю, уяснил?! – еще сильнее надавил я.

Колян задергался от боли, из его глаз брызнули слезы, а из-за рта потекла тонкая струйка крови – кажись худосочный дурак прикусил себе язык или губу.

- М-мыыыыы!

Колян лишь мычал и бился в судорогах боли, не в силах произнести в ответ ничего вразумительного и внятного. Ну еще бы, ведь я держал его крепко и цепко, продолжая давить на болевую точку за ухом, попутно фиксируя шею в надежном захвате, из которого хрен вывернешься.

- Уяснил? – в третий раз спросил я.

Колян наконец догадался утвердительно кивнуть, после чего я ослабил хватку и расслабил захват.

- Я это запомню, - через силу просипел Спица, - навсегда запомню.

- Лучше запиши, - посоветовал я и отпустив Коляна быст-

рым шагом пошел в сторону школы.

Надо успеть перед линейкой раздобыть нитки и иголку, чтобы зашить рубашку. Все-таки я начинаю новую жизнь, с прошлым окончательно порвано. Колян весьма удачно под-вернулся на моем пути и лично спровоцировал конфликт, начав сыпать оскорблениями и обзывательствами. В общем, вел себя не по понятиям. Теперь никто из знакомых ребят не удивится, что я больше не заискиваю перед Спицей и не бегаю за ним как хвостик.

Будет ли мне мстить Колян? Думаю, да, но он природы дурак-дураком, так что вся его месть сведётся лишь к тому, чтобы подкараулить меня где-то и избить, но этого я точно не боюсь. А его старший брат, когда еще из зоны вернется...

Эх, мне бы еще так легко решить проблему с Игорем Демченко. Вот с ним точно не будет так просто, как со Спицей. Еще рукав этот оторвался, попадусь на глаза Демченко в таком виде, он потом месяц свои едкие шутки будет опускать в мой адрес.

- Поляков?! – раздался гневный женский окрик. – Что за внешний вид? Ты в школу пришел или в хлев за коровами убирать?

Я с обреченным видом развернулся и инстинктивно понурил плечи.

Директриса!

Антонина Сергеевна Коршунова. Промеж себя ученики красновской средней школы№2 называют её – Волчица.

Сейчас начнется разбор полетов и размазывание меня тонким слоем по всем поверхностям и плоскостям. Волчица помимо того, что была директором школы еще вела алгебру и геометрию.

Глава 4

Волчица смотрела на меня как Ленин на буржуазию, а может и того хуже. Ну еще бы – первое сентября, а я тут щеголяю оторванным рукавом. Любой директор школы всегда лучше всех знает две категории учащихся своей школы: отличников – гордость школы и хулиганов – позор школы. Я был из второй когорты.

- Уже успел подраться?! – в голосе директрисы сквозила сталь и презрение не сулящие мне ничего хорошего.

- Извините пожалуйста уважаемая Антонина Сергеевна, - враз пересохшим горлом и от того тихо и как-то жалобно произнес я, - рубашка старая, я по дороге за куст сирени зацепился, она и лопнула по шву. Сейчас я найду нитку с иголкой и сразу пришью.

- Поляков..., - директриса видимо сперва хотела сказать одно, но мой жалобный тон и неслыханная доселе от меня вежливость враз сломали ей весь стереотип, впрочем, пауза была лишь на секунду, и Волчица тут же продолжила, - нитки с иглами возьмешь у вахтерши. Если за тобой сейчас приедет милиция, то спасать тебя никто не будет, мигом поедешь в СИЗО.

- Я честное слово рукав о куст сирени порвал! – произнес я с такими искренним видом, что мне бы даже «детектор лжи» поверил бы.

- Ну-ну, посмотрим, - недоверчиво хмыкнула директриса и тут же отвернулась в сторону, давай тем самым понять, что разговор с таким пустым местом как я окончен.

«Честное слово», «пожалуйста», «уважаемая» - подобных слов от меня даже родители не слышали за все эти годы, куда уж учителям, с которыми я всегда был в принципиальных контрах.

Но теперь у меня началась новая жизнь, а значит надо быть вежливым и культурным, тем более что как известно из нестареющей классики: «вежливость – вот лучшее оружие вора!».

Если все сложится удачно, то пока я буду зашивать рукав торжественная линейка закончится и мне не придётся встречаться с одноклассниками. Надо как-то Игоря Демченко перехватить и поговорить с ним с глазу на глаз, вдруг он остыл за три месяца летних каникул и удастся с ним заключить «мирный договор». Только бы он не затребовал обязательным условием такого договора – мои прилюдные извинения при всех одноклассниках. Такого позора я не перенесу, проще уйти из школы и пойти учеником на птицефабрику или подсобником на свиноферму.

Я протиснулся в дверь главного входа школы, подошел к сидящей за столом бабе Дусе, которая в красновской средней школе работала вахтершей и техничкой фиг знает сколько лет, может еще при царях тут уже бабкой сидела.

- Баб Дусь дай пожалуйста иголку и белую нитку, - попро-

сил я у вахтерши, - рукав надо зашить.

- Подрался? – строго спросила бабушка-божий одуванчик.

- Не-а, - мотнул я отрицательно головой, - за куст сирени зацепился. Рубаха старая, тысячу раз стиранная, вот и не выдержал шов.

- Держи, - вахтерша протянула мне катушку белых ниток с воткнутой в картонную втулку иглой. – Слышал новость?

- Какую?

- У Анны Марковны - вашей классной, сын в Афганистане погиб.

- Офигеть! – удивленно протянул я. – Плохо, она Григория сильно любила.

- Это еще не все. Они с Игорьком навсегда уезжают в Москву, а у вас будет новая классная – совсем еще молодая девчонка только из воронежского пединститута приехала к нам по распределению.

- Ничего себе, - потрясенно произнес я, - вот так новость.

Мой заклятый враг, мой кровный враг - проклятый Игорь Демченко уезжает навсегда в Москву! О, боже ты услышал мои молитвы. Как же круто! Проблема решилаась сама собой, теперь не надо бросаться в ноги недруга и просить у него прощения.

Когда-то давно мы с Игорем были лучшими друзьями, но два года назад разругались в пух и прах. Объективно в ссоре был виноват я и получил по шее от Игоря тоже за дело.

Оно может быть и фиг с ним. Ну кто в детстве не ссорится? Все ссорятся! Потом можно было помирится, но дело лишь усугубилось – нам обоим нравилась одна и та же девчонка – первая отличница в классе Наташка Светлова. А мы с Игорем к седьмому классу были, мягко говоря, полные противоположности: он – сын нашей классухи, круглый отличник, активист, разрядник по боксу, староста класса и первый во всем; я – заядлый хулиган, двоечник, состою на учете в детской комнате милиции или как их сейчас по-новому называют – инспекции по делам несовершеннолетних. В общем были мы с Игорем как герой и антигерой, а как известно из советской классики: герой всегда побеждает главного злодея. Так было и у нас: Игорь в драке всегда одерживал верх над мной. Три раза мне нос ломал своим фирменным прямым ударом.

В прошлом году, аккурат по весне, сразу после майских праздников все значительно усугубилось и наше противостояние перешло в «горячую, острую фазу», причем в этом, опять же целиком и полностью, виноват был только я сам, и никто другой... ну и алкоголь еще. В общем, не рассчитав свои силы в принятии горячительных напитков, я пьяненьких пошел шлындаться по Красновке и встретил Наташку Светлову, которая сидела у пруда на скамейке и читала какую-то книгу. Погода стояла необыкновенно жаркая, я был хорошенько вмазанный, на Наташке был сарафан на бретельках, через который угадывались её начинавшие округляться

сиськи. Короче слово за слово, я что-то там мычал про свои крутые похождения, она меня «отсекала», а потом мне в голову ударила бесь и я полез к ней с поцелуями, переходящими грани дозволенного... и ничем хорошим это бы не закончилось не окажись рядом Игорь Демченко. Игорь меня хорошенько избил, но к участковому не побежал заяву катать, хоть и имел на это полное право – Светлову я жутко напугал своими приставаниями. Да, что там напугал, если бы Игорь вовремя не появился, то я бы там её и оприходовал по полной. Короче, мне был поставлен ультиматум: в 8 класс я иду в другую школу, иначе Игорь расскажет об этом инциденте при всех наших одноклассниках и будет меня клеймить позором весь год.

И вот как мне было быть? Перейти в другую школу? Так их не так много в округе, тем более с моим реноме меня ни одна школа к себе по доброй воле не возьмет. Я, честно говоря, сам не знаю, как дожил до 8 класса и не был изгнан еще в 6 или 7 классе. Почему Волчица меня терпела и закрывала глаза на мое хулиганское поведение я не знал?

Я и в школу поэтому не хотел ходить и остался тогда на вокзале, рассчитав, что упарю какой-нибудь косяк, за который меня так и так отчислят из школы переводя в какой-нибудь интернат или спецшколу.

А теперь проблема решилась сама собой. Классуха вместе с сыном уезжает в Москву, а я себя вести буду исключительно положительно, тем более что Светлова теперь не пред-

ставляет для меня никакого интереса в интимном плане.

- Ты чего такой задумчивый? – спросила баба Дуся, вырвав меня из мыслей о прошлом.

- Да, так, - неопределённо пожал я плечами, а потом решил перевести разговор в деловое русло. - Баб Дусь, а у тебя печной дымоход нормально тянет, не дымит?

- Какой там! – возмущенно всплеснула руками бабка. – Второй год уже мучаюсь, а колхозная управа все тянет и тянет. Я ж как ветеран войны имею право на льготную чистку дымохода, а ко мне все никак дойти не могу, у них, видишь ли, нет трубочиста в штате, некому нам старикам дымоходы обслуживать. Печка дымит и коптит, особенно, когда дождь или туман. Главное, как на 9 мая поздравлять и вспоминать за мои подвиги, так председатель колхоза первый, а как печь почистить, так не допросишься. А ты чего спрашиваешь?

- Давай мы с дедом придем и все тебе прочистим, проверим, если надо перечь переберем. У меня дед на всю округу знаменитый печник.

- Да я знаю твоего деда, - кивнула бабка, - поди дорого возьмете.

- Ни копейки не возьмем, все сделаем бесплатно и по высшему разряду.

- А за что такая радость мне? – недоверчиво нахмурилась вахтерша.

- Баб Дусь если мы свою работу качественно выполним, то ты ж в селе человек авторитетный, всех знаешь, ну ты и

расскажи людям, что мол так и так, есть дед с внуком, которые за недорого чистят дымоходы. Но рассказывай не всем, а только тем, кто при деньгах. Понимаешь? – хитро сощурился я.

- А ну ежели так, то согласна, - раскусив мой замысел, понятливо усмехнулась баб Дуся, - но смотри, если вы другим будете делать плохо, то тогда на меня в первую очередь косо будут смотреть.

- Не баб Дусь делать будем всем одинаково хорошо, - твердо пообещал я, - мне деньги нужны, я на учебу копить буду, думаю в город ехать поступать в ВУЗ.

- Ты?! В ВУЗ?! – потрясенно ахнула вахтерша. – Ты ж двоечник, какой тебе институт!

- Теперь у меня новая жизнь! – объявил я вахтерше.

- Ну-ну, - недоверчиво хмыкнула бабулька, показав всем своим видом что она думает о перспективах стать студентом хулигану и двоечнику Вовке Полякову.

Закончив шить свою рубаху, я двинул на улицу и как раз успел к середине торжественной линейки, по пути вырвал из рук у какого-то малька-пятиклашки жиденский букет садовых цветов и подошел к нестройным рядам своего родного класса – теперь 8-А. В первых рядах, как всегда, стояли отличники, хорошисты и «сильные» троечники. Отличников был ровно один, а точнее одна – Наташа Светлова, «крепких» хорошистов – перебивавшихся с «четверки» на «пятерку» - пятеро, тех у кого четверок было больше, чем троек –

еще столько же, все остальные ученики 8-А, а всего в классе было тридцать два ученика были слабыми троечниками, у которых только по физкультуре или трудам могла быть «четверка». В старшую школу, которая располагалась в большом селе Тереньтево большая часть класса идти не собиралась. Зачем? В ПТУ, техникум, а уж тем более сразу на фабрику или колхоз возьмут с аттестатом «восьмилетки». А зарплата у простого работяги, да еще с хорошим разрядом всяк выше будет чем у инженера. Так к чему тратить свою жизнь на высшее образование?

Поручкался с приятелями, обсудили последние новости, сошлись в едином мнении, что классуху и Игоряна жалко, все-таки старший сын Анны Марковны был отличным парнем и его чертовски жаль, но то, что они теперь будут жить в Москве – это прям завитки кусают за живое. Потому что у Ерофеева из поселка Ленцы тоже брательник погиб в Афгане, но его никто в Москву не отправил, из всех привилегий – когда хоронили солдаты в воздух стреляли из автоматов.

Ну и конечно же все пацаны 8-А, да и не только пацаны, но редкие отцы, которые присутствовали на линейки и оба мужчины учителя красновской школы: трудовик и биолог во все глаза смотрели на новую учительницу иностранных языков, которая заменит нашу классуху. А там я вам скажу было на что посмотреть! Нет, особой пышностью форм и рубенсовскими телесами новая учительница иностранных языков и по совместительству новый классный руководитель

8-А похвастать не могла, но стройностью фигурки, стильным «луком» и законченным образом (как сказали в 21 веке) она не просто щеголяла, а светила подобно «сверхновой» звезде. Неброский макияж, идеальная прическа, юбка-карандаш, приталенный пиджак и белая блуза. Вроде все просто и скромно, но взгляда не оторвать.

Одно слово – городская! Да, что там городская, городов в Союзе много.

Столичная!

Сразу видно – столичная штучка, каким-то неведомым образом попавшая в нашу глухомань.

Линейка закончилась, и лавина учеников двинула внутрь школы, где должны был пройти классные часы и пара уроков. Не знаю, как так получилось, но в дверной проем главного входа я входил плечом к плечу со Светловой.

- Ты?! – презрительно скривилась отличница. – Специально вокруг меня трещься?

- Нет, конечно, - недоуменно скривился я, - очень надо.

- Я тебя ненавижу! – злобно скривившись прошипела Наталья. – Ты мерзавец!

- Понимаю, - спокойно кивнул я, - еще раз извини за моё поведение тогда на пруду. Больше такого никогда не повторится, тем более, что мне теперь нравится другая девчонка, - решил соврать я, чтобы хоть как-то успокоить Светлову.

Говорил я хоть и тихо и на ходу, но Светлова четко слышала каждое мое слово. Она сперва даже сбилась с шага,

метнула на меня быстрый, недоуменный взгляд, хотела что-то сказать, но лишь капризно поджала губы и ускорила шаг, разрывая дистанцию и уходя далеко вперед.

И что я в ней тогда нашел?! За что она мне нравилась? Ни кожи, ни рожи!

Вон даже веселушка-хохотушка Лизка Пенькова и то более эффектная девчонка. Там и сиськи уже такие, что надо лифчик носить и попа на загляденье.

- Пенькова! – окликнул я одноклассницу.

- Чего тебе Поляков?

- Держи это тебе, поздравляю с первым сентября! – сунул я девчонке букет в руки.

- Мне?! – глаза Лизы испуганно и одновременно восхищенно округлились. – От тебя?

- Да, Елизавета не могу не отметить, как ты сильно изменилась за лето в лучшую сторону. Конфетка!

Букет я планировал подарить новой классухе, но увидев её воочию понял, что «дубки» из палисадника ей никак не подойдут, тут надо расшибиться и подарить розы. Лучше всего «голанские» на полутораметровой стебле, в общем, что-то подобающее королеве красоты.

- Поляков ты что пьян? – глаза одноклассницы никак не хотели возвращаться к прежним размерам.

- Нет, теперь я новый человек.

- Ну-ну, - недоверчиво хмыкнула Пенькова, - рассказывай давай, я видела, как ты к школе подходил в порванной руба-

хе. Подрался уже с кем-то!

Я лишь обреченно махнул рукой и ничего не стал объяснять. Третий раз за час я слышу недоверчивое и презрительное «ну-ну». Люди не хотят верить в искренность моих намерений измениться в лучшую сторону. Обидно! Но, с другой стороны, а чего я хотел? Много лет окружающие видели в Вовке Полякове только хулигана, лоботряса и двоечника, а тут в один миг они должны поверить, что я взялся за голову и начал новую жизнь.

Тут, я, кстати, сообразил, что Светлова, Пенькова и даже директор школы явно были поражены моей речью. Еще недавно, когда я был тем старым «я», то моя речь была намного беднее, развязней и хамоватей, а тут на тебе – пример вежливости и культуры.

В классе я занял свое привычное место на последнем ряду в углу. Рядом так же привычно никто не сел. Вместе с новой классухой в класс зашла и Волчица.

- Восьмой «А»! – обратилась к нам директор школы. – Представляю вам вашего нового классного руководителя – Ларису Иванову Морозову, она будет у вас вести иностранный язык. Прошу любить её и жаловать, а также помочь ей влиться в наш дружный, школьный коллектив. Помощь ваша заключается в том, чтобы вы не хулиганили, хорошо учились и порядочно себя вели. Да, Поляков! – голос Волчицы усилился и зазвенел сталью.

- Так точно уважаемая Антонина Сергеевна, - поспешно

ответил я, вскакивая со своего места.

В классе тут же повисла звонкая тишина, казалось слышно, как мухи начали массово покидать пределы классной комнаты через настежь распахнутые окна. Насекомые почуяли, что сейчас здесь будет жарко и явно не хотели попасть под замес. У директрисы враз окаменело лицо.

Кажись с вежливостью и особенно с «уважаемой» - я явно переборщил, потому что всем присутствующим в классе ученикам и Волчице мой ответ показался издевкой и глумлением, но отыгрывать назад мне было уже некуда, поэтому я просто плюхнулся на стул и постарался сделать максимально серьезную мину на лице.

- Поляков если на тебя поступит хоть одна жалоба или звонок из милиции, то никакой жалости – ты тут же будешь отчислен из школы!

Антонина Сергеевна произнесла это таким тоном, что сразу стало понятно: вопрос моего отчисления из школу уже решен, осталось за малым – чуть-чуть подождать. Директриса произнесла напутственную речь, посоветовала новоявленной классухе держаться актива класса: Светловой и пятерки хорошистов, напомнив им, что в старшую школу попадут только самые лучшие из лучших. Я уж от греха подальше не стал заикаться, что тоже планирую поступить в 9 класс, хоть, конечно, понимал, что шансов у меня для этого катастрофически мало.

У нас в районе было всего две школы, где был полный

цикл среднего образования, то есть была старшая школа – 9 и 10 классы. Обычно там набирали по два класса, не больше. А конкретно в нашей школе за долгие годы правления Волчицей была выработана своя, хитрая практика – в старшую школу переводили только тех, кто лучше всех учился, мало того, восьмых классов, как правило было два и между ними шло негласное соревнование по различным критериям: успеваемость, общественная деятельность и поведение. В конце учебного года подводились итоги и тот восьмой класс, который был победителем в этом соревновании получал приоритет в переходе его учеников в старую школу. Классным руководителем 8-Б в прошлом году стала директриса, заменив собой внезапно умершую учительницу русского языка и литературы Глафиру Яковну, которая была классухой у 7-Б, и теперь получалось, что наш 8-А должен сойтись в соревновании с 8-Б в котором классным руководителем была Волчица. Ладно бы еще классухой оставалась бы Анна Марковна и в классе учился её сын отличник – Игорь, тогда бы шанс на победу был бы весьма велик, но теперь наш класс явно проиграет. А ведь я планировал попасть в старшую школу, а оттуда в ВУЗ, мне как-то не улыбается перспектива после 8 класса идти сперва в училище тратить на него три года жизни и только потом поступать в институт. Все-таки два года старшей школы, это меньше чем три года СПТУ, после которого можно было поступить в ВУЗ.

Надо что-то делать? Как-то вытягивать класс из этой жо-

пы! Как бы я хорошо не стал учиться и прилежно себя вести, но если 8-Б выиграет в соревновании, то из нашего 8-А в старшую школу возьмут только одну Светлову, даже хорошистам не получится туда пробиться.

Начался классный час. Новая классная немного рассказала о себе, где она родилась, где получила педагогическое образование, какие у неё планы на жизнь и так далее. Потом она нам рассказала про Олимпийские игры, прошедшие этим летом в Москве, что ей посчастливилось на них побывать. Рассказала про введение в строй Зейской гидроэлектростанции на реке Амур, где впервые были применены диагональные гидротурбины, рассказала про полет в космос на корабле «Союз -37» первого вьетнамского космонавта Фам Тауна – летчик и героя войны с американцами.

Голос у Ларисы Ивановны был чудо как хорошо – звонкий, яркий, веселый, под стать её внешности. Вот так закрыть глаза и будто не человек говорит, а весенний ручеек по камням плещет или капель с крыш звонко срывается.

От учащихся 8-А было очень много вопросов, конечно же все они касались Москвы, Олимпийских игр и каких иностранцев лично видела Лариса Иванова. На турбины Зейской ГЭС и на вьетнамского космонавта всем было плевать, а вот пробовала ли классуха бананы-ананасы и видел ли она живьем негров – вот это было очень интересно.

Я вопросов не задавал, а лишь молча пожирал глазами точеную фигурку классухи.

Лялечка! Красотка!

Что я там трюндел про то, что привык к телкам другого уровня и что советские бабы даже рядом не стояли с московскими чиксами из 21 века? Каюсь, был не прав. Категорически был не прав, забираю все свои слова обратно. В СССР красивые женщины, которые заткнут за пояс любую силиконовую шмару с Патриков много... одна такая стоит передо мной и рассказывает про спортсмена из братской Польши Владислава Козакевича, который взял золото в прыжках с шестом. Я смотрю на точеную фигурку Ларисы-секси Ивановны и представляю как она в одних стрингах извивается вокруг пилона...

Уфффф!

Прозвенел звонок, классный час закончился, и ученики гурьбой повалили прочь из классной комнаты. Я остался сидеть за партой, даже не дёрнувшись в сторону выхода. Мой член колом встал и было палевно выпрямляться в полный рост.

- Поляк! Айда на перекур! – крикнул мне Витька Пыжов.
– Угощаю!

- Нет, - отрицательно мотнул я головой, - я бросил курить.

- Да, ладно? – Пыж от удивления замер столбом и его тут же сбили с ног, падая Витька уволок на пол еще несколько человек. Возникла веселая куча-мала.

- Смотри, у меня «Родопи», - Пыж выбрался из-под завала тел, но видя, что я не соглашаюсь, лишь махнул на меня

рукой, - как знаешь! Мне же больше достанется.

Девчонки обступили классуху и принялись засыпать её различными вопросами, касающимися моды, косметики и причёсок. Девочки 8-А мигом смекнули, что их новая классная – «гуру» моды и надо срочно пытаться её, чтобы набраться её опыта и мудрости. Я с большим трудом оторвал взгляд от больших голубых глаз училки что в сочетании с бледной кожей и черными как смоль волосами давало настолько необычное сочетание, что от вида которого просто невозможно было оторваться, взгляд сам собой возвращался назад. Магнетизм какой-то! Скорее всего у Ларисы Ивановны в предках столько народов намешано, что мама не горюй.

Ох, как теперь учиться? Вот так вызовет меня классуха к доске, а у меня ширинка колом торчит. Позора и насмешек со стороны сверстников никак будет не избежать. Надо срочно завести себе какую-нибудь деваху, чтобы регулярно сбрасывать «пар в поршне».

Чтобы как-то отвлечься от мыслей об учительнице я достал из портфеля тетрадку, перевернул её тыльной стороной вверх и принялся читать что там было написано:

Береги зрение, читай и пиши при хорошем освещении, свет от окна или лампы должен падать слева. При чтении и письме сиди прямо, слегка наклонив голову, плечи держи ровно.

Не читай лежа - это вредно.

Аккуратно обращайся с книгами и тетрадями, перелистывай книгу за верхний правый угол страницы. Придя из

школы, отдохни, а после отдыха легче учить уроки, запоминать прочитанное.

Так себе, конечно, рекомендации. Ладно нам бы день простоять, да ночь продержаться. Я сидел за партой, старался не смотреть в сторону классной и выводил всякие каракули на обратной стороне тетради. В итоге на обложке тетради появились надписи: the Beatles, «машина времени», The Rolling Stones и значок «пацифик».

То ли мне показалось, то ли нет, но я несколько раз перехватывал взгляды, которые на меня бросала классная руководительница. Представляю, что ей про меня наговорили.

Еще бы!

Поляк – гроза школы, Поляк – хулиган, Поляк – оторви и выбрось, Поляк – то, Поляк – сё...

Обидно! Хотя, если бы в школе или в комиссии по делам несовершеннолетних узнали бы обо всех моих проделках за последние два года, то думаю от отправки на нары меня спас бы только не достигший четырнадцати лет возраст, потому что многие деяния подпадали под ряд статей УК СССР, среди которых были не только хулиганка и кражи, но и ряд более серьезных прегрешений.

Перемена закончилась, и ученики вернулись в класс. Учительница решила, что урок иностранного языка, который должен был пройти под её руководством по школьному расписанию она проводить не будет, а вместо этого мы возобновим прерванную звонком беседу.

Опять посыпались самые разные вопросы от учеников. Классуха старательно отвечала на них, ребят было не унять, Ларисе Ивановне приходилось повышать голос, чтобы хоть как-то утихомирить класс. Я слушал беседу в пол уха больше любуясь стройностью лодыжек и икр молоденькой учительницы, а когда она поворачивалась в пол-оборота и была видна её аккуратная и упругая попка, обтянутая черной тканью юбки, то у меня аж дыхание сбивалось, а в штанах казалось сейчас произойдет непроизвольное семяизвержение.

А вообще жаль, что я в свое время не попал в 8 класс, может моя бы жизнь по-другому прошла. Я бы к такой учительнице точно ходил бы на все занятия и строго выполнял бы все домашние задания, а еще бы напросился бы к ней на внеурочные занятия.

Стоп!

А ведь это идея!

Точно!

Что мне мешает попросить классную подтянуть меня по иностранному языку. Английский я хоть и знаю намного лучше, чем в далеком прошлом, но он у меня больше разговорный, выработанный в свое время, когда я фарцевал в Москве в конце 80-ых.

Ё-моё! Я как представил, что попрошусь к классухе домой, а она будет в легком домашнем халатике и кроме нас дома никого не будет.

Уфффф!

Ох, дожить бы до конца уроков, а там сразу рвану на железнодорожную станцию Красновки, рядом с которой в частном доме с синей крышей, по улице Привокзальной 7/8 жила одна разбитная деваха, которая за пять рублей оказывала услуги определённого характера. Черт с ним с деньгами, потом как-нибудь куплю себе новые кеды взамен маломерных сандалий. Если я сегодня не спущу пар, то завтра в школу точно не пойду, а прибегать к рукоблудию как-то не солидно в мои годы

Глава 5

На вокзал Красновки я не пошел, сексуальный настрой и повышенное либидо как-то само собой улетучились стоило Наташке Светловой после уроков взять слово и начать собрание дружины пионерского отряда, на котором меня расчехлили в пух и прах. Причем как по моему мнению - Светлова прицепилась ко мне на ровном месте.

- Товарищи пионеры, одноклассники! - начала несколько пафосно свою речь зануда Светлова. - Вы уже знаете, что нашего с вами товарища и его маму, нашу прежнюю учительницу постигло настоящее горе – на войне в Демократической Республике Афганистан выполняя свой интернациональный долг героически погиб Григорий Демченко, предлагаю почтить его память вставанием и минутой молчания.

Класс дружно встал и все замолчали на минуту, а может и дольше, я не знаю сколько прошло времени, пока Наташка не продолжила свою речь.

- Мне сообщили, что Григория представят к государственной награде и званию Героя СССР.

Класс молчал. Светлова строго обвила одноклассников взглядом, мы встретились с ней глазами, и я за каким-то хреном ей подмигнул, дернул же черт! И тут отличнице вожжа под хвост попала, и она натурально прицепилась ко мне:

- Поляков, а ты что думаешь по этому поводу? – строго

спросила у меня Светлова.

- Вечная память герою, - ответил я, не зная, что надо говорить, - пусть земля ему будет пухом. Как дадут звезду Героя – его мамке сразу пенсию хорошую начнут платить, Игорю всякие льготы будут, может в ВУЗ какой без экзаменов возьмут по квоте или в Артек свозят...

Какие льготы положены семье погибшего Героя СССР я не знал, имел лишь смутное представление о льготах и выплатах Героям РФ, но об этом нельзя же говорить, впрочем, и того, что я успел наговорить Светловой хватило за глаза, чтобы обрушиться на меня с гневной критикой:

- Что?! – истерично взвизгнула Наташка. – Что ты несешь Поляков? Как тебе не стыдно! У твоего одноклассника брат погиб, а ты сейчас про какие-то пенсии рассуждаешь? Мерзавец! Ты просто радуешься, что Игоря больше не будет в нашем классе и некому будет поставить тебя на место!

- Наташа давай не будем переходить на личности, - тут же урезонила отличницу классуха, - я уверена, что Владимир ничего не хотел сказать плохого.

- Спасибо Лариса Ивановна, - кивнул я в знак благодарности училке, а потом неожиданно для себя обратился ко всему классу, - ребята, вы все знаете, что у нас с Игорем последний год были контры, так вот, я сегодня после уроков пойду к нему домой и поговорю с ним, чтобы он, уезжая не держал на меня зла. Я не хотел ничего сейчас сказать плохого, всего лишь отметил, что Советская страна заботится о своих геро-

ях даже после их смерти и, по-моему, это очень важно.

- Блин, Поляк тебя будто бы подменили, - раздался тихий возглас с первого ряда хорошиста Сени Смирнова. – Светлова, а ведь Поляк и правда ничего плохого не сказал, чего ты на него накинулась?

- Да, вы! Вы?! – лицо отличницы сперва покраснело, потом побелело, она с силой сжала свои кулачки, а потом неожиданно выдала. – Как председатель пионерской дружины нашего класса я ставлю вопрос о исключении Полякова из пионеров!

- За что? – спросил Смирнов.

- А он что еще пионер? – удивилась Пенькова. – Мы разве не исключали его в прошлом году? Помните он в прошлом году входную дверь в школу поджег, его ведь тогда должны были исключить из пионеров.

- Нет тогда его Волчица пожалела, - буркнул Пыж, - его тогда на учет в детскую комнату милиции поставили.

- Я предлагаю исключить его из рядов всесоюзной пионерской организации за его плохую успеваемость, ужасное поведение и не участие в общественной жизни отряда!

- Поддерживаю! – тут же подняла руку над головой Верка Краснова – «хвостик и тень» Светловой.

- И я!

- И я!

Один за другим одноклассники стали поднимать руки вверх...подняли почти все, всего три человека не поддержа-

ли остальных: Пыж, Смирнов и толстяк Кирилл Брюхин, который похоже просто уснул.

- Последнее слово приговоренному разрешено? – хмуро спросил я, обводя тяжелым взглядом класс.

Все были против меня. Весь класс! Я много зла причинил этим ребятам. Кого-то обзывал, кого-то шпынял и дразнил, некоторым отвешивал тумачков, подзатыльников, пинков и затрещин. У многих вымогал деньги, сшибая мелочь «на занять до завтра» и никогда не возвращал. Я был натуральной занозой у всего класса в заднице.

- Владимир ты не перегибай, - строгим голосом произнесла классный руководитель, - ни о каком приговоре речи не идет. Если хочешь что-то сказать в свое оправдание, то говори, класс тебя слушает.

- Первое, - громко произнес я, оттопырив указательный палец, - я буду учиться наравне с хорошистами. Второе, - я разогнул средний палец, - я буду себя вести не так как раньше, а намного лучше. И третье, - я разогнул большой палец, - я организую трудовую пионерскую дружину, задача которой будет реальная помощь ветеранам войны, которые проживают в Красновки и соседних селах. Вы знаете, что скоро настанут холода, а у многих печные дымоходы не чищены, а председатель красновского колхоза ничего не делает для решения этой проблемы. Нужный инструмент и знания у меня есть. В эту субботу я буду чистить дымоход у ветерана войны бабы Дуси, которая в школе сидит на вахте. Если кто-то

хочет помочь, то буду рад, если нет, то сам справлюсь или предложу ребятам из другого класса...

- Поляков! – перебила меня Светлова. – Ты себя уже не спасешь, большинство ребят проголосовали за исключение тебя из пионеров, а дальше мы добьемся чтобы тебя исключили из нашей школы, нам такие одноклассники как ты не нужны...

- Наташа сядь на место! – классуха одернула и перебила разошедшуюся не на шутку Светлову. – Давайте не будем пороть горячку. Предлагаю дать Володе шанс на исправление. Посмотрим по итогам первой четверти как он себя будет вести и учиться, а там проведем повторное собрание и на нем всё обсудим. Давайте голосовать, кто «за»! – сказала Лариса Ивановна и первая подняла руку.

Класс дружно и почти единогласно поднял свои руки вверх. Только одна Наташка Светлова не подняла руку, она с такой яростью и злобой глядела на меня, что я сразу понял – она сделает все, чтобы выжить меня из класса. Скорее всего возьмет и сама расскажет о том, что произошло, между нами, тогда на пруду. А может прямо сейчас, на эмоциях, бурлящих от злобы все и расскажет. Если она решится на этот отчаянный поступок, то мне хана. Из школы придётся уходить, а могут ведь и уголовное дело завести...

Светлова раскрыла рот, отчаянно зажмурилась... и в этот момент прозвенел звонок, извещающий об окончании уроков.

Наташка хотела было что-то крикнуть, но сдержалась, села на свое место и зависла в глубокой задумчивости. Представляю как она сейчас в своих мыслях режет меня на части, а потом скармливает куски окровавленной плоти крокодилам.

Ученики дружно вскочили со своих мест: мальчики рванули прочь из учебного кабинета, а девчонки вновь облепили со всех сторон классуху.

Первый учебный день закончился!

Я получил небольшую временную передышку. Взял портфель в руки и медленно, степенно вышел из класса. Перед выходом бросил мимолетный взгляд через плечо и успел перехватить полный лютой злобы взгляд Светловой и какой-то печальный и одновременно обнадеживающий взгляд молоденькой классухи. Или в отношении классухи мне это лишь показалось, и я выдал желаемое за действительное, а на самом деле она смотрела на меня, как и все остальные – как на отрезанный ломоть.

Надо до завтра решить вопрос со Светловой и как-то упросить или заставить её ничего никому не рассказывать. Может дать ей денег? У меня есть 10 рублей. Может она согласиться взять их в качестве платы за молчание. Нет, так нельзя, если Наташка и согласиться взять деньги, то быстро смекнет что можно с меня их требовать на регулярной основе, а я не сын завмага.

Надо просто самому во всем сознаться! Нет, не вариант,

мое признание ничего не изменит, меня точно так же выгонят из школы. Максимум что выиграю – удастся избежать уголовного преследования. Впрочем...

Ну, а что изменится, если я брошу школу? Пойду учеником на фабрику получу там трудовой разряд, в свободное от работы время буду шабашить с дедом на вяление рыбы, перекладке печек и чистке дымоходов. В итоге, как ни крути, по самым скромным оценкам, а 150-200 рублей буду гарантировано зарабатывать ежемесячно. Так может оно и к лучшему? Черт с ней с этой школой! Ну на кой мне этот ВУЗ сдался? В большом городе хотел перебраться и там начать новую жизнь вырвавшись этого захолустья. Так можно и без всякого университета тоже самое устроить. Поднакоплю денег, получу паспорт, а как стукнет 18 лет, то сразу и... а нет сперва отслужу в армии, а уж потом переберусь в Москву. Кстати, а ведь армия – это тоже своего рода трамплин.

Надо эту мысль хорошенько обдумать.

Дошел до «центра» Красновки где помимо памятника Ленину располагался клуб колхозников, пять магазинов, небольшой рыночек, детская площадка и Обелиск Славы.

Дед просил купить дихлофос, поэтому я зашел в хозмаг, где помимо аэрозольного баллончика купил еще стеклянную баночку с чернилами красного цвета и половинку ватмана. У меня родилась гениальная идея: на заборе того дома, где мы с дедом будем чистить дымоход можно вывешивать рекламное объявление, что те, кто заинтересуется нашими услугами

могли сразу все у нас с дедом расспросить. Проводных телефонов в частных домах в нашей глухомани нет, а значит надо как-то изгаляться чтобы возможный заказчик и подрядчик смогли найти друг дружку. Это вам не будущее с его интернатами и смартфонами, тут в плане рекламы еще каменный век.

В хозмаге полки ломались всякого домашнего инвентаря, инструмента и различного полезного в хозяйстве барахла. Походил, поглазел, а потом купил себе за 12 копеек вентиль «барашек» среднего размера, которым при нужде можно было открыть кран, а можно было нацепить его на пальцы и тогда получался простенький кастет - вещь в портфеле любого школьника-старшеклассника просто незаменимая.

Потом заглянул в универсам, поглазел на полупустые обувные полки и понял, что с покупкой кедр мне обломилось – все подходящее давно разобрали. В продаже остались только колоши, резиновые сапоги и валенки. Разочарованно вздыхал и поохал, потом купил в продуктовом отделе бублик с маком и бутылку кефира, уселся на уличной скамейке, где с наслаждением перекусил.

А все-таки хорошо жить...а хорошо жить – еще лучше!

Не знаю, чего добавляли в копеечными бублики с маком в СССР, но они были, а точнее сейчас есть гораздо вкуснее, чем спустя сорок лет, да и кефир из стеклянной бутылки с широким горлышком, закрытым крышкой из фольги зеленого цвета, тоже отличался в лучшую сторону от своих потом-

ков из «Простоквашино» и «Домика в деревне». Кефир был плотным и густым с легкой, правильной кислинкой. 6 копеек за бублик с маком и 30 копеек за бутылку кефира. Потом пустую бутылку можно сдать и получить за неё 12 копеек, что я и сделал, но сперва пришлось бутылку вымыть водой из-под крана уличной колонки. Вместо денег я взял два бумажных пакетика «арахиса в сахаре» и закидывая орешки в рот двинул вдоль по селу, размышляя как мне все-таки правильнее поступить.

Подошёл к Обелиску Славы стоявшему прямо напротив памятника Ленину на противоположном стороне небольшой площади. Бетонная стена, облицованная белой мраморной плиткой, к которой прикручены бронзовые буквы с именами красноармейцев, погибших при освобождении села от немецко-фашистских захватчиков. Буквы старые, потемнели и позеленели от времени. Всего тринадцать фамилий. А вот чуть ниже идут другие буквы – они яркие и блестящие, их уже делали из нержавеющей стали. Это имена ветеранов-фронтовиков, живших в Красновке и соседних деревнях, которые умерли уже после окончания войны в мирное время. Двадцать фамилий.

Среди ветеранов-фронтовиков – Глафира Яковна Белоус учительница русского языка и литературы, она умерла от сердечного приступа этой весной. Хорошая была тетка, добрая и ко мне могла найти подход, на её уроках я почти не шалил. Немного постоял перед монументом, читая имена и

фамилии умерших и погибших героев той войны. Прочитал про себя «отце наш». Странное дело, но раньше, даже живя при СССР я как-то к теме Великой отечественной войны относился прохладно, ну была и была, ну воевали и воевали, что в этом такого? Подумаешь! А ведь у меня самого дед войну прошел, да не просто, а так-то на минуточку в разведке служил, а это вам не с «мавика» за перемещениями ВСУ следить, им все ножками и на пузе двигаться приходилось и собственными ручками все щупать, они ножи при себе не для форсу таскали, они им фашистам глотки резали.

А вот сейчас, после того как самому пришлось пролить кровь на СВО резко своё мнение поменял и фронтовиков сильно уважал.

Достал из кармана носовой платок и старательно обтер пыль с памятника. Пока протирал мраморную плитку обратил внимание, что из двадцати ветеранов умерших уже после окончания Великой войны – восемнадцать умерли в разные годы, но в одни и те же три месяца: декабрь, март, май. Вот и Глафира Яковна умерла 6 мая. Понимаю, что просто совпадение, которое бросилось в глаза, но все равно как-то странно. Хотя, чего тут странного: май – это череда праздников на которые все бухают, а алкоголь никак не продлевает жизнь, наоборот укорачивает её, март – это время когда активно тает снег и время тяжелой работы в деревенском хозяйстве после зимы – тоже знаете для здоровья стариков не самое полезное времяпрепровождения, ну а декабрь – вре-

мя морозов, печки топят, может и угорел кто-то по неосторожности. Вот взять моего деда, он ведь тоже в этом году 20 декабря... Впрочем надеюсь, что этого не произойдет, я ведь знаю будущее и сделаю все, чтобы дед остался жив.

Ладно хватит тянуть время, пора идти к Демченко в гости и разговаривать с Игорем. Перед смертью, как говориться не надышишься, надо идти сдаваться

Впрочем, шел я к дому, где жили Анна Марковна и Игорь непростительно долго. Быстрым шагом тут всего-то пять-семь минут, я же ковылял почти полчаса. Ну никак мне не хотелось признаваться в своих ошибках, всегда тяжело каяться в собственных грехах.

Снял накидную щеколду с калитки, осторожно прошел во двор и аккуратно постучал в окно комнаты Игоря, через секунду за стеклом возникло бледное лицо одноклассника. Кивнул ему, мол выйди, поговорить надо.

- Чего тебе? – кисло скривившись спросил Игорь, выйдя во двор.

Выглядел одноклассник хреново: глаза красные, кожа бледная, волосы растрёпанные, еще и руки не знает куда деть, так и ходят ходуном. А ведь еще в начале лета, когда я его видел последний раз он, как всегда, был румян, гладко причесан, полон сил и уверенности. Игорь у нас победитель и первый во всем и всегда, полный энтузиазма, сил и отваги на любые свершения. А сейчас у него в глазах лишь пустота и безнадега.

- Игорян сперва хотел тебе сказать, что искренне соболезную вашему горю. Григорий был очень хорошим парнем, я всегда тебе завидовал что у тебя такой классный старший брат, - скороговоркой выпалил я, ожидая, что Игорь по своей привычке не будет меня слушать, а в лучшем случае гордо развернувшись уйдет с брезгливым выражением на лице, а в худшем пробьет мне в грудак, свой фирменный прямой удар. - Ты держись!

- Я...это...того, - неожиданно замялся и начал судорожно сглатывать пересохшее горло бывший друг.

- Игорь ты если хочешь поплакать, то поплачь, сразу полегчает, - тихо, почти шепотом произнес я, - не надо в себе держать. Когда брат погибает, то оно самое полезное – это выплакаться. А ты знаешь, чего? – мне в голову пришла неожиданная, но весьма простая мысль. – Мне через четыре года в армию идти, так я специально попрошусь чтобы меня в Афган отправили. Буду там за Гришу душманам мстить! Серьезно! Пачками их в землю укладывать буду за твоего брата.

- Армия?! Точно! – по лицу Игоря пробежала волна озарения.

Одноклассник весь как-то сразу подобрался, распрямился и взгляд у него стал не просто осмысленным, в нем появился тот самый фирменный огонь, только теперь он был больше похож на фанатичный вулкан.

- Вместе в армию пойдём!!! – неожиданно схватил меня

за руку и начал трясти Игорь. – Вместе!

- Так, стоп! – тут же я выдернул свою руку и для наглядности упер её в грудь одноклассника. – Тебе нельзя ни в какую армию! Категорически нельзя!

- Почему?!

- Потому что ты единственный сын остался. Бати у вас нет, мамка одна что ли останется? Нет, категорически нельзя, даже не думай, - горячо начал доказывать свою правоту бывшему другу. – Ну вот представь, ты бы лег в землю вместо Гриши и вот сидишь ты такой на облачке, а внизу твой брательник уходит на войну, а мамка одна дома остаётся. Представь какого ей одной тут быть, а ты сам, что брату на это скажешь? Ну сам подумай.

- Я тоже хочу мстить за брата! – с вызовом произнес Игорь. – Почему тебе можно, а мне нельзя? Это не справедливо!

- Все справедливо! Я же не единственный сын в семье, у меня еще сеструха есть, а у мамки батя и дед, а у вас с Анной Марковной только вы двое и вам надо держаться друг друга. Её нельзя бросать в такой момент, никак нельзя.

- Это будет только через 4 года.

- И что? Вот женишься, родится у тебя сын, назовешь его в честь Гриши, а потом делай что хочешь. Это так работает! Да ты не бойся, я за нас двоих духов буду убивать, а тебе из Афгана буду письма писать с отчетом.

- Спасибо, - как-то неуверенно произнес Игорь, - большое

спасибо!

- Не за что, - ответил я, - и на счет Светловой хотел тебе сказать, что ты не бойся я к ней на пушечный выстрел не подойду и из школы я решил свалить, пойду на ферму учеником, получу разряд, а потом в вечерней школе 8 класс окончу и получу аттестат. Обещаю!

- Можешь не уходить из школы, - пожал плечами Игорь, - я никому, ничего не скажу, а завтра в обед мы уезжаем отсюда навсегда.

- Ты не скажешь, Светлова скажет, - хмыкнул я, - видеть жутко я её напугал, она страсть как бесится, сегодня на классном собрании пропесочила меня почему зря. Так что мне лучше самому из школы уйти, чем опозорится на весь белый свет, когда Наташка расскажет всю правду.

- Мальчики заходите в дом, чай будем пить, - раздался голос Анны Марковны из открытого окна. – Здравствуй, Вова.
- Здравствуйте, Анна Марковна.

Идти в дом я не хотел, было жутко неудобно. Одно дело на улице поговорить с одноклассником и другое дело сидеть у него дома вместе с его мамкой училкой, которая скорее всего подслушала часть нашего с Игорем разговора. Впрочем, мне теперь не все ли равно, раз я для себя все уже решил.

Анна Марковна тоже выглядела неважно, враз как будто постарела на много лет, в глазах, как и у её сына застыла пустота и обреченность, но не такая глубокая как у Игоря, оно и понятно, ведь какое бы тяжёлое горе на неё сейчас не

свалилось, но ей надо держаться ради живого сына.

Я разулся и прошел на кухню, а Игорян с мамкой задержались в сенях. Видать шепчутся о чем-то. Раньше, когда мы с Игорем были лучшими друзьями я у них частенько бывал в гостях и ночевал не раз. Ничего нового в доме не появилось, наоборот часть вещей исчезла – то ли уже отправили в Москву, то ли скорее всего раздали соседям. Зачем им в Москве деревенское хламье, как в столице обоснуются, так сразу себе всё новое купят.

А еще в кухне неуловимо пахло чем-то вкусным и приятным, духами что ли? Но Анна Марковна отродясь парфюмерией не пользовалась, вернее я не замечал, чтобы она ей пользовалась. Глянул в раковину – стоят три чашки, значит кто-то был у них в гостях.

В кухню зашла одна Анна Марковна, а Игоря она видать куда-то отправила, потому что я четко услышал хлопанье калитки в ограде. Ага, бывшая классуха сына отослала куда-то, а меня сейчас быстро к стене прижмет и размажет по ней.

- Ты какой чай будешь? – спросила Анна Марковна.

- Никакой не буду, - отмахнулся я, старательно выдумывая причину, по которой можно было бы дать отсюда деру.

- Как скажешь, - грустно улыбнулась женщина, - спасибо тебе Вова за слова, которые ты сказал Игорю. Я случайно подслушала, ты молодец я бы так не смогла. Он как будто ожил после разговора с тобой. Только ты знаешь, я думаю идти добровольцем в Афганистан не совсем хорошая идея.

- В армию мне все равно надо идти, а там куда родина пошлет туда и пойду служить, - пожал я плечами. – Кстати, Анна Марковна раз уж вы завтра уезжаете, то хотел попросить у вас прощение за все те годы, что вы меня терпели в школе, а я вам нервы портил.

- Прощаю, - вновь улыбнулась Анна Марковна, - на самом деле ты хоть и был редкостным хулиганом, но я всегда знала, что ты мальчик очень добрый и хороший, а вся эта расхлябанность и хулиганство – оно сплошь напускное у тебя, ты просто хотел казаться более сильным и взрослым в глазах окружающих.

- Тогда я пойду, - поднялся я из-за стола, - хорошей вам дороги!

- Сядь! – вроде бы мягко, но четко по-учительски произнесла Анна Марковна.

- Что еще? – обреченно выдохнул я, плюхаясь обратно на табурет.

- Что у вас произошло с Наташей Светловой? Почему она на тебя ополчилась? Рассказывай!

- Может не надо, - промямлил я, - вы все равно завтра уезжаете, да к тому же у вас вон своих проблем и бед хватает, куда вам еще мои в довесок.

- Рассказывай Вова, рассказывай.

- Ладно, - вновь тяжело выдохнул я и потупив стыдливо свой взор в пол рассказал все, что произошло этой весной на пруду.

Рассказал все как было без утайки и приуменьшений. Как полез к Наташке пьяный с явным намерением сделать с ней непотребное, как получил люлей от Игоря, про его ультиматум, про свою трусость и нежелание идти в школу, как одумался и осознал какой был сволочью, в общем про всё как было. Думаю, что со стороны весь мой рассказ выглядел логичным и последовательным: накосячил, испугался, осознал возможные последствия, решил исправиться. Не буду же я рассказывать, что на самом деле прожил долгую, ужасную жизнь, а в пятьдесят восемь лет погиб на СВО и воскрес в 1980 году.

- Я с ней сегодня поговорить хотел, извиниться, а она ни в какую, фыркает да бранится, но я понимаю, видать напугал её страшно, опять же Игорька вашего рядом не будет, вот она и думает, что её защитить некому.

- А ты значит осознал свою вину и решил начать новую жизнь?

- Да, так и есть. Осознал и решил, - кивнул я, - весь август над учебниками и книгами просидел, решил вот ветеранам помогать буду дымоходы чистить в свободное от учебы время.

- Ну так и учишь, зачем школу бросать?

- А как тут не бросать, - развел я руками, - Светлова расскажет обо всём прилюдно, сразу поползут слухи, которые обязательно дойдут до родителей и деда, а им этот позор как пережить, опять же Антонина Сергеевна точно из школы вы-

прет. Лучше я сам уйду – тихо, спокойно и без огласки.

- Не надо никуда уходить, я знаю, что надо делать, - раздался со стороны коридора мелодичный как ручеек голос нашей новой классухи.

Лариса Ивановна?!

Вот блин! А она откуда здесь?! Подслушивала?

Это её кружка в раковине и запах духов витает в кухне тоже её, она была все время рядом и все слышала. Всё!

Стыдобища-то какая! Позор! Как же можно было такое при ней рассказать?!

Хотелось провалиться сквозь землю, а лучше сигануть в окно, выбив собой оконную раму, а потом бросить бежать куда глаза глядят, но вместо этого я лишь еще сильнее потупил взор и покраснел впервые в жизни, моё лицо так и горело огнем.

Глава 6

Мы шли с Ларисой Ивановной по сельской улице и разговаривали обо всем и не о чем сразу, солнце мерно опускалось за горизонт подсвечивая шиферные крыши домов, резные заборы палисадников и кроны деревьев золотым багрянцем. Не знаю каким образом так получилось, но мы с новой классухой сразу нашли общий язык как будто знали друг дружку много-много лет. По крайней мере мне так показалось... или хотелось, чтобы так было на самом деле.

Мне было хорошо, спокойно и как-то непривычно уютно идти бок о бок с молодой женщиной. Та неловкость и чувство стыда которые табуном безумных скакунов пронеслись во мне, когда я увидел вышедшую из коридора молодую учительницу, схлынули, оставив после себя лишь легкую пустоту.

Обе училки убедили меня в том, что все вышло случайно и никто не хотел меня подставлять, я просто пришел в тот самый момент, когда Лариса Ивановна и Анна Марковна обсуждали что же между мной и Светловой произошло такого, что отличница на меня ополчилась. Новая классуха пришла за советом к Анне Марковне чтобы разобраться в этом вопросе, а тут я собственной персоной заявился и окно Игоря случайно не закрыл, а его мамка все услышала, а дальше дело техники и педагогического опыта.

А вот чего задумала Лариса Ивановна в плане моего примирения со Светловой я не знал, мог только догадываться. Училка взяла на время старые боксерские перчатки Игорька и чуть ли не силком вытащила меня за рукав на улицу, а дальше я покорно шел за ней, как тот безвольный бычок на веревочке... и знаете, что? Я бы шел так бесконечно долго, лишь бы она шла рядом и щебетала своим волшебным голоском всякую банальщину.

- А почему директора школы называют – Волчицей? – спросила Лариса Ивановна.

- У неё фамилия прежнего мужа была – Волкова.

- Так она вроде не замужем.

- Три раза была замужем, все три мужа скрылись в неизвестном направлении.

- Серьёзно?! – удивленно ахнула девушка, прикрыв изящной ладошкой рот. – Три раза!

- Ага, - кивнул я и утайкой бросив жадный взгляд на свою спутницу.

Богиня! Натуральная богиня, как она есть! Не знаю какие из богинь были краше: древнегреческие или древнеримские, но уверен, что по красоте Лариса Ивановна красивее их всех вместе взятых.

Вблизи молодая девушка смотрелась еще красивее чем с дальней парты в классе. Я только сейчас понял кого же она мне напоминает. Наша новая классуха была чертовски похожа на Одри Хепберн в молодости, в своем знаменитом филь-

ме «Завтрак у Тиффани», только глаза не карие, а пронзительно голубые. Впрочем, и на Наталью Варлей в роли панночки из «Вия» она тоже была похожа, тут уж с какого бока поглядеть. Так глянешь – изысканная и утонченная красавица-иностранка, а так поглядишь – ведьма-искусительница, которая завораживает и сводит с ума юных парубков.

Я шел рядом с училкой и не понимал своих чувств. Неужто влюбился? Нет оно вроде понятно, когда четырнадцатилетний подросток влюбляется в молодую училку – это нормально, все через это прошли, но бляха-муха мне-то все-таки чутка побольше лет. Я так-то на минутку в 90-ые в Москве крышевал и держал в железном кулаке два казино, три публичных дома и пару дюжин высококлассных, элитных индивидуалок у которых из регулярных клиентов был только высший свет. Там такие кралечки работали, что модели из глянцевого журналов по сравнению с ними – страшные крокодилы, и любая из них по щелчку моих пальцев с радостью прыгнула бы ко мне в постель, но я даже близко не испытывал ничего подобного, что испытываю сейчас когда иду рядом с молоденькой училкой, вдыхаю легкий аромат её духов и слушаю её звонкий голос.

Неужто влюбился?

Не может быть!

Чтобы Вовка Поляк – особо-опасный вор-рецидивист влюбился? Быть такого не может.

Строгие воровские понятия запрещают элите уголовного

мира официально жениться и заводить семьи. В этой странной со стороны обычных людей практике есть своя логика и она весьма проста:

Через родных вора можно шантажировать и оказывать на него влияние.

Так же вор, как любой мужчина, будучи женатым может попасть под влияние супруги, станет менее авантюрным и уже не пойдет на смелые и лихие дела, перестанет думать о воровском мире и погрязнет в семейной бытовухе.

Опять же, жена, как любая баба может спровоцировать конфликт в уголовном мире своим поведением. Это с марухи спросу никакого, дал ей в глаз, выдал пенделя под зад и всех делов, а к жене совершенно другое отношение со стороны братвы. Все-таки официальный статус – это вам не хуры-мухры.

Семья для вора – это его братва! В жизни блатного может быть лишь одна уважаемая женщина – его мать.

Понятное дело, что блатной точно не монах. Он запросто может иметь сожительниц, сколько хочет. Однако не должен испытывать никакой эмоциональной привязанности к своей подруге. Вор должен избегать постоянства, легко менять одну барышню на другую при первом же удобном случае.

По таким законам и принципам я жил больше сорока лет!

Сорок лет я считал женщин чем-то ниже себя, был альфа-чом...и полным кретином! Тут уж как есть...

Скорее всего дело не в любви, а все-таки в подростковых

гормонах. Какие бы мне мозги и сознание не достались от прежней жизни, но тело-то с обменом веществ у меня подростковое и этого не стоит сбрасывать со счетов, а надо как-то постараться подружить одно с другим.

- Сможете со мной дополнительно позаниматься английским языком, мне надо подтянуть свои знания, - спросил я у учительницы.

- А какой у тебя сейчас уровень знаний?

- Мой английский не очень хорош, но я обещаю быть прилежным и послушным учеником, - произнес я на английском.

Мой английский язык в далеком 1980 году был вообще никакой, я даже английский алфавит не знал, но годы фарцы, а потом еще и несколько поездок в Америку и США в 90-ые, плюс парочка дорогущих репетировав сделали свое дело, поэтому в этом 1980 году мой английский был хоть и ужасен с точки зрения носителей языков, но для современных подросток, особенно из сельской местности он был чудо как хорош, думаю даже у Светловой разговорный английский был намного хуже, чем у меня.

- О! Владимир, а ты умеешь удивить, - сперва звонко рассмеялась, а потом уже ответила мне учительница по-английски, - твой английский вполне на уровне, куда его улучшать?

- Я хочу поступать в московский институт на журналиста-международника, - ответил я на английском.

- Серьезно?! – натурально ахнула Лариса Ивановна на рус-

ском. – Ты?

- Да. Хочу посмотреть весь мир. Побродить по песчаным дюнам в долине Гиза, посмотреть на великие пирамиды, нырнуть к коралловым рифам Красного моря, пройтись по тесным улочкам Рима, прокатиться в гондоле по каналам Венеции, побывать в сельве Амазонки, увидеть водопад Виктория в Африке. Жизнь так коротка, что не хочется тратить её на серое однообразие.

Исподтишка глянул на мечтательно поднятые вверх глаза своей спутницы и понял, что она, как и все женщины «любят ушами» - сейчас Лариса Ивановна витала где-то там среди жарких пустынь, тесных улочек, брызг водопада и каналов Венеции.

- Вижу географию ты, как и английский подтянул за лето, - задорно улыбнулась училка.

- Ага, - кивнул я. – Ну так, что позанимаетесь со мной?

- Позанимаюсь. Ты совсем не такой, каким я тебя себя представляла, когда мне две недели назад рассказывали о учениках 8-А. Говорили, что ты жуткий хулиган, хамло и беспросветный двоечник, которому одна дорога – в тюрьму.

- Все верно говорили, - тяжело выдохнул я, - таким я и был до недавнего времени, но теперь я совершенно другой человек.

- Это тебя так случай со Светловой изменил, ты понял, что мог бы сломать себе и своей однокласснице жизнь и поэтому изменился?

- Да, - соврал я, а потом все же добавил чуть-чуть таинственности, - но было еще кое-чего, но об этом я рассказать вам не могу.

- Почему?

- Это не мой секрет.

- Ты совершил какое-то преступление?

- Нет, скорее наоборот, но не пытайте меня больше, придет время, и вы будете единственной кому я откроюсь, - сказал я настолько проникновенно и таинственно насколько мог... и черт побери, но молоденькую училку мои слова проняли до самых печенок, а может и того глубже.

Ох, видели бы её глаза в этот момент! Они буквально полыхнули азартом и страстным желанием разгадать мою тайну.

Уфффф!

Женщины, особенно молодые и красивые – жутко любопытны. Женщины в принципе любопытны от природы как те кошки, но когда они красивы, умны и знают себе цену, то их любопытство возвышается выше Эвереста. Они любят узнавать секреты и тайны. Обожают сюрпризы. Эта черта женщин определяет одно из основных качеств, которым должен обладать мужчина, который хочет добиться их расположения. Важно понимать, что просто быть умным, красивым, сильным и обходительным мало. Надо всегда оставаться неразгаданной тайной, быть загадкой, чтобы завоевать внимание женщины. Если в мужчине есть загадка, то

молодой женщине он всегда будет интересен, потому что это как подарок на Новый год, упакованный в множество слоев бумаги, который распаковывают тонкие женские пальчики. Волнение и трепет. Предвкушение. Предположения. Тайна. Шелест упаковочной бумаги. Удивление. В отношениях так же — чем дольше женщина узнает и распаковывает мужчину, тем дольше она сохраняет к нему интерес. Он должен быть для нее таинственной и манящей бездной, влекущей ее за грань дозволенного.

Я уже решил для себя, что сделаю все, чтобы Лариса Ивановна была моей! Да мне 14 лет, а ей 24 года, но это только внешне, а так-то мне пятьдесят восемь. И вообще я всегда жил по принципу: полюбить — так королеву, воровать — так миллион! А все эти полумеры оставьте для неудачников. Я — Вовка Поляк, жиган, который держал в кулаке всю Москву, и если даже смерть не смогла меня забрать к себе, то наверняка я здесь не просто так, а значит Лариса свет Ивановна будет точно моей.

- Вова как хорошо ты держишь удар? — вырвала меня из приятных самовлюбленных мыслей учительница странным вопросом.

Оглянувшись, я понял, что мы дошли до дома, где жила семья Светловых. Батя у Наташки был передовик комбайнёр-тракторист, а мамка работала агрономом. По сельским меркам они были люди весьма уважаемые и зажиточные, вроде местной интеллигенции. Воспитывали дочь они в

строгости, но денег на неё не жалели, и Наташка ходила всегда одетая как конфетка – каждый год новая одежда и обувь.

- Удар? – переспросил я.

- Ага.

- Удар я держу лучше всех, - самодовольно заявил я, - наверное это единственное, что в этой жизни у меня получается лучше всех, - с тяжелым вздохом, выдал я. – Вряд ли кого-то жизнь была больше, чем меня.

- Отлично. Тогда слушай, что сейчас произойдет, - шепотом начала говорить учительница, - я позову Наташу на улицу, мы отойдем куда-нибудь в сторонку, ты перед ней извинись, а потом она наденет боксерские перчатки и побьет тебя в них, а ты должен молча стоять и не сопротивляться. Сможешь?

- Интересный психологический прием, - хмыкнул я, а потом уверенно добавил, - смогу. Лишь бы у Светловой хватило на это духу. Так-то человеку в морду засветить кулаком – это не очень просто, особенно для новичка или девчонки.

- Ничего, я её накручу, надо чтобы она переборола свой страх.

- Я понимаю, - с важным видом кивнул я, - встречай свои страхи с открытым забралом и тогда они не властны над тобой.

- Именно! – довольная моим ответом щелкнула пальцами девушка. – Вова ты не по годам умен.

- Бросьте, а то перехвалите меня, я зазнаюсь и буду гор-

до нос воротить, - отмахнулся я, хоть надо сказать похвала училки мне была чертовски приятна, но надо держать форс и завесу тайны. – Вы тогда с ней идите к пруду, где все тогда произошло, тут рядом. Думаю, это идеальное место для проведения сеанса психокоррекции.

- Ты и такие слова знаешь?!

- Я много чего знаю, - хмыкнул я, разворачиваясь и направляясь к пруду, - могу крестиком вышивать, могу на гитаре играть, могу песни петь, - а когда отошел так далеко чтобы училке не был слышен мой бубнеж добавил, - а могу и баб ебать по три штуки за раз.

Лариса Ивановна появилась в сопровождении Светловой через полчаса. Солнце уже окончательно опустилось за горизонт, но было еще достаточно светло. Надеюсь, что надолго этот сеанс деревенской психокоррекции не затянется, а то мне еще домой пару километров топать и не хотелось бы делать это в полной темноте, опять же дед будет ворчать, что я весь день где-то шлындался.

В прикладной психологии я был великий дока, во-первых, на зоне вы долго в авторитетах не протянете если не можете хорошо разбираться в людях, а во-вторых, была у меня как-то личный психолого-консультант с большими высшими образованиями спереди и приятными выдающимися окружностями ниже спины и так мы с ней лихо проходили сеансы обоюдной психокоррекции, что несколько раз мне приходилось покупать к ней в кабинет новую тахту-лежанку.

- А он что здесь делает? – капризно поджав губки, сварливо спросила Светлова, увидев меня.

- Наташа, - тихим, спокойным голосом начала объяснять Лариса Ивановна, - Вова здесь для того, чтобы попросить у тебя прощение.

- Мне не нужны его извинения! – категорично отрезала девчонка. – Пусть засунет их себе в одно место!

- На самом деле нужны, - мягко произнесла Лариса Ивановна, - они тебе нужны больше, чем ему, потому что у тебя психологическая травма, которую нельзя игнорировать иначе дальше будет только хуже. Поверь мне я знаю о чем говорю, я сама через подобное прошла, поэтому пусть Вова скажет, что должен.

- Ну не знаю, - Светлова скрестила руки на груди и надолго задумалась.

Я молча стоял и терпеливо ждал ответа. Лариса Ивановна стояла рядом с Наташкой, как бы подчёркивая, что она на её стороне против меня, впрочем, мы с учительницей несколько раз пресекались взглядами и я видел в них поддержку и одобрение в мой адрес.

- Ладно пусть извиняется, - спустя долгие десять минут ожидания выдавила из себя Светлова.

К извинениям я подошел обстоятельно, понимая, что простым «прости-извини» не отделаешься. Бабы любят ушами, а значит надо расстараться и сыпать извинениями бесконечно долго, мало того надо еще и хорошенько самого себя по-

критиковать для услады женских ушей.

- Наташа, извини меня пожалуйста, - начал я, - я вел себя как полный кретин и идиот, хуже того я вел себя как настоящая сволочь и подонок. Страшно подумать, что бы произошло если бы вовремя не появился здесь Игорь, я бы искалечил жизнь тебе и себе. Виноват, прости, мне стыдно! – скомкал я в конце свою речь, боясь переиграть и наговорить лишнего.

- Извинения приняты, - холодно отмахнулась от меня Светлова, впрочем, по её глазам было видно, что мои «прости» дошли до неё и действительно приняты. – Все? Я могу идти домой? – обернулась она к училке.

- Пока нет, - отрицательно мотнула головой Лариса Ивановна, - надо сделать еще кое-чего.

- Что? – нахмурилась Наташа. – Я перед Поляковым извиняться не буду!

- И не надо, - загадочно улыбнулась молодая учительница, - никто перед Поляковым извиняться не будет, наоборот ты сейчас его немного побьешь.

- Что?! – ахнула Светлова. – Побью, я?

- Да, ты его побьешь, а он будет стоять и стоически все твои удары переносить, - Лариса Ивановна помогла нацепить растерянной Светловой боксерские перчатки на руки.

- Это обязательно? – недоверчиво протянула Наташка, растерянно переводя взгляд с меня на училку. – Я не хочу его бить.

- Да! – уверенно кивнула головой Лариса Ивановна. – Обязательно! Тебе нужно победить свой страх и дать ему отпор. Ты стоишь на том же месте, где все произошло, а перед тобой твой страх. Бей его!

Светлова неуверенно ткнула меня боксерской перчаткой в левое плечо. Было совсем не больно, наоборот даже приятно. Это не удар и не толчок, а какое-то нежное поглаживание.

- Еще! И давай в этот раз сильнее! – посоветовала Лариса Ивановна. – Не бойся, Вова тебе не ответит, он все удары выдержит. Бей!

Светлова вновь ткнула меня перчаткой в плечо и опять едва коснулась меня.

- Бей! – подначивала её училка.

Светлова еще два раза ткнула меня перчатками в плечо, но лишь для проформы сделав это сильнее чем в первый раз, все равно это были не удары, а чистой воды профанация.

- Бей! – не унималась Лариса Ивановна.

Наташка опять лишь имитирует удары, капризно поджимая губки и всем своим видом показывая, как ей неприятно меня касаться и заниматься всей этой белибердой.

- Мне надоело! – раздраженно выдала Светлова. – Хватит, можно заканчивать, я к Полякову не имею никаких претензий.

Ну вот ничего эти бабы сами сделать не могут. Надо брать бразды управления в свои руки.

- Ударь сильнее! – посоветовал я.

- Не хочу! – насупилась Наташка.

- Бей, я сказал!

- Не буду!

- Бей во всю силу, - повысив голос приказал я, - бей! Чего ты гладишь?! Бей! Или ты меня сейчас ласкаешь? Может тебе понравилось тогда весной? Бей, я сказал!

- Что?! Что ты сказал? – злобно прошипела отличница и сильно замахнувшись ударила меня в плечо. Удар вышел так себе, но это был уже настоящий, пусть и по девичьи слабый, но удар. – Мне понравилось? Ах ты скотина! На получай, получай!!!

Светка замахала руками, удары посыпались на меня один за другим. Голова, грудь, несколько раз в живот, но больше, конечно, по лицу. Слева, справа, слева, справа!

- Сильнее! Сильнее! – нагло улыбаясь торопил я девчонку. – Бей из-за всех сил. Бей, что есть мочи! Не жалей ублюдка! Выбей из него всю дурь!!! Бей! Давай, бей!!!

Я видел, как налились лютой злобой широко распахнутые глазенки Светловой, как при этом сузились до игольного ушка её зрачки, как на заднем плане испуганно прикрыла ладошками свой красивый ротик Лариса Ивановна, чтобы не закричать и не остановить эту экзекуцию.

- Бей!!! Что есть силы бей!!! – кричал я. – За мамку, за бабю бей, которые бы после такого не смогли бы жить! За своих неродившихся детей бей, которых ты бы не смогла после такого родить!!! За мужа бей, которого бы у тебя никогда не

было!!! Бей!!! Бей эту гадину, который на святое покусился!
– кричал я.

Светка была из-за всех сил, её кулаки так и летали со скоростью мельницы, слезы текли у неё по щекам, лицо раскраснелось, рот скривился в жутком, злобном оскале, а волосы растрепались как у лесной ведьмы. В этот миг девчонка-отличница, всегда такая прилежная и правильная была страшна своей лютой злобой, вылезшей наружу из глубоких уголков испуганной детской души.

- Бей, Светлова, бей!!! – кричал я, чувствуя соленую кровь во рту из рассеченной губы.

Стоять и терпеть удары было больно и неприятно, пусть у Наташки в руках и не было пацанской силы, но ярость придала веса её кулакам и удары уже не казались такими легкими как в самом начале, но я упорно стоял на ногах выпрямившись во весь рост и даже не делая ни малейшей попытки увернуться или прикрыться. Свои руки я сцепил за спиной и лишь сильнее стискивал пальца в зацепе, чтобы не смлодушничать и не выставить блок для защиты.

Это было мое заслуженно наказание, моя кара, моя пытка, которую я должен был вытерпеть до конца.

- Бей!!! – шепелявил я распухшими и растрескавшимися губами. – Бей!!!

Я видел, как Лариса Ивановна уже хотела броситься, между нами, чтобы остановить явно зашедшую дальше положенного психокоррекцию, но я успел глазами показать ей чтобы

она не дёргалась и не мешала.

- Бей!!! Ты не слабая девчонка ты сильная женщина ты кошка, которая дерётся за своих котят. Бей!!! Бей эту фашистскую гадину!!! – продолжал накручивать я Светлову.

Наташка еще пару раз взмахнула кулаками, а потом будто бы сломалась согнулась в три погибели и было уже хотела упасть на влажную землю как подскочившая училка подхватила её под руки и помогла сесть ей на скамейку, которая торчала поблизости.

Я постоял несколько минут успокаивая дыхание, сердце колотилось как припадочное, так и норовя выпрыгнуть из груди. Сходил к воде, смыл кровь с лица, потом хорошо прополоскав носовой платок, выжал его и положил его себе на голову. Холод мокрой тряпки принес секундное успокоение и приглушил боль.

Наташка выглядела совсем другим человеком, с её лица пропали все злобные морщинки, которые, казалось, намертво прикипели к ней. Она расслабилась, размякла, подобрела и вроде бы как стала светиться изнутри. Будто заново родилась на белый свет.

Внутренний демон злобы и обиды, который сидел в ней и не давал спокойно жить с того самого дня, когда я чуть не снасильничал её, бесследно исчез навсегда.

Мне самому, честно говоря, стало легче, вот реально легче, как будто многотонный груз с плеч свалился, даже дышать свободней стало.

- Мир? – протянул я руку Наташке.

- Мир! – Наташка встала со скамейки, и мы пожали друг другу руки в знак примирения.

- На будущее, если так же встрянешь, то бейся до последнего: кричи как угорелая, царапай ногтями глаза противнику, кусайся, но только взаправду, по серьёзке, так чтобы куски мяса вырвать, можно ногой по яйцам всадить, но учти, что надо всегда добивать, чтобы тебя не догнали, иначе забьют насмерть. Хорошо еще в глаза песком сыпануть или просто очень сильно ткнуть палкой или веткой, чтобы гарантированно повредить глазное яблоко...

- Но меня же потом посадят, - ошарашенная такими откровениями произнесла Светлова.

- В самом худшем случае дадут условку за превышение мер необходимой самообороны, - тоном знатока ответил я, - но даже так, есть старая пословица: лучше пусть меня судят трое, чем несут в гробу четверо. Жизнь - одна и надо ей дорожить.

- Спасибо, Вова, - странно глядя на меня немного смущенно произнесла Лариса Ивановна, - ты очень сильно помог.

- Обращайтесь, - через силу улыбнулся я и подмигнул училке, она подмигнула в ответ, - пойду я, а то мне еще до дому в Жмыхи пёхать и пёхать.

Лариса Ивановна и Наташка было подорвались чтобы меня проводить, но я отказался, потому что тогда их потом придется кому-то провожать. Пусть идут домой, тем более

что он у них совсем рядом, а я напрямки через поля двину к деду в Жмыхи. Как только пруд и скамейка, на которой остались сидеть перешёптывающиеся между собой Лариса Ивановна и Наташка скрылся за кустами и деревьями я достал из портфеля стеклянную баночку с чернилами и приложил холодную емкость в опухшим губам. Холод стекла чутка снял боль.

Надеюсь, что я не зря изображал из себя грушу для битья и теперь Светлова меня окончательно простила и больше не будет точить зуб за прошлое, а мой грешок можно считать погашенным и закрытым.

Так я и шел домой, держа прижатой к губам банку с чернилами, поэтому и заметил с опозданием две метнувшиеся ко мне из кустов наперерез тени. Успел лишь пригнуться да кое-как отмахнуться портфелем от летевшей в меня деревяхи.

Бамс!

Меня ударили раз, другой, третий! Звонко лопнула от удара чернильница, сноп осколков и едкая жидкость брызнули в лицо, я попробовал сгруппироваться, но что-то тяжелое ударило в голову справа, потом слева. Били меня по-настоящему, чтобы не проучить, а поломать. Это вам не легонькие как пушинки девичьи удары в боксерских перчатках, это сельские пацаны в чьих руках было дубьё разошлись не на шутку. Я сперва упал на колени, а потом и вовсе провалился в пустоту. Последнее, что я услышал перед нырком в темное

забытьё - чей-то испуганный голос надо мной:

- Спица кажись ты ему башку проломил, гляди вся голова в кровище.

- Да и хер по нём, сдох и ладно. Валим отсюда!

Глава 7

В себя пришел от чего-то мокрого и холодного, стекающего по лицу. Вода?! Или все-таки кровь из раскроенной черепашки. Нет, кровь она когда хлещет из раны обжигает словно кипятком, уж я-то знаю, сам вытекал на ЛБС несколько раз. Кто-то осторожно обтирал мне лицо мокрой тряпкой. Холод приятно освежал голову и немного прогонял боль.

Я лежал и старался не шевелиться, изображая глубокий обморок. Хрен его знает где я сейчас лежу и кто мне тряпкой морду обтирает. Но тут кожей я почувствовал трепетное прикосновение тонких девичьих пальцев и мое тело среагировало само собой – ресницы дернулись, а с губ сорвался тихий стон.

- Жив?! Поляк ты жив? – раздался тоненький испуганный голос Лизки Пеньковой.

Лизка смотрела на меня одновременно решительно и испуганно, будто бы маленький зверек, который нашел что-то ценное в лесу, но встретился при этом с большим хищником нос к носу и его сейчас раздирают два противоречия: с одной стороны не хочется бросать ценную находку, а с другой стороны надо валить пока цел.

- О, Лизок, а ты откуда здесь? – прохрипел я, через силу.

- Поляк я из окна нашей сарайки видела, как Спица и Мартын тебя избивали, давай я тебе помогу подняться, а по-

том к участковому побегу. Их надо срочно задержать, а тебя в больницу доставить.

- Нет, не надо! – категорично заявил я.

- Почему? – ахнула девчонка.

- Потому что им ничего не будет, а тебя за донос потом преследовать начнут. Меня сама видишь, как Спица рассчитал, а с тобой еще чего похуже сделает. Оно тебе надо?

- И что теперь бояться и всё спускать таким мразям как Спицын? – воинственно подбоченившись грозно зашипела Пенькова.

- Лизок, а ты когда гневаешься такая красивая становишься, как амазонка, - попробовал отшутиться я.

- Поляк хватит дурака валять, вставай и пошли к участковому.

- Я сам пойду к Жарову, а тебя чтобы даже близко здесь не было. Попадешь в свидетели - Спица мигом про тебя узнает и начнет через дружков давить, чтобы ты от своих показаний отказалась.

- Я его не боюсь! Советские пионеры не должны бояться всякую шваль!

- Зато я за тебя боюсь, поэтому Лизок дуй домой и спасибо тебе за помощь.

- Ты за меня боишься? – каким-то растерянным голосом удивленно прошептала Пенькова, глядя на меня так будто бы увидела впервые в жизни.

- Пенькова дуй домой! – повысив голос приказал я.

- Обещаешь, что пойдешь к участковому?

- Обещаю.

- Клянись!

- На вот тебе мой портфель, я потом к тебе забегу его забрать и все расскажу, - вместо слов клятвы я сунул в руки одноклассницы свой побитый жизнью портфель, предварительно вытащив из него баллончик дихлофоса и вентиль-«барашек», купленные сегодня в хозмаге.

- А зачем тебе дихлофос и вентиль от крана?

- Баллончик в голове приложу, он холодный, а вентиль чтобы кран открыть и умыться, - совершенно по-глупому соврал я, но Лизка, кажись поверила, потому что больше вопросов не задавала. – Всё, иди, нас не должны видеть вместе, - буквально вытолкал я девчонку из кустов, под которым она меня нашла.

Пойти к участковому? Серьёзно?! Чтобы я Вовка Поляк пошел к менту с заявой, как тот терпила? Никогда! Сам разберусь, тем более, если по-честному и объективно, то наш сельский «Анискин» - он же капитан милиции Михаил Иванович Жаров, хоть мужик и крутого нрава не дающий спуску местной босоте, но в данном случае вряд ли что сделает. Травмы у меня не особо сильные, морда распахана не из-за удара дубиной по голове, а больше из-за чернильницы, которая разлетелась в дребезги и осколками посекала мне рожу. Спица в любом случае скажет, что утром я первый начал, еще и кореша его это подтвердят. И что тогда? Максимум –

мелкая хулиганка, но зато потом вся местная пацанва будет знать, что Поляк – ссучился и на своих доносы строчит. Мне такая слава нужна? Да, никогда!

Вот если бы меня Спица и Мартын сильнее поломали бы, и я попал в больничку с тяжкими телесными или хотя бы с травмами средней тяжести, то тогда бы «Айболита» сами бы вызвали ментов и тут уж по понятиям я мог бы сдать Спицу с потрохами. Но не будешь же сам себя калечить, лишь бы дебилу Колянну «срок» накрутить? Нет, тут надо решать все самому. Выдать Спице и его шестеркам хороших люлей, так чтобы в следующий раз даже глядеть в мою сторону боялись, но важно не переусердствовать, а то ведь так и на нары недолго самому загреметь.

Ноги были как ватные, каждый шаг давался тяжело - как штангу неподъемную рвануть на первенстве Союза, все тело болит, а голова гудит как осиновый рой будто с жуткого бодуна, мне сдохнуть проще, чем это мытарство терпеть. Казалось, что моя бедная черепушка не выдержит и лопнет. Но я монотонно переставляю ноги и продолжаю идти к своей цели – я упертый, меня хрен с выбранного пути своротишь.

Дурак! Надо же было заслать Пенькову домой чтобы она мне пару таблеток анальгина принесла. Ладно уж теперь, придется терпеть! Но я тоже хорош – утром Спицу прижал к ногтю и самодовольно решил, что мне плевать на его месть. Ну что наплевал? Повезло еще что зубы все целы, а то бы потом ходил и плевал бы через промежутки в зубах. Идиот!

Решил, что раз из будущего сюда попал, то самый умный, сильный, смелый и всё мне по плечу? А доской по голове не хотел получить от местных? Вот так просто и незамысловато, без изысков и психологических подходов. Бамс из темноты - дали по башке и всех делов. Будет тебе наука на будущее, что в этой жизни ты не самый умный и сильный. Всегда есть кто-то кто умнее тебя, решительнее тебя, хитрее тебя!

Вот так я шел по жидкому подлеску и костерил самого себя почему зря. Ну, а кто еще меня покритикует если не я сам? Самому оно вернее...

Ночная прохлада освежала голову, прогоняя прочь боль. Дышать и двигаться стало легче, но пришла новая напасть – стало сильно тошнить. Несколько раз скрутили сильные рвотные позывы, и я выплеснул из себя желчь, а больше мне блевать было нечем.

Неужели сотрясение мозга заработал?!

Рядом с Красновкой было много лесополос которые разделяли колхозные поля, служа ветрозащитой. В некоторых из них любили ставить на сезон свои улики местные пасечники. Семейка Коляна Спицына как раз пчеловодством и промышляла, а Спица один из домиков-бытовок на близкой к селу пасеке с негласного разрешения бати под свою шайку и приспособил. Я знаю где она находится, тут недалече, я там тысячу раз бывал, таская уроду Колянну ворованные папиросы и бегая за ним хвостиком.

К самой пасеке подбирался очень осторожно, самочув-

ствие и так было хуже некуда, нашуметь и выдать себя, чем навлечь гнев шайки Спицы никак не хотелось. Второй раз я этих избиений не переживу, забьют до полного инвалидства. Тут надо действовать хитрее и осторожней. Подопру дверь снаружи палкой, высажу содержимое баллончика с дихлофосом через окошко, а как они дверь вышибут и рванут наружу, тут я их дубиной или кастетом из вентиля на пальцах и встречу с распростёртыми объятиями. Главное в горячке потасовки никого не пришибить насмерть ненароком, а то я себя знаю, как драка начинается, так мозги, инстинкт самосохранения и здравый смысл сами собой из меня вылетают и прячутся незнамо, где до лучших времен.

К большой облезлой и сильно поржавевшей железной будке, которая когда-то был кунгом на «шишиге» я подобрался чуть ли не ползком. Заметить меня в полной темноте лесопосадки никак не могли, если только я себя не выдам громким звуком, например матерным возгласом из-за дерьма, которым обильно сдобрены подступы к пасеке с стороны «зеленки». Вот что за люди эти Спицыны? Нет, чтобы нормальный нужник-скворечник соорудить, вместо этого засрали всю лесополку, чуханы херовы! Ползешь тут как по минному полю к укропскому опорнику, тока и зыркаешь себе под ноги, чтобы не влезть в очередную вонючую «мину».

К будке я добрался вплотную в самый интересный момент – внутри два голоса наперебой спорили друг с другом, обсуждая мою смерть и связанные с этим перспективы на бу-

дущее.

- Я те говорю – валить надо, валить!!! – злобно шипел Мартын, которого я сразу опознал по гнусавым, растянутым ноткам.

- Вам надо, вы и валите, - протестовал второй голос, который кажись принадлежал Ячменю, - это вы со Спицей Поляка замочили, я-то здесь не причём? Ко мне какие предъявы?

- Ты не понимаешь, - пытался уговорить друга Мартын, - на тебя всех собак повесят. Если Жаров тебя сам не раскрывает на признанку, то районщики в пресс-хату засунут и там ты как миленький запоешь. Мы для них одна шайка-лейка, полюбасу на тебя смерть Поляка повесят, пусть ни паровозом, так прицепом точно пойдешь. Или, что мусора прижмут – молчать станешь? Нет, сразу всё на нас со Спицей спихнешь. Хочешь сказать, нет?

- Пошел на хрен! Вы два дебила, зачем Поляка убили?

- Случайно получилось, Спица его по хребту хотел вдавить, а тот пригнулся и развернулся, вот и пришелся удар по голове. Короче, Поляк сам виноват, что его убили, не стал бы дергаться, отмудохали бы, да разошлись, а он слишком прыткий оказался, вот и сдох.

- Точно башку проломили?

- Сто пудей! Сам слышал как его череп хрустнул, а кровище хлынуло просто жуть, никогда такого не видал и главное алая такая, как пионерский галстук. Так, что валить надо всем вместе!

- Ну и мне, что с этого? Какого хрена я должен с вами куда-то тикать?

- Нам надо просто затаиться на время. У Спицы есть какой-то кент крутой, который вес имеет, он нарика или дурачка найдет который громоотводом пойдет, - яростно зашептал Мартын. – Все на мази будет, нам надо лишь на пару недель схоронится, пока кориф Спицы мосты наводит, а там обратно вернемся.

- Что за кориф? – спросил Ячмень.

- Хрен его знает. Спица не колетса, вроде как еще его брательника знакомец, но я без «бэ», врать не буду.

- А где деньги на все это брать?

- За баблишко вообще не переживай, Спица как раз сейчас этот вопросик решает. Все будет чики-пуки, баблишко будет.

- А почему раньше деньги зажимали, как те утырки месяца уже не голиках сидим. Крысите?!

- Ты, чё?! Я вообще про это не знал, сам пустой уже сколько хожу. Спица цинканул, что его брательнику один фраер много денег должен, Колян сейчас его выжмет и мы будем при лавэ.

- Что-то у Спицы неожиданно много знакомцев образовалось о которых мы никогда не слышали, - проворчал Ячмень.

- Согласен, - на секунду воцарилась тишина, было слышно, как кто-то из собеседников затягивается табачным дымом, а потом с шумом выпускает его, - но про этого фраера я

слышал краем уха. Помнишь в прошлом году на птицефабрике шухарнули чутка?

- Это когда птенчиков пару коробок вынесли?

- Ага, так вот тогда Спица по указке этого фраера какой-то там инкубатор сломал и за это, вроде как тот ему много лавэ должен.

- Херня какая-то.

- Ну, за что купил, за то и продал...

Все хватит слушать, пора действовать, а то не дай бог сейчас Спица откуда-то из кустов нарисуетя и тогда мне точно хана.

Несколько раз глубоко вздохнул, медленно выдохнул, насыщая кровь кислородом, обдумал вкратце каждый свой шаг и движение, чтобы мозг запомнил последовательность действий. Оглядел одежду, проверил обувь. Вроде все нормально, нигде ничего не висит, не мотыляется, сандалии застегнуты плотно, брючный ремень на месте. Рубаха только вся в ярко-красной расцветке из-за пролитых чернил и её теперь только на ветошь.

Я достал из кармана баллончик с дихлофосом, вставил распылитель в квадратное отверстие вентиля-«барашка» куда обычно входит шток крана и резко надавив на дно баллончика сломал распылитель вместе с корпусом из-за чего тут же изнутри повалил едкий газ. Грозно шипящий будто ядовитая змея баллончик запустил внутрь ржавой будки через небольшое окошко, забранное решеткой с крупной ячей-

кой, и рванул вдоль кунга чтобы успеть перехватить бывших дружбанов на выходе. Неожиданно изнутри будки раздался явственный хлопок и дикий вопль боли.

- А-ааа!!!

Взрыв?! С чего?

Твою мать! В балкончике с дихлофосом же всегда газ пропан есть, а он горючий и взрывоопасный. Видать от горячей сигареты газ взорвался.

Мартын выскочил первым из будки, я подставил ему подножку, и он кубарем полетел на землю, я тут же настиг его и ударом кастета по затылку вырубил гаденыша, развернулся лицом к выходу из кунга как раз в тот момент, когда из неё вываливался высокий, долговязый парень в дымящейся рубашке с начисто обгорелыми волосами с левой стороны головы - Ячмень!

Шагнул навстречу и пнул его ногой по яйцам, а когда тот с громким вскриком согнулся и упал лицом в землю обрушил на его затылок кастет. Бил сильно, но расчетливо. Сорвал с парня рубаху, и смотал ей его руки за спиной. От Ячменя явственно шибало жуткой смесью горелой плоти и дихлофоса. Изнутри кунга несло инсектицидом так сильно, что мне пришлось прикрыть нос и рот рукой, слезы сами собой брызнули из глаз.

Надеюсь, что Мартына и Ячменя ударами самодельного кастета я только вырубил, а не отправил к праотцам, но другого выхода у меня нет. Оба парня были старшеками – обо-

им уже исполнилось 18 лет и оба были объективно сильнее меня. В обычной драке я бы точно не смог с ними тягаться наравне, вот и пришлось хитрить. Оба парня были из шайки Мишки Спицына, а к его брату в подчинение они пошли больше по привычке, чем из большого желания. Надо справедливо отметить, что хоть Колян и был младше их обоих на несколько лет, но голова у него варила все-таки лучше, чем у этих двух дебилов, у которых из преимуществ была лишь грубая сила и полное отсутствие здравого смысла и страха за свое будущее – идеальные пешки-исполнители.

В прошлой жизни я бы на Мартына и Ячменя даже с кастетом в руках не быканул бы, все-таки у нас разные весовые категории были, не в плане массы тела, а в плане авторитета. Мартын оттянул два года на малолетке за хулиганство – выбил на танцах пацану из соседнего села глаз, а Ячмень год ходил под условкой за угнанный у соседа мопед. А сейчас для меня оба парня – всего лишь деревенские придурки, корчившие из себя блатных, у которых мозгов в отличие от физической силы с гулькин нос.

Заглянул внутрь будки, нашел там пару кусков нейлонового шнура и крепко стянул Ячменю лодыжки и запястья, а его рубаху затолкал ему в рот вместо кляпа. Из кунга вытащил шляпу-пчеловода с сеткой на лице, надел её на себя, а потом засунул в рот пару камешков, валявшихся на земле, предварительно оттерев их от земли о свои штанины.

Подошел к Мартыну связал ему руки за спиной и ухватив

за ноги оттащил подальше от Ячменя. Сходил обратно к будке, нашел на столе коробок спичек и литровую банку с водой. Водой прополоскал рот, я спички убрал в карман. Столовый нож и вскрытую банку «братской могилы» проигнорировал – тошнило так, что хотелось сдохнуть, о еде даже думать не мог, хоть, по сути, за весь день я съел только один бублик, арахис в сахаре и выпил пол-литра кефира. Еще на спинке стула висело большое портмоне на молнии из растрепанного черного козжама, в котором был паспорт Ячменя, выкидной нож и три рубля с мелочью - всё забрал себе.

- Где Спица? – спросил я как только Мартын пришел в себя после пары пощечин.

Голос мой звучал глухо и незнакомо, ну еще бы, камни за щеками заметно исказили речь.

- Ты кто? – испуганно пискнул Мартын.

- Где Спица? – повторил я вопрос и для наглядности сперва зажег перед лицом пленника спичку приблизив язычок пламени максимально близко к его лицу, а потом сильно ущипнул кожу за ухом.

Мартын хотел было крикнуть, но я тут же коротко ударил его в лицо, и он подавился собственным криком.

- Спица позарился на чужое, это не его деньги, а Михи, который теперь торчит их нам, так что Колян по сути – крыса, который тянет из общака, - наплел я Мартыну какой-то лютой чуши, из которой у пленника должно было сложиться впечатление, что с ним сейчас базарит какой-то левый бла-

тарь, знающий старшего брата Спицы.

Миха – это кличка, которую получил старший Спицын на зоне и об этом знал весьма ограниченный круг лиц.

- Бля, я вообще не при делах, вот те зуб! – бешено, тараща испуганные глаза прошипел.

- Ты бы словами напрасно не кидался, - посоветовал я, - а то ведь я прямо сейчас с тебя спросить за базар могу и станешь ты у меня блядью прям тут под кустом.

В подтверждение своих слов и чтобы окончательно запугать Мартына, стащил с него штаны, а потом и трусы, оголив его задницу.

- Шо?! Не надо! Мамой клянусь я не при делах. Мамой! – бешено зашипел пленник, понимая, что во все горло орать нельзя. - Это все Спица! Спица!!!

- Где он?

- Он в избушке возле Гнилого озера, там какой-то фраер уже несколько дней живет. Спица хотел у него баблом разжиться, нам когти рвать надо, мы случайно пацаненка местного завалили.

- За что завалили?

- Да, случайно вышло, хотели чутка пугнуть, а в итоге голову размозжили.

- С кем в прошлом году птицефабрику обносили? – строго спросил я.

- Я, Спица и Ячмень! А это к чему?!

- Молчать! – рявкнул я и ударом в голову вырубил Мар-

тына второй раз.

Ага, значит Спица на Гнилом озере с каким-то фраером, у которого с ним общие делишки. Что мне это дает? В принципе ничего... или все-таки как-то это можно использовать в своих целях. Кстати, про цели, а что я пытаюсь добиться и выжить из всей этой ситуёвины? Основное – это избавиться от преследований со стороны Спицы раз и навсегда. Лучше всего такие вопросы решаются кардинально, как у классика – бритвой по горлу и в колодец, но в реальности меня за такое упекут лет на десять, так что надо как-то обойтись без убийства.

Что же делать, как быть? Что такого придумать, чтобы Спица и его товарищи от меня отвязались?

Время, время...

Подошел к Ячменю, который из всех троих моих бывших корефанов был самым трусливым. Вытащил у долговязого из рта его рубаху и обмотал ей голову, чтобы тот меня не видел и не смог опознать. Вмазал ему несколько звонких пощечин приведя его в чувства.

- Сейчас идешь к местному «пасечнику» и сдаешься с потрохами, - прошипел я Ячменю на ухо, а для наглядности еще и ткнул пару раз подобранно с земли деревяшкой в район почек, - расскажешь, как в прошлом году птицефабрику обнесли. Все валишь на Спицу, он ссучился и его на зоне уже давно ждут. Мы за тебя мазу потянем и тебе условку выпишут, но должен прискакать первым чтобы чистуху написать.

Усек?!

- Кто вы? – испуганно прошептал Ячмень.

- Здесь нет никого и не было, а пикнешь хоть слово про меня – твоя хата вместе с родными сгорит. Твою ксиву я прибрал. Где живешь я знаю. Все понял?

- Да... - Ячмень обреченно проблеял и громко бзданул от страха.

Я еще раз двинул пленнику по печени, а потом добавил по затылку, но уже просто кулаком, без кастета. Оставил лежащего на земле парня тихо стонать от боли, а сам сперва медленно и тихо растворился в ночной лесополке, а как отошел на безопасное расстояние ускорил шаг. Надо убраться отсюда побыстрее. Сперва дойду до Красновки, заберу свой портфель у Лизы Пеньковой, уговорю её ничего не рассказывать участковому, а потом еще пешкодралом до дому двигать. Дед уши надерет за то, что пришел уже по темноте. И главное не расскажешь ведь ему ничего в своё оправдание. Тут надо молчать как рыба об лед. Эх, лишь бы Пенькова не проговорила никому, а то проблем не оберешься.

Уверен, что Ячмень пойдет с повинной к участковому, а Михаил Иванович Жаров – матерый волчара, он Ячменя вмиг расколет и пойдет эта троица: Спица, Ячмень и Мартын по этапу за свои делишки, а я вроде, как и не приделах, ко мне никаких предъяв.

Вышел из лесополосы и остановился в глубокой задумчивости. Если свернуть направо – то вот она Красновка, а если

свернуть налево и двинуть через поля напрямки, то меньше, чем через километр будет еще одна лесополоса, из которой по тропке можно добраться до узкого озерца, которое в народе кличут – Гнилым, из этого озера берет начало небольшая речушка. На берегу этого озера есть рыбацья избушка, которую часто используют под свои нужды косари, пастухи и местные охотники. Пацаны на Гнилом озере ловят раков, которые там страсть какие большие...

Налево пойти или направо?

Лучше направо – в Красновку, заберу портфель, договорюсь с Лизкой, дам ей трофейные три рубля в качестве платы за молчание, а потом сразу домой, к деду! Хватит с меня на сегодня приключений и так чуть было богу душу не отдал. Будет мне впредь урок и наука на будущее как из себя альфаца и самого крутого перца на селе изображать.

Впрочем...

Свернул я налево и двинул через поля в сторону Гнилого озера, страсть как было интересно поглядеть, что там за крутой фраер в дружках у Спицы нарисовался, да еще и при деньгах.

Все-таки бесшабашного четырнадцатилетнего подростка во мне сейчас гораздо больше, чем шестидесятилетнего рассудительного мужика. Опять же любопытство, которое как известно кошку сгубило, но я-то не кошка.

Я только одним глазком погляжу и сразу обратно побегу, буквально в полглазика посмотрю и сразу же обратно дви-

ну...

Глава 8

О своем желании двинуть к Гнилому озеру я пожалел почти сразу, прошел первые сто метров и понял, что эта прогулка не будет легкой – в голове гремит набат, руки ходят ходуном, ноги подкашиваются, а желудок вместе со всеми кишками так и норовит выпрыгнуть наружу. Но я упорно шел вперед и назад поворачивать не собирался из своей врожденной упертости, переходящей порой в крайнюю степень кретинизма.

Это всё мой чертов характер, в котором замешан лютый коктейль из любопытства, авантюризма, жажды приключений и поиска острых ощущений. Нет, чтобы жить спокойно как все, но меня вечно тянет искать на свою задницу приключений.

До лесопосадки я кое-как дошел, нашел нужную тропинку и двинул по ней, благо луна на темном небе сносно освещала своим светом округу. Хорошо, что навстречу мне не попался Колян Спица, а то в полях от него негде было спрятаться, а подобная встреча ничем хорошим для одного из нас точно бы не закончилась. И пусть у меня при себе кастет, но и Спица вряд ли ходит «пустой», обычно у него на кармане нож с выкидным лезвием.

К Гнилому озеру подобрался в полной темноте. Задул ветер, который пригнал тучи, закрывшие луну. Избушка тор-

чала на берегу озера как гнилой пень на болоте. Небольшой сруб с дощатой крышей из которой чуть в сторонку выступает печная труба. Избушка была ничья, ей пользовались все кто хотел: рубаки, косари, пастухи и охотники. Сейчас перед избушкой стояла трехдверная «Нива» нежно-зеленого цвета. Я сперва на машину не обратил особого внимания. Ну «Нива» и «Нива», что в ней такого. А потом сообразил, что на дворе не будущее, где трехдверная ВАЗ 2121 – это серая обыденность, а 1980 год и эта модель АвтоВАЗа только-только начала массово выходить с конвейера. По крайней мере за тот неполный месяц что я пробыл в этом времени, живьем еще ни одной «Нивы» я не видел. А тут на тебе - стоит! И где? Посреди болота. Охренеть!

«Нива» хоть, и вся из себя внедорожная машина, предназначенная для поездок по пересеченной местности, но здесь и сейчас казалась чем-то инородным и чужим.

Голоса спорящих о чем-то людей я услышал загодя. Звук в ночи, а уж тем более на близкой воде распространяется дальше обычного. Я остановился, осторожно снял рубаху замотал в неё портмоне Ячменя и засунул все это под ближайший куст. Белая рубаха, пусть и изрядно испачканная кровью и чернилами видна издали. Потом чутка подумал и обмазал себе лицо и торс грязью, чтоб быть совсем как Рэмбо. Или это Шварценеггер в «Хищнике» грязью обмазывался, чтобы быть малозаметным? Не помню уже...

Зачем я предпринял меры максимальной маскировки?

Потому что моя воровская чуйка, а точнее весь жизненный опыт буквально кричал, что здесь сейчас что-то произойдет. Встретить новенькую «Ниву» в нашем захолустье, поздней ночью на болоте в будни, примерно тоже самое, что в будущем заметить тонированный «крузак» в лесу, возле которого стоят мужики с лопатами, а у их ног лежит пару черных пакетов с чем-то объемным внутри. Может, конечно, мужики с лопатами приехали в лес чтобы грибы собирать в пакеты, но вряд ли... Так и тут - может хозяин «Нивы» обычный рыбак, который прикатил на озеро рыбку поудить или раков наловить, но что-то мне подсказывает, что это не так.

Азарт и адреналин так и клокотали у меня в крови. Боль, тошнота, усталость – всё как рукой сняло. Я был сейчас подобен голодному хищнику, взявшему след ценного зверя, так и чувствую уже соленый привкус крови на губах из разорванного горла жирного гуся.

Потом меня, конечно, накроет адреналиновый откат и тело скрутит жгутом, но всё это будет потом, а сейчас...

Мартын ведь что-то там говорил про деньги, за которыми поперся Колян, так возможно мне удастся по-тихому подрезать чутка баблишка и незамеченным бесшумно скрыться в ночи.

Только не подумайте, что я опять взялся за старое. Нет! Денежки ведь у подельника Коли Спицы точно нажиты не праведным путем, а значит можно с ними поступать как великий лозунг большевиков – «грабь награбленное!». Кто сказал

эту фразу? Правильно – вождь мирового пролетариата Владимир Ленин. А кого называли в честь Ильича? Правильно – меня. Так, что я сейчас собирался не закон преступить и обворовать кого-то, а лишь воплотить в жизнь заветы своего великого тезки...

Спорщики стояли в десяти метрах от «Нивы» и выясняли отношения на повышенных тонах. Я подкрался к ним почти вплотную, благо меня надежно прикрывали кусты, заросли осоки и камыша.

О чем они говорили до этого я не знал, громкие голоса издавдалека было не разобрать, но сейчас похоже спор перешел в горячую фазу апофеоза.

- Хорош гнать! – грозно шипел Спица. – Мне нужны бабки моего брата! Гони их сюда! – в руках у Коляна был тот самый нож с выкидным лезвием, которым он любил пугать малолеток, выманивая у них мелочь.

- Николай уйди отсюда по-хорошему, - спокойным, я бы даже сказал несколько ироничным тоном ответил ему молодой мужчина лет тридцати. – Долю твоего брата я отдам только ему и уж точно не тебе.

- Если не отдашь моё, тогда я заберу всё, что у тебя есть, - угрожающе прорычал Колян.

- Только попробуй дурачок деревенский, - издевательски улыбнулся модно упакованный пижон.

Хозяин «Нивы» был в джинсах, кроссовках и кожаном пиджаке. Все шмотки явно импортная фирма, тут к бабке

не ходи. Лицо волевого, уверенного в себе человека, модная прическа, под кожаным пиджаком светлая водолазка. Эдакий яркий блондин, очень похожий на актера Олега Видова. На запястье правой руки золотые «котлы». В руках - небольшая кожаная сумка с жесткими бортами. Такие я видел намного позже в кино, где в них таскали шары для боулинга. По нынешним временам – хорошо заряженный и модно упакованный кент. Ему бы в столице на Арбате или возле магазина «Мелодия» тусить и дедеронов пасти, а он в наших ебенях каким-то чудом оказался.

Оппонент Спицы разговаривал с Колянном слишком спокойно, будто перед ним сейчас был не озверевший от безнаказанности юный ублюдок, а прилежный старшекласник-отличник.

Спицын-младший был на редкость озлобленным на весь мир юношей, которому нравилось быть сильным, нравилось, чтобы его боялись, нравилось ежеминутно подчеркивать свою крутость и превосходство над другими. И это чувствовалось - все, кто был слабее Спицы обычно уходили с его дороги, но стоило показаться кому-то более сильному, например нашему участковому, как уже Колян трусливо поджимал хвост и прятался в тень. Спица всегда четко знал свое место в иерархии силы, он чувствовал это своим шакальим нутром. А вот, что сейчас происходило на заросшем берегу озера, я, честно говоря, не понимал. Противник Коляна явно ощущал свое превосходство над Спицей, модный фраер был на

голову выше по всем показателям, но почему Спицын-младший продолжал быковать и это было совершенно не понятно. С чего это вдруг Спица потерял нюх и прет буром на того, кто заведомо сильнее его? Кстати, а что это кекс? Цеховик? Аферюга? Центровой?

А дальше произошло то, чего я никак не ожидал...

Колян злобно рыкнул, харкнул себе под ноги, немного наклонил голову, будто бы бык на арене и рванул на оппонента замахнувшись ножом в длинном, фехтовальном выпаде. Пижон выставил перед собой сумку, нож Коляна вонзился в кожаный борт, увяз там на треть лезвия, встретив какую-то преграду. Спица ухватился за одну ручку сумки, дернул ручкой назад, пытаясь высвободить нож и в этот момент блондин выпустил сумку из своих рук. Колян не ожидая такого поворота плюхнулся на задницу, а содержимое сумки высыпалось наружу, разлетевшись по округе.

Деньги!

Много денег!

Сумка была набита пачками денег, некоторые из них разорвались и денежные банкноты праздничной мишурой разлетелись по траве и кустам. Будто бы кто-то раскидал агитационные листовки. Буквально в паре метров от меня плюхнулась пачка десятирублевков. Рыжий цвет банкнот был хорошо заметен на темной траве. Целая пачка червонцев – это же тысяча! Тысяча!!! А сколько в сумке было таких пачек?!

Так вот из-за чего Колян потерял нюх и рванул на своего

собеседника с ножом наперевес. Он знал, что в сумке полно денег и от этого у него сорвало крышу и напрочь перегорели все предохранители.

Я как замороженный глядел на близкую пачку десятирублевых, пара движений и тысяча рублей – моя! Забрать пачку себе и по-тихому свалить отсюда, и никто об этом не узнает. Тысяча рублей!!! Ох, не зря я сюда приперся, ох не зря!!! Как знал - чуйка не подвела.

Пусть эти два дурачка продолжают ссориться и драться, а я заберу себе эту пачку денег и сделаю ноги отсюда...

Бах! Бах!

Два близких выстрела прозвучали так громко и неожиданно, что я сперва испуганно уткнулся лицом в грязь и только спустя минуту нашел в себе силы выпрямиться и посмотреть, что произошло между спорщиками.

Блондин стоял над Коляном держа в руках небольшой пистолет. Лицо модного кента было искажено гримасой презрения и брезгливости, будто бы он сейчас не на человеческий труп смотрел, а на коровью лепеху.

- Швайне! – презрительно протянул пижон, плюнул на труп Спицы, а потом злобным шепотом пробубнил себе под нос. – Говорил же, что нельзя с этими свиньями дел иметь.

Спица лежал на земле повернув голову в мою сторону, несмотря на ночную мглу мне отчетливо было видно его бледное лицо, которое светлым пятном выделалось на черном фоне. Посреди лба темнел чёрным отверстием «третий

глаз», из которого вытекала струйка крови.

Пора валить!

Всё! Кина не будет – кинщик сдох!

Я поднял с земли ветку с рогатиной на конце, которая валялась рядышком и попробовал подгрести к себе пачку десятирублевки. Мысль о том, чтобы вступить в неравный бой с вооруженным пистолетом блондином даже не рассматривалась. На фиг надо! И так дурень жадный, вляпался в фиг знает что. Мне и этой тысячи за глаза хватит, сейчас важнее уйти отсюда тихо и незаметно.

Пачка денежных банкнот застряла между жестких стеблей осоки и никак не подавалась моим усилиям. Я тыкал палкой туда-сюда, но все безрезультатно – рыжая стопка червонцев, перетянутая бумажной лентой, крест-накрест сидела намертво в пучке жесткой болотной травы.

Блондин ходил по поляне и собирал разлетевшиеся деньги, в мою сторону он пока не смотрел, большая часть денег рассыпалась непосредственно на месте схватки.

Может ну её, эту тысячу, все-таки собственная жизнь дороже, чем стопка червонцев. Не дай бог сейчас вооруженный пистолетом блондин полезет кусты обшаривать - наткнётся на меня и насверлит во мне лишних дырок.

Нет, уж, извольте, я заберу этот косарь!

Я мать его так, его уже мысленно потратил. Он мой, я без него отсюда не уйду!

Ткнул палкой сильнее, но сделал только хуже – пачка ото-

двинулась дальше от меня, а стебли осоки заколыхались и привлекли внимание блондина.

- Вас ис дас?! – удивленно пробурчал блондин и шагнул в мою сторону.

Твою мать!

Спалился!

Спалился фраер жадный! Ну какого буя я сюда приперся?! На кой чёрт меня сюда нелегкая принесла? Деньжат захотелось срубить, ща тебя блондинчик из своего пестика и пристрелит.

Модный пижон сунулся в кусты с пистолетом наизготовку, я, выставив ветку перед собой рванул ему навстречу сильно оттолкнувшись обеими ногами от земли. Грохнул выстрел - пуля просвистела совсем близко, обдав струей горячего воздуха шею. Ветка ткнулась противнику в лицо, удачно угодив в глаза. Блондин отшатнулся, инстинктивно скидывая свои руки к лицу, я метнулся следом и перехватив руку с пистолетом, вывернул ее вниз попутно нажимая на палец парня, который был как раз на спусковом крючке.

Пистолет сухо треснул два раза, его ствол в этот момент был почти вплотную прижат к правому боку блондина - обе пули пробили печень, застряв где-то в потрохах модного пижона. Парень дернулся всем телом, испуганно и удивленно вскрикнул округлив от изумления глаза тараща их на меня.

- Мутта...мутта.., - успел что-то непонятное прошептать блондин валясь на землю.

Белая водолазка блондина и светлые, вареные джинсы чернели на глазах пропитываясь кровью из обильно вытекающей раны.

- Согласен братан, - придерживая обмякшее тело, прошипел я, - мутотень еще та! Ты полежи пока, а мне валить надо отсюда.

Две пули в печень – это верная и очень быстрая смерть. Уж я-то на войне подобного много насмотрелся. Сквозонет вражеская пуля или осколок в неприкрытый плитами бок, как раз там, где фиксирующие «грудь» и «спину» липучки бронезилета – и все привет! За считанные секунды «трехсотый» вытекает в «двухсотого», хрен такую рану затампонируешь или успеешь вынести из «красной зоны».

Присел на землю, огляделся.

Пистолет?!

Пистолет небольшой, хваткий. А, так это же «Беретта»! Тот самый ствол, что был у Семен Семеныча Горбункова в знаменитом кинохите «Бриллиантовая рука».

Руки сами собой потянулись к валявшемуся рядом с мертвецом оружию, но я волевым усилием заставил себя их одёрнуть. Как бы не хотелось забрать пистолет себе – этого категорически делать нельзя. «Беретта» должна остаться здесь, тогда у следователей не возникнет никаких лишних вопросов: между блондином и Спицей произошла драка, в ходе которой блондин получил две пули в бочину, но перед смертью успел застрелить Николая Спицына. Два преступника –

два трупа, один другого застрелил, а потом истек кровью и никого третьего здесь не было.

Сумка с деньгами!

Сумку я трогать руками не стал, лишь отодвинув палкой край заглянув внутрь. Много-много денег. Пачки с червонцами, полтинниками, сотками и четвертаками. Рублей, трешек и пятерок не видать.

Впервые вживую вижу банкноту номиналом в 100 рублей. В детстве и юности такие в глаза живьем не попадались, как-то не было среди моих знакомых богачеев, чтобы они могли похвастать «соткой» в кармане. Это уже потом в начале 90-ых и дальше, когда началась лютая инфляция и девальвация, «сотки» были как фантики. В 1996 году на сто рублей можно было купить один коробок спичек, но вот в начале 80-ых, сто рублей – для многих это огромная сумма: стипендия в вузе — 40 рублей, пенсия — около 70 рублей, ставка начинающего врача — 110–120 рублей. То есть одна купюра — это месяц жизни взрослого человека. А мне видно минимум шесть пачек, набитых банкнотами по сто рублей каждая, то есть в такой пачке – 10000 рублей, а еще есть пачки с полтинниками, четвертаками, червонцами. Сколько же в этой сумке всего денег? Тысяч сто или около того! Просто космическая сумма!

Сто тысяч рублей в 1980 году – это если сравнивать по цене на спички: 1 копейка против 5-7 рублей за коробок в 2024 году, выходит не меньше пятидесяти миллионов российских

рублей. Ё-моё! Мне же до конца жизни, а точнее до начала 90-ых за глаза хватит!

Откуда столько денег у блондина? Кто он такой, что может себе позволить носить с собой такие огромные суммы денег? Кто?! Эх, взять бы его живым, уволочь в лесок да расспросить с пристрастием!

Взять бы эту сумку да рвануть с ней куда глаза глядят, уж с такими деньжищами точно не пропадешь, везде устроиться можно...но сумку я трогать не стал, подобрал с земли две пачки червонцев и внимательно глядя себе под ноги чтобы не вступить в грязь и не оставить после себя следов, низко пригнувшись пошел прочь.

Начал накрапывать мелкий дождик.

Самая воровская погодка – дождь смывает следы и служебные собаки не возьмут след. Я уходил с заросшего осокой берега очень быстро, старательно не оглядываясь назад. И не потому, что боялся, нет, кого здесь бояться? Блондин и Спица мертвы, а покойники как известно не кусаются. Я спешил покинуть берег озера, потому что боялся, что сорвусь и заберу сумку с деньгами.

Жадность!

Жадность сгубила очень много народу. Я сам за решетку попадал чаще всего из-за этой самой жадности, потому что вовремя не мог остановиться и продолжал грести под себя чужое добро.

Ту пачку, что никак не мог выцарапать веткой из куста

осоки трогать не стал, пусть здесь остаётся, будет для следяков лишняя работа...опять же, вдруг её менты не найдут во время осмотра места преступления, а я наведаюсь сюда через недельку и осмотрюсь тщательно, авось она меня дождётся, а не дождётся, тоже не страшно, мне и двух тысяч за глаза хватит в качестве стартового капитала.

А ведь в сумке денег намного больше этих жалких двух тысконок, что сейчас зажаты в моей правой руке. На две тысячи даже машину не купить...

Я сбился с шага, замешкался на секунду борясь с очень сильным желанием повернуть назад. Сто тысяч! Сто!!! Какие могут быть к черту сомнения? Хватай сумку, прыгай в «Ниву» и кати пока бензин не закончится, а дальше весь мир перед тобой будет открыт – вещал мне бес на левом плече...

Сбросил с себя сиюминутное оцепенение, посла всех бесов-провокаторов к черту и вновь продолжил идти прочь от сумки, набитой деньгами которая так и манила к себе, провоцируя мой стяжательский грешок.

Надо вернуться и забрать деньги. Надо!

Но я лишь сильнее стискивал зубы и упорно шел прочь от этой чертовой сумки денег.

По пути подобрал свою рубаху и портмоне Ячменя, спрятанное под кустом. В портмоне засунул обе пачки червонцев – их надо будет припрятать на время, а потом еще и хорошенько состарить, а то купюры в пачке все как на подбор – новенькие и хрустящие, будто бы только с печатного станка

фабрики Гознака.

Двигался как робот, просто шел и монотонно передвигал ногами особо не разбирая дороги, лишь стараясь не сойти с верной тропинки и не наступить ногами в грязь, оставив после себя следы. Моё тело шло по лесной тропке, а разум остался там на поляне в обнимку с сумкой, набитой пачками денег. Эх, как бы тут с ума не сойти, а то ведь мозг может не выдержать этого жуткого раздрая, когда большая часть сознания буквально орёт - Возвращайся! Возвращайся назад и забери эту чертову сумку с баблом! О ней никто не знает! Она твоя! Забери её придурок и живи в своё удовольствие!

Но я упорно шел, борясь с самим собой. Сто тысяч рублей! Можно купить «жигуль», а лучше «волгу», можно «трешку» взять в кооперативе, а лучше дом у моря построить, где-нибудь в Сочи и еще останется столько, что лет на десять безбедной, сытой жизни хватит.

Возвращайся придурок и забери бабло, такой шанс второй раз не выпадет – продолжал истошно визжать внутренний голос...но я упорно шел вперед и не сворачивал назад.

На хрен ту сытую жизнь! Одну я уже прожил, ничем хорошим она не закончилась - сдох безродной собакой на поле брани в обнимку с автоматом.

Прошел лесополку насквозь, срезал через поля, вышел к очередной лесополосе. Закопал портмоне под корнем приметного дерева с раздвоенным стволом.

Всё! Теперь надо как можно быстрее добраться до Крас-

новки, забрать у Пеньковой свой портфель и чухать во все лопатки домой к деду, а то старик точно волнуется и места себе не находит. Ох и задаст же он мне жару, когда домой вернусь весь оборванный и грязный. Таких мне люлей ввалит, что мама не горюй...

Как только избавился от портмоне с деньгами и покинул переделы лесополосы, выйдя на открытое пространство недавно скошенного поля, тут меня и накрыло откатом. Сплющило так, будто бы сверху придавило многотонной железобетонной плитой перекрытия. Нет, чтобы там не говорили всякие святоши-бессеребряники, а бабло на кармане придает сил. Пока мозг активно занят сладкими мечтами о возможных перспективах шикарной жизни искалеченному телу вроде как легче существовать, а как денег при себе не стало, тут и навалились все проблемы скопом, да так мощно, что чудом не расплющили. Это как с огнестрельным оружием – оно всегда придает уверенности, даже если практического толку от него в данный момент нет, но лучше иметь калаш в руках чем быть без него.

От усталости уселся на грязную дорогу, петлявшую среди полей, мелкий дождик сыпал с неба, было жутко холодно. Меня знобило, щека распанаханная разбитой чернильницей горела огнем, в голове опять начал греметь набат, а ноги, черт их дери, никак не желали слушаться. Всё, кажись отбегался!

В этот момент меня окончательно отпустила эта чертова

сумка с деньгами. Перегорел! Хрен по ней большой и толстый! Ну вот сдохну я сейчас и что мне легче будет подышать имея под руками сто тысяч новеньких, хрустящих и таких приятных на ощупь советских рублей? Нет, не легче... хотя, если бы сумка была при мне, то скорее всего, я бы не размяк, а продолжил бы шагать вперед.

Мысль об оставленной на берегу озера громадной сумме денег уже так сильно не волновала и не будоражила меня как совсем недавно. Ну оставил и оставил, черт по ней! Воровать – так королеву, проебать – так миллион!

Ладно, чего сидеть-рассиживаться, надо топать до дому. С трудом поднялся на ноги и тут же плюхнулся обратно на землю – в конце поля ночную тьму разорвал свет фар. Причем фара была одна, да и слышанный треск мотоциклетного движка говорил о том, что в мою сторону катит мотоциклист.

Затравленно завертел головой в поисках укрытия, обнаружил метрах в двадцати небольшую груду разбросанной соломы, опроретью метнулся к ней. Откуда только силы взялись?! Распластался на земле, кое-как накидал на себя перепревшей соломы, которая воняла гнилью и сыростью. Затих неподвижно, моля всем богам чтобы мотоциклист меня не заметил.

Спустя пару минут луч света мазнул по мне – видать мотоцикл зашел в очередной поворот, но треск движка не стих лишь монотонно протарахтел и скрылся за очередным пово-

ротом. Я подскочил на карачки и посмотрел вслед мотоцик-
лу.

Жаров!

Фигуру нашего сельского участкового, который отвечал за Красновку и еще несколько деревень я срисовал сразу. Точно Жаров! И мотоцикл его – «Урал» с коляской. Куда это он покатил ночью, да еще и в дождь? Хотя чего я спрашиваю, понятное же дело, что на Гнилое озеро и покатил. Значит Мартын и Ячмень уже сдались. Скорее всего, Жаров решил взять Спицу и неизвестного фраера с поличным, а именно передаче денег в счет уплаты за устроенный в прошлом году на птицефабрике погром. Вот Михаил Иванович удивится, когда вместо мелкого барыги, которого думаю он ожидает застать в компании с Коляном он обнаружит два трупа, новенькую «Ниву», пистолет и полную сумку денег. Ох и шум поднимется в районе! Сразу налетят следователи, опера, эксперты-криминалисты, начальство из области прикатит. Главное, чтобы меня к этому никак не привязали, а то мигом небо с овчинку покажется.

Надо срочно придумать, где я был после того, как расстался с Пеньковой. Что все это время делал? Впрочем, чего тут думать, скажу, что стало плохо, долго шел не разбирая дороги, потерял сознание, а очнулся уже утром на полпути к Жмыхам, потому что ноги сами собой меня вели домой. Так всю ночь в отрубе и провалялся.

Точно!

Ничего не помню, шел, споткнулся, очнулся - гипс!

На словах все складно выходило, но на практике, как обычно это и бывает, задуманное пошло через то самое место, которым люди срут.

Я заблудился! Причем не в дремучем лесу, а в чистом, пусть и ночном поле. Луна не небе не светит, торчит где-то там высокого за тучами, лява такая, а я тут блуждаю в темноте, как слепой крот.

Я ведь как рассудил – участковый прикатит к Гнилому озеру, охренеет от увиденного и сразу же рванет во все лопатки обратно в Красновку чтобы по телефону вызвать наряд из райцентра. Ну и чтобы не попасться ему на глаза я и решил чесануть не по дороге, а через поля. Сперва вроде шел нормально, держа примерные ориентиры, а потом то ли просто начал кругалю давать, то ли хрен его знает, в общем шел, шел ...и не понял куда пришел. Внезапно возникла лесополка, которой тут не должно было быть, потом какой-то широкий ручей образовался, который мне пришлось переходить по колено в воде, потом я ногу подвернул, потом оказалось, что левый сандаля куда-то пропал, я пошел его искать, не нашел, лишь совсем сбился с пути, потеряв всякое направление движения...

Дождь пошел сильнее и стало мне совсем грустно. Наткнулся на пару небольших стожков, неведомо кем здесь наметанных, залез в один из них поглубже, зарылся в сене и тут же уснул мертвым сном.

Глава 9

Спал я как убитый, снилось что-то нехорошее, вязкое и липкое. То ли какие фашисты в черной форме войск СС, то ли сотрудники почты России долго ловили меня, потом мучали на допросах, выпрашивая куда я дел сумку с деньгами и почему не хочу оформлять подписку на журнал «Костер». Проснулся от жуткого сушняка во рту. Сушило так будто бы вчера беспробудно бухал весь день, закусывая жутко соленой сухой таранью. Еле разлепил опухшие губы, чтобы отдышаться.

Кое-как выполз из стожка сена...

Ух, ты ж мать моя женщина, отец мой мужчина!

Это сколько же времени я провалялся в стоге сена?!

Солнце было высоко в зените и по ощущениям было уже полдень, а может и после него. Часов двенадцать продрых, никак не меньше.

Чувствовал я себя хреново, как раз тот случай, когда вчера чуть не сдох, а сегодня думаешь, что лучше бы вчера лапты склеил. Во рту такой сушняк, что кажется будто бы глотка набита мелкотолченым стеклом. Голова огнем горит, нос заложен, еще и дышать трудно – все признаки простуды.

Огляделся. Оказалось, что провел ночь в стогу, который торчал возле узкоколейного железнодорожного полотна. Где я оказался, вот сразу определить не мог. Вокруг поля, лесо-

посадки, грунтовая дорога вдоль «зеленки» и узкоколейка. В нашем районе, если мне не изменяет память была только одна ветка узкоколейной железной дороги, которая вела от карьера, где добывали глину в сторону железнодорожной станции Красновки.

Куда идти? Налево или направо? Мне бы в Красновку, а не к карьере. Попробовал сориентироваться по солнцу и сторонам света, понял, что нужно идти вправо. По шпалам я и зашагал в ту сторону, тем более, чтобы солнце весьма удачно било в спину. Пригревала звезда по имени Солнце – будь здоров, аж потом всего пробило несмотря на рубаху, расстёгнутую до пупа. Или это я все-таки простыл.

Через километр неспешной ходьбы вышел к повороту, из-за которого была видна окраина Красновки. Сил прибавилось, и я зашагал шустрее шлёпая босыми ногами по чёрным от мазута старым шпалам. Одну сандаля потерял блуждая ночью, вторую держал в руке и беспечно мотылял ей в так своим шагам. В голове крутились мысли о недавних ночных событиях.

Может надо было все-таки забрать эту сумку с деньгами? Закопал бы её в лесу на пару годков. Как стукнуло бы 16 лет и получил бы паспорт, выкопал бы сумку и поехал бы себе спокойно в Москву жить в своё удовольствие.

Правда я себя знаю – я тот ее гуляка и кутила, фиг бы продержался два года, сорвался бы – выгреб сумку из земли, рванул бы в областной центр и купил бы себе у фарцов-

щиков джинсы, кожаную куртку, магнитофон, кроссы, чёрной икры, виски, снял бы какую-нибудь лярву, а лучше сразу трех и кутил бы с ними до упаду, а потом меня бы повязали мусора, по номерам купюр поняли откуда они появились и пристегнули бы ко мне еще два трупа обнаруженные на озере... и поехал бы Вовка Поляк на кичу, хотя нет, за два трупа точно бы дали вышак – поставили к стенке, предварительно намазав лоб зеленкой.

Так что хорошо, что не взял эту чертову сумку... впрочем, можно было взять хотя бы одну пачку сторублевок ...

Стоп! Хватит, нельзя было лишнего брать!

Вот же бес алчный прицепился, опять завел свою пластинку про сумку с деньгами...

Откуда вообще появился этот кекс с сумкой полной бабла, да еще и все купюры, что я видел новенькие в банковских упаковках. Такую сумму обычный человек никак не мог получить легально в сберкассе. Разве, что только представитель какого-нибудь предприятия или колхоза по расписке для нужд организации, где он работает. А может блондинистой пижон – бухгалтер крупного предприятия! Нет, он на бухгалтера так же похож как я на балерину, а вот на удачливого вора или афериста очень даже похож.

Откуда могла появиться такая большая сумма денег? Загибайте пальцы, я вам сейчас накидаю вариантов:

Блондин ограбил какое-то крупное предприятия в день выдачи зарплаты. Думаете это сложная и трудновыполни-

мая задача? Трудно, но вполне выполнимо. Это вооружённых «Наганами» теток-инкассаторов трудно в одиночку безоружным грабить, а вот кассиршу зажать в её будке и забрать большую часть наличности, особенно если провести предварительно подготовительную работу – это выполнимая задача даже для одиночки.

В Ростове-на-Дону в семидесятые была банда фантомасов, так они пять лет инкассаторов бомбила, никак менты их взять не могли – удачливые воры были...а все равно в итоге к стенке поставили и лоб зеленкой намазали.

В денежных пачках было много сотенных купюр – а «сотками» редко выдают зарплату...значит, что? Значит загибаем второй палец – блондин мог получить эти деньги мошенническим путем, провернув какую-нибудь аферу. Например, выступив посредником в сделки купли-продажи между двумя хозяйствующими собственниками. Допустим колхоз захотел купить для своих нужд десятков тракторов или комбайнов, но председатель колхоза решил ускорить процесс и «зарядил» посредника с наличкой, чтобы уломать директора машиностроительного завода, продать трактора поперек очереди, а посредник взял бабки и сбежал.

Думаете такого не могло быть? Еще как могло! На дворе 1980 год, банковских карт – нет, безналичные переводы конечно же есть, но все равно всем до сих пор правит наличка.

А ведь есть еще бригады шабашников, которые колесят по Союзу и выполняют различные строительные работы для

колхозов, совхозов и прочих организаций по договору подряда за наличный расчет. Поэтому загибаем третий палец – блондин вполне мог быть старшим в бригаде-шабашников, которому выдали денег на закупку инструмента и зарплату для работяг.

Опять же, давайте загнем четвертый палец – блондин мог «хлопнуть» кого-то «на северах» где полным-полно вахтовиков и где за сезон можно длинным северным рублем зарабатывать по тысячи рублей в месяц, а то и больше. Рабочий сезон – четыре месяца, один вахтовик поднимает за сезон – пять тысяч, двадцать таких работяг – как раз сто тысяч и выходит.

Так что откуда взялась сумка с деньгами я предположить могу. Но вот какое отношение к блондину с сумкой полной денег и пистолетом могли иметь братья Спицыны – я черт возьми никак понять не могу. Даже если не принимать в расчет сумку с деньгами. Какие общие дела могли быть у богатого упакованного городского пижона с золотыми котлами на запястье и двумя деревенскими дурачками: Мишке и Коляне Спицине.

И тут меня осенило: а что я вообще знаю о семействе Спицыных?

Спицыны живут в Красновке, дом на окраине, промышленяют подработками и мёдом, который сдают на станции через тамошних бабок или в область на рынок возят. В семействе два старших брата: Игнат Степанович Спицын и Егор

Степанович Спицын - отец двух сыновей: Николая и Михаила. Оба старших Спицыны в прошлом сидели – пальцы и кисти рук в лагерных портахках. Но вот за что они «срока мотали» - тайна за семью печатями.

Постоянных женщин в доме у Спицыных нет, изредка появляются какие-то марухи, но откуда берутся и куда потом деваются неизвестно. В Красновке к ним относятся прохладно, как к пришлым, а где жили Спицыны до Красновки никто не знает. Кстати, мой дед, мне прямо так и говорил, тебе, мол Вовка, как внуку фронтовика, не хрен со Спицынами знаться. А на все расспросы из-за чего к ним такое пренебрежение дед лишь глухо ворчал да матерился, не давая никакой конкретики.

Кстати, я тут подумал, а ведь в старой жизни, я в сентябре 1980 года чалился в СИЗО, а значит никак не мог сцепиться с Коляном, а модный пижон с сумкой денег судя по подслушанному разговору тогда точно уже был в кругу знакомцев семейства Спицыных. Значит в той, старой жизни Мишка Спицын, выйдя из тюрьмы все-таки получил свою долю денег из этой сумки. А за какие такие делишки Михе предназначалась доля? Что он такого сделал? На зоне какого-то прикрыл? Или до залета на нары смог поучаствовать в какой-то делюге? Не понятно...

В памяти всплыл еще один момент из прошлого, а точнее из пока еще не состоявшегося будущего – в середине 90-ых когда я вернулся родную Верхнекамку впервые после 1984

года, то среди прочих новостей, связанных с родными, узнал, что Коля Спицын вместе с отцом, братом и дядькой еще в начале 90-ых эмигрировали в Канаду. Помню тогда еще удивлялся: где деревенское дурачье Спицыны и где Канада? И самое главное – на какие шиши они туда переехали? А вот теперь мне известно на какие шиши – сумка, полня денег так и стоит перед глазами.

Откуда же все-таки взялся этот блондин в модном прикиде, пусть земля ему будет стекловатой? И что его связывало с Мишей и Николаем Спицыными? Получается, что к семейству Спицыных много вопросов, но мне ответы интересны только из юношеского любопытства и не более того. Колян – мертв, Михаил – в тюрьме, а со старшими Спицыными я отродясь лично не общался. Так что к бесу все их тайны.

У меня впереди много других более важных для меня забот. Теперь у меня есть две тысяч рублей, а это очень неплохой стартовый капитал для начала новой жизни. Есть у меня кое-какие задумки, которые помогут мне не только превратить две тысячи советских рублей в гораздо большую сумму, но и обзавестись очень важными и полезными знакомствами на будущее.

Теперь о тревожном...

Могут ли меня связать с мертвыми телами на берегу Гнилого озера? Вот так с первого взгляда – вроде нет, тем более что на берегу остались два трупа: жертва и убийца, а я, уходя оттуда не должен был наследить. Да и зачем искать какого-то

третьего если и так все очевидно: убийца, жертва и орудие преступления – всё осталось на месте...

Подходя к Ж/Д станции Красновки я заметил много людей на железнодорожном перроне. Странно, чего они там все собрались? А потом меня внезапно осенило – сейчас должен быть московский поезд. Стоянка – три минуты.

Вдалеке появилась зелено-красная морда локомотива, тащившего за собой состав с пассажирскими вагонами. Если мне не изменяет память, а она мне не изменяет, то прибытие московского поезда в 14:10, опрвление в 14:13.

Стоп! Как же я мог забыть?!

Игорь Демченко со своей мамкой должен на этом поезде навсегда уезжать в Москву! Вот чёрт, как же я мог забыть! Я же обещал, что приду его проводить!

Рванул вперед как заправский спринтер, но долго удержать заданный темп не смог. Во-первых, бежать босым по шпалам щедро усыпанным гравием – весьма неприятно, а местами даже до крови больно, а во-вторых, недавний сотряс давал о себе знать – перед глазами поплыли радужные круги и сильно затошнило. Перешел с бега на скорый шаг.

Поезд медленно подкатывал к перрону. А мне еще метров двести до указателя, где обычно останавливается локомотив поезда. Никак не успею! Обидно, черт его дери!

Заскочил на бетонную платформу, которая дальше переходила в перрон станции, углядел стоявший у ограждения велосипед «Украина», повертел головой в поисках хозяина.

Возле релейного ящика торчал высокий дядька в форменной спецовке железнодорожника и замызганной фуражке.

- Дядь! Твоя лайба? – крикнул я электромонтеру.

- Да, а что? – крикнул тот в ответ, брезгливо рассматривая меня.

Ну еще бы видок у меня тот еще: грязный, босоногий оборванец с заплывшей от синяков рожей.

- Дядь, я возьму на время, ща друга провожу и обратно велик прикачу. Мамой клянусь!

- Чего?! А ну пошел отсюда! – злобно рявкнул на меня железнодорожник, замахнувшись какой-то проволочной ко-чергой.

- Дядь, гляди, - не унимался я, настаивая на своём, - вот три рубля, кладу их под свою сандаля, - я вытащил из карма-на смятую трешку, придавил её сандалией, - три рубля – это плата за пятнадцать минут аренды велосипеда. Пять минут - туда, три минут там и пять минут - обратно. Засекай время, я мигом, если задержусь, то еще рубль тебе накину! – крик-нул я, вскакивая на узкой велосипедное кресло.

- Куда?! – взревел железнодорожник, бросаясь вслед за мной. – А ну стой засранец! Я ж тебе все уши оборву!

- Жди дядь, я скоро! – не оборачиваясь крикнул я, сильнее нажимая на педали.

Велосипед с непривычки сперва вилял, как политический курс УССР после 1991 года, но потом мое тело вспомнило как оно ездить на велосипеде, и «Украина» пошла ровнее. А

ведь я на велике хрен сколько десятилетий уже не гонял. А сейчас, гля, нормально еду!

Двести метров проскочил на считанные секунды, так разогнался, что пришлось криком орать, чтобы под колеса зеваки не попались, вслед мне неслась ругань и проклятья, но я не останавливался и гнал велосипед вперед, заметив Игоря, его маму и несколько своих одноклассников, которые видимо пришли проводить Демченко в дальнюю дорогу.

Подкатил напрямик к вагону и лихо, с протяжным скрипом лысых покрышек по асфальту остановил велосипед.

- Поляк!!! Живой?! – разом ахнули Светлова и её вечный хвостик Краснова.

- А каким мне еще быть? – недоуменно пожал я плечами, только сейчас заметив какими глазами на меня смотрят присутствующие.

На перроне помимо Игоря и его мамы были еще Наташа Светлова, Вера Краснова, Сеня Смирнов и Кирилл Брюхин. Все смотрели на меня с таким изумлением, что я даже оглянулся назад, думая, что меня нагнал хозяин велосипеда.

Неожиданно я ощутил себя центром всеобщего внимания, будто бы даже людской гомон на платформе поутих и повисла тишина. Многие из тех, кто был в этот момент у поезда глядели на меня: кто-то удивленно, кто-то растерянно, а некоторые так и вовсе так будто бы увидали приведение.

Явление Христа народу в натуральном виде. Одна из знакомых бабок, которым мой дед сдавал рыбу мелькнула в тол-

пе и тут же куда-то засемила прочь с перрона.

- Я же говорил, что Поляка точно не могли убить, он сам кого хочешь убьет, - как всегда флегматично произнес вечно сонный толстяк Кирюха Брюхин.

- Поляков ты где был?! – первой в себя пришла Анна Марковна. – И почему ты в таком виде? Что у тебя с лицом? Где твоя обувь? Тебе надо срочно в больницу!

- Анна Марковна долго рассказывать, вам садиться пора, а то не успеете, - ушел я от ответов на трудные вопросы.

- Действительно, - спохватилась наша бывшая классуха, - дети давайте прощаться. Мы как с Игорьком устроимся, я вам тут же напишу, и вы сразу пишете мне ответ. Мы с Игорем будем с нетерпением ждать ваших писем.

Девчонки тут же полезли обниматься с Анной Марковной, а Игорян ухватив меня за руку оттащил в сторонку.

- Поляк не спрашиваю, где ты пропадал, - скороговоркой зачастил Игорь, - наш уговор на счет Афгана в силе? Вместе в армию идем?

- Уговор в силе, - кивнул я, - а как насчет остального? – кивнул я в сторону мамки Игоря, которая от избытка чувств всплакнула. Светлова и Краснова тоже пустили слезу. – Мать ты как одну оставишь?

- Я ей кого-нибудь найду, одна не останется, - отмахнулся Игорь, - главное ты не слейся.

- Я не сольюсь, - самоуверенно кивнул я, - но как нам с тобой в одну команду попасть. Тебя будут призывать в Москве,

а меня у нас в райцентре. Раскидает по всей стране, даже если оба попадем в Афган, то не факт, что окажемся в одной части.

- Точняк! – хлопнул меня по плечу друг. – Надо думать.

- Давай я к тебе в Москву приеду, вы меня пропишите у себя и тогда мы вместе из Москвы будем призываться, - предложил я, - ну или ты к нам в деревню возвращайся, я тебя у нас пропишу.

- Нет, - тут же отрицательно замотал головой Игорян, - однозначно ты к нам приедешь, всем скажем, что в один ВУЗ поступать задумали, а как не поступим, то понятное дело, что одна дорога – в армию!

- Давай так, - кивнул я, понимая, что прописка в Москве стоит того, чтобы в армии два года отслужить.

- Только ты физру подтяни, чтобы от меня не отставать. Хочу в десантники попасть.

- Лады, - кивнул я.

- Ты чего босой и кто морду так тебе разбил?

- Долго рассказывать, - отмахнулся я, - иди лучше Светловой что-нибудь на прощанье пообещай, а то вон как она злобно зыркает на меня.

Игорь усмехнулся и подошел к Наташке, а меня тут же взяли в оборот Брюхин и Смирнов, который уже помогли Анне Марковне занести чемоданы в поезд и выскочили наружу.

- Поляк ты где был? Тебя все утро искали. Волчица оба

восьмых класса организовала на твои поиски. Мы тут не только Демченков провожаем, но еще и район железнодорожной станции осматриваем – тебя ищем. Твои родики с ног сбились, дед на телеге все окрестности объехал. Участковый рвет и мечет, Пенькову сто раз уже опрашивали. В Красновку милиционеры со всего районе съехались, даже собаку служебную привезли. Ты зачем Спицу застрелил? – огорошил меня Сеня.

- Как же он мог Спицу застрелить, - меланхолично заметил Кирилл, - если его все считали мертвым?

- Как же он мог быть мертвым если его тела не нашли, - тут же нашелся Смирнов. – Поляк мог Спицу застрелить, а тот его ножом пырнул в ответ, вот Вовка и ушел, истекая кровью, но далеко уйти не смог и умер от большой кровопотери.

- Вы чего несете?! – чуть ли не в голос заорал я.

В голове был полный сумбур. Что они несут? Каким я боком к смерти Спицы? Там ведь все понятно было: два трупа, у обоих огнестрельные раны, пистолет рядом с телами. Я здесь причем?! Или что-то пошло не так и меня кто-то видел. А может блондин выжил и рассказал свою версию произошедшего свалив смерть Коляна на меня?

- Толком объясните, что произошло? Кто сказал, что я убил Спицу?

- А так значит факт смерти Спицына тебя не удивляет! – тут же хищно наставил на меня палец Смирнов. – Ты не выглядишь удивленным и как будто уже знал об этом!

Твою мать! Спалился! Вот так и палишься на сущих мелочах. А Смирнов у нас любитель детективов, он вечно со всякими подходами к окружающим, всё себя Пинкертоном и Холмсом мнит. Вроде бы в ментовку после армии хочет идти работать.

От ответа на каверзный вопрос меня спас Игорь, который высунулся из окна поезда и крикнул мне:

- Поляк! Держи! Подарок тебе!

Игорь кинул на асфальт газетный сверток, который от падения раскрылся и внутри оказались новенькие кеды красного цвета с круглой эмблемой на боку.

- «Два мяча», фирма! – завистливо протянул Смирнов.

- Китай, - уважительно цокнул Брюхо, - сносу таким нет, да еще и цвет редкий. Повезло! Царский подарок.

- Зачем?! – удивленно ахнул я, прекрасно представляя цену такому подарку и дело было не в деньгах, уплаченных за дефицитные китайские кеды, а в трудностях по их добыче. Такие только из-под полы продавали, да еще и с жуткой переплатой. – Игорь не надо, - я подхватил кеды с асфальта и подняв над головой, хотел обратно закинуть в слегка приоткрытое окно поезда. – Забери!

- Не надо, это подарок, - Игорь прикрыл окно, чтобы я не мог закинуть кеды обратно, - от чистого сердца. Пишите письма, и я вам буду писать! Прощайте...

Поезд тронулся и медленно покотил вдоль перрона, а мы все вместе пошли ему вслед махая на ходу руками. Игорь и

его мама махали нам в ответ и у всех были слезы на глазах.

Хорошо, что я с Игорем помирился. Еще один грешок из прошлого закрыт! Так глядишь и правда новую жизнь начну.

Как только поезд набрал скорость и его последний вагон скрылся вдали, меня тут же обступили ребята и принялись засыпать вопросами, а Светлова и Краснову вцепились в мои руки.

- Поляков мы немедленно ведем тебя к участковому! – строго произнесла Наташка. – Не смей вырываться, так будет лучше в первую очередь для тебя. Сеня, Кирилл, - обратилась отличница к пацанам, - если Вова решит убежать вы должны его задержать. Его всем селом ищут, а он себе прохлаждается непонятно где! – возмущенно произнесла Наташка и посильнее сжала мою руку.

- Ребят я и не собирался вырываться, - улыбнулся я, - давайте вместе пойдем к участковому, но сперва надо заглянуть в медпункт, а то боюсь, как бы заражения крови не было, раны на лице воспалились и огнем горят.

- Точняк гангрена может быть, - солидно кивнул Смирнов, - по-любому надо сперва в медпункт.

- Нет, в начале к участковому! – твердо заявила Светлова.

- Наташа давай вы с Красновой меня отведете в медпункт, а Смирнов и Брюхин сбегают за участковым и скажут ему, что я в медпункте, - предложил я свой вариант. – Вот тебе кеды в залог, что я не убегу. Босым не сильно далеко убежишь.

Светлова взяла кеды, засунула их себе подмышку и задумчиво уставилась на меня. Ну, давай соглашайся! Если пацаны убегут за участковым, то от двух девчонок я уж как-нибудь и босым сумею улизнуть. Надо валить! Если меня связали с убийством Спицы, то ничем хорошим для меня это не закончится. Убегу отсюда, доберусь до заначки в лесополосе: деньги и паспорт Ячменя, который пусть и весьма отдалённо, но на меня похож дадут возможность скрыться в неизвестном для милиции направлении. А там как бог даст!

- Вера ты беги к участковому и доложи ему, что Полякова мы ведем в медпункт, а ребята на всякий случай пойдут со мной, - командирским и безапелляционным тоном заявила Светлова.

Но Вера Краснова не успела побежать к участковому, потому что совершенно неожиданно поблизости оказался железнодорожник в замызганной тужурке с проволочной коcherгой в руках который грозно замахнулся ей и угрожающе прорычал:

- Попался шельмец, сейчас я тебе все уши оборву за свой велосипед!

- Шухер! – тут же крикнул я. - В рассыпную!!!

Смирнов и Брюхин тут же бросились в разные стороны, девчонки немного затупили, но я ухватил их за руки и потащил прочь от кричавшего электромонтёра.

- Ходу! Ходу! – азартно кричал я, подгоняя бежавших за мной девочек.

- Поляк, кто это?! – крикнула Светлова, пытаясь высвободить свою руку из моего захвата.

- Конь в пальто! – огрызнулся я, мельком обернувшись на Наташку.

Этот мимолетный взгляд за спину стоил того, что я не углядел внезапно возникшую преграду на моем пути и с ходу в неё врезался. От удара я плюхнулся на задницу, а вместе со мной повалились и девчонки.

- Добегался! – победно произнес участковый Жаров, который и был той самой преградой.

- О, Михаил Иванович, - натянуто улыбнулся я, поднимаясь с растрескавшегося асфальта, - а мы как раз к вам бежали. Девочки говорят вы меня искали.

- Seriously, ко мне шли? – удивленно вскинул бровь участковый.

- Век воли не видать! - забожился я.

- Не в твоём положении такими клятвами разбрасываться, - грозно произнёс капитан Жаров.

Участковый был как никогда решительно и серьёзно настроен, мало того, я впервые увидел у него на поясе кобур с пистолетом внутри. Сколько раз до этого видел нашего «анискина» он никогда оружия не носил, да и зачем оно сельскому милиционеру.

- Девочки сходите в школу, сообщите директору, что по-иски можно сворачивать, - попросил Жаров девчонок.

- Михаил Иванович, но вы сперва отведите Полякова в

медпункт, надо срочно обработать его раны, чтобы не было заражения крови, - не попросила, а буквально приказала Светлова.

- Конечно, - усмехнулся Жаров, - не переживай так и сделай.

Участковый подтолкнул меня в спину, и я обреченно ползл прочь с платформы. Краем глаза увидел железнодорожника, который одновременно внимательно оглядывал свой велосипед и одновременно бросал злобные взгляды в нашу сторону. Подходить служака рельс и шпал к нам не стал, видимо и так сообразил, что ничем хорошим моя встреча с участковым для меня не закончится.

А у меня в голове только и билась одинокая мысль о том, где же я прокололся, что в убийстве Спицы обвиняют меня? Или никто меня в этом не обвиняет...

Глава 10

Несколько минут длилось томительное молчание. Участковый упорно молчал, я тоже старательно держал язык за зубами.

Зараза! Нервы мои выдерживает, мент погнанный! Знаю я ваше ментовское племя, все у вас не просто так. Ты ж гражданин начальник не просто так молчишь, ты ж меня до нужной кондиции доводишь, нервы мои треплешь, чтобы я сам себя по дороге накрутил и потом меня легче было под статью подвести. А вот на тебе выкуси, хрена лысого, ты Вовку Поляка на признанку раскрутишь!

- Знаешь, на чем ты прокололся? – первым нарушил молчание участковый.

- На чем? – опрометчиво спросил я, но тут же поспешно добавил. – Чтобы на чем-то проколоться, надо совершить что-то противоправное, а я чист перед законом как слеза младенца.

- Ни дихлофосе, - ответил Жаров проигнорировав мои слова.

- В смысле?

- Ты забрызгал дихлофосом домик на пасеке, чтобы выкурить оттуда Ячменя и Мартына. Пенькова запомнила, как ты после драки уходил с баллончиком дихлофоса в руках. Я проверил - вчера дихлофос в хозмаге покупали только ты и

баба Маша Ленева.

Твою мать! Точно баллончик с дихлофосом! Как же я мог про него забыть? Баллон с дихлофосом видела Пенькова, надо же было так опростоволосится. Вот ведь идиот!

Стоп...

А при чем здесь Ячмень с Мартыном и смерть Спицы?!

- Ну и что? – спокойно пожал я плечами. – Спица здесь каким боком? Мне пацаны сказали, что вы считаете, что Спицына убил я. Его что и правда убили?

- А-то ты не знаешь?

- Нет, не знаю, - отрицательно покачал я головой.

- Где ты эту ночь провел?

- В стоге сена, что возле узкоколейки ведущей на карьер стоит, примерно в километре от поворота к железнодорожной станции. Можете съездить туда проверить, там два небольших стожка, в одном я и ночевал.

- Почему там?

- Черт его знает, ночью заблукал в полях, когда совсем из сил выбился и от холода чуть дубу не дал, туда залез и уснул. Опять же у меня сотрясение мозга, тошнит сил нет.

- Так значит ты не опровергаешь тот факт, что напал на Дирюгина и Мартынова? – остановившись и внимательно посмотрев на меня, спросил участковый.

Дирюгин – это фамилия Ячменя, свою погремуху он получил за огромную бородавку под правым глазом, ну, а Мартынов – это понятно фамилия Мартына.

- Нет, не опровергаю, - кивнул я, но тут же добавил, - без протокола просто беседа с вами не опровергаю, а если под запись, то еще не определился со своими показаниями.

- Самый умный? – скептически хмыкнул участковый.

- Нет, не самый умный, просто хочу быть с вами честным, потому что уважаю вас Михаил Иванович, как человека справедливого и порядочного, - подлил я немного лести.

– А, что Спицына и правда убили? – вновь спросил я.

- А то ты сам не знаешь? – так же повторил свои слова Жаров.

- Мне пару минут назад об этом одноклассники сказали, - честно соврал я. – Спицына последний раз видел утром, когда ему по фарам зарядил, а когда меня вчера вечером метелили, то я особо не разглядел, кто дубинами махал.

- Вовик, а вот скажи мне на кой ляд ты мужику в парке «Железнодорожников» две недели назад на лбу слово «сука» выцарапал? – неожиданно спросил Жаров. Участковый смотрел на меня хитро и внимательно, при этом его пальцы твердо держали моё плечо – хрен вырвешься.

Влип! – промелькнуло в голове. Все-таки влип как кур в ошип. Зараза! Как же обидно! Бежать?! Рвануть куда глаза глядят, а там надеяться, что Жаров не догонит и не будет стрелять в спину. Или все-таки не бежать, а попытаться как-то эту неприятную ситуёвину распетлять на пальцах.

- Откуда узнали? – хмуро спросил я, зыряка исподлобья вокруг и прикидывая маршрут побега.

- Не вежливо отвечать вопросом на вопрос, - заметил участковый. – Ну, отвечай!

- Этот урод специально пацанов малолетних, вроде меня подставлял – предлагал ограбить ларек, а сам потом милицию вызывал. Пацаны - на малолетку, он вроде как не при делах. Ну и кто он после этого? Сука и есть!

- Ты ему сломал челюсть и сильно повредил коленные чашечки, а это нанесение тяжких телесных, а с учетом надписи на лбу – часть вторая. До десяти лет лишения свободы.

- Посадят - отсижу, - хмуро буркнул я, - но о содеянном я не жалею!

Сколько веревочки не виться, а конец все равно найдется. Вот так и про меня сейчас. Думал, что отмудохал тварь, которая малолеток подставляла и мне сразу где-то там на небесах старые грехи спишут, а вот хрена лысого. Наоборот, еще новых навесили до кучи. Так я в старой жизни два года за кражу получил, а в новой сразу «червонец» отгребу. Охренеть не встать списал старые долги! Идиот!

- Расскажи, что произошло в вагончике на пасеке и зачем ты туда полез? – Жаров подтолкнул меня в сторону беседки, которая торчала на заднем дворе сельского фельдшерского пункта. – Давай в сторонке обо всем спокойно поговорим.

- Зачем мне вам об этом рассказывать? Еще срока себе намотать в довесок к тому уроду в парке «Железнодорожников».

- Ну почему же, - грустно выдохнул Жаров, - может, на-

оборот скостишь себе срок. Рассказывай, как всё вчера было, только с самого начала, а я обещаю, что сделаю все, чтобы тебя не посадили.

- А то вам и так все не известно. Мартын с Ячменем ведь сами всё рассказали.

- Вот я и хочу сравнить ваши версии, а то может они мне набрехали.

- Стукачом меня заделать хотите?

- Вова – ты совсем дурак? Каким еще к черту стукачом?! – вспылил участковый. – Пока опера и следователи из района тебя не опросила я еще могу что-то сделать, а потом уже поздно будет.

- А как же мужик со станции, он ведь в любом случае на мне висит, - недоверчиво скривился я, уловив в словах Жарова намек на то, что могу выйти сухим из воды.

- Поглядим, - задумчиво протянул участковый, – рассказывай, как вчера всё было. Сказал же уже, что чем смогу, помогу.

Рассказать, как всё было или молчать как рыба об лед? Как быть? Очень и очень часто менты на допросе всё выворачивают так будто бы ведут просто разговоры за жизнь без всяких записей и протоколов, обещая помочь, скостить срок и так далее и тому подобное, а как вывернешь перед ними всю душу, подпишешь всё, что они подсунули тебе, так потом бедолага - будущий сиделец и понимает, что окончательное решение всегда принимает судья, а операм и следакам

им лишь бы материал собрать для суда.

- Вчера утром шел на первый звонок в школу, на улице ко мне прицепился Колян Спицын - сшибал на папиросы, - все-таки решился я рассказать свою версию вчерашних событий. - Я его послал, мы с ним сцепились, ну я ему по фарам засветил «козой» и сказал, что больше с его компашкой не имею ничего общего. А вечером, когда домой шел, они мне с Мартыном навалили – напали исподтишка и дубьем отоварили. Я в руках чернильницу держал, ну они и приняли её треск за хруст моего черепа, испугались, что убили и сбежали. Меня Лиза Пенькова нашла. Потом я пошел на пасеку, потому что был уверен, что они там, хотел им отомстить, сами понимаете – нельзя такое спускать. Подошел к будке на пасеке, а там Ячмень и Мартын разговаривают, из разговора я понял, что, во-первых, они в прошлом году птицефабрику обнесли, а во-вторых, что Спица с каким-то фраером общается где-то на Гнилом озере, тут я и подумал сделать ход конем, затравил будку дихлофосом, а потом слегка помял Ячменя и Мартына, представившись залетным фраером, запугал их, чтобы они шли к вам сдаваться и свалили всё на Спицу. По-моему, это был самый шикарный вариант надолго избавиться от Спицы, который бы от меня просто так не отстал.

- Дальше, что было?

- Ничего, - пожал я плечами, понимая, что наступает самый щекотливый момент рассказа, когда надо начинать упорно врать, - мне хреново было, но я понимал, что если

двину той же дорогой обратно в Красновку, то Ячмень и Мартын могут меня случайно нагнать и тогда быть беде, они-то думали, что меня убили. В общем, пошел я через поля, хотел обойти Красновку стороной, в итоге заблукал, потом дождь пошел, я сандаля потерял, ногу подвернул. Набрел на какой-то стог сена в него залез и уснул. Проснулся уже полдень, пошел по рельсам, вышел к железнодорожной станции, а тут московский поезд, на котором Игорь Демченко с мамкой в Москву уезжали, пошел их проводить. Ну, а тут вы! Всё, - закончил я, а потом чтобы смазать свой рассказ спросил у Жарова, - а правду говорят, что Спицу застрелили?

- Откуда знаешь?

- Смирнов сказал, что Спицу я застрелил, а Колян меня успел ножом пырнуть, но я скрылся с места преступления оставив после себя лужу крови.

- Сеня – юркий малец, - кротко хохотнул седоусый участковый, - чутка покрутился среди районных оперов, а вон чего успел выведать и подслушать. Далек пойдёт! Да, Спицына застрелили, а на месте преступления было еще одно кровавое пятно. А ты значит на Гнилое озеро не ходил? – Жаров буквально впился в меня взглядом.

- Нет, не ходил, - твердо и четко глядя ему прямо в глаза произнес я, - честное пионерское не ходил! Да и зачем мне это?

- Тоже, верно, - кивнул участковый.

- Михаил Иванович, а того, кто убил Спицу до сих пор

не нашли что ли? Если его Колян успел ножом пырнуть, да еще и лужа крови натекла, то он не должен был далеко уйти. Говорят, что из района даже собаку служебную привезли, неужто она след не взяла?

- Нет, не взяла, - отрицательно мотнул головой Жаров, - злоумышленник был на машине, на ней видимо и скрылся. Скорее всего он был не один, так что хорошо, что ты не пошел на Гнилое озеро, а то лежал бы сейчас рядом с Николаем Спицыным в морге.

- Да я и не собирался туда идти, - поспешно поддакнул я. – Это что ж за фраера такие у Спицына в знакомых были, что у них при себе огнестрельное оружие было?

Только в самый последний момент я успел спохватиться и не произнести слово – «пистолет». Ведь никто до сих пор при мне не произнес из какого вида оружия был застрелен Спица.

- Неизвестно, что это были за бандиты, но похоже, что люди серьезные, все улики на это указывают.

Меня так и подмывало спросить: хорошо ли обыскивали траву? смогли ли найти стреляные гильзы и деньги? был ли нож Спицы в крови или с чистым лезвием? Но конечно же я держал язык за зубами, потому что только одно лишнее слово, малейший намек на то, что я был на Гнилом озере и видел, как все произошло в реальности и мне тут же конец, гарантированно попаду в разряд подозреваемых, а там следки всю душу вынут из меня, но на тюремные нары гаран-

тированно приземлят.

У блондина был сообщник, который увез мертвое тело! А почему сообщник меня не остановил? Побоялся? Или скорее всего просто отошел в сторонку и пропустил самое интересное. Да, думаю так дело и было. Между выстрелами из пистолета в Спицу и моей скоротечной схваткой с блондином прошли считанные минуты. Если сообщник блондина был где-то поблизости, то он мог элементарно не заметить меня.

- Михаил Иванович, а как мне теперь быть с тем мужиком, ну которого я, ну того..., - замывшись и намеренно робким голосом спросил я.

- Забудь про него и никогда не вспоминай, - сказал, как отрезал участковый, - но помни, что его показания лежат в деле.

- А как вы вообще на меня вышли?

- Легко, - усмехнулся Жаров, - утром, когда начали тебя искать, мне твой дед все уши прожужжал как ты сильно изменился в последнее время, мол перестал хулиганить, взялся за ум и так далее. А изменился ты после того, как в начале августа ночь провел в городе на Ж/Д станции. Ну я с операми перекинулся парой слов, и они вспомнили, что ровно в тот день, когда ты ночевал на станции произошел у них интересный инцидент с газетным ларьком. А дальше сложить дважды два было не трудно, мститель хренов!

- Но вы меня городским не выдали? – с затаенной надеж-

дой спросил я.

- Нет, не выдал, - строго посмотрел на меня Жаров, - и не выдам, если ты меня не подведешь и будешь сотрудничать с милицией.

- В сексоты хотите записать?

- Нужен ты больно, - презрительно скривился Жаров, - толку с тебя в этом деле как козла молока. Нет, просто в свете последних событий я думаю ты можешь оказаться в центре внимания и мне крайне необходимо знать кто будет больше всего проявлять к тебе интерес из разряда тех, кому ты раньше был глубоко безразличен.

- Думаете среди местных у бандитов есть сообщники?

- Почти уверен в этом. Так что будем с тобой регулярно встречаться, тем более что ты стоишь на учете и это не вызовет подозрения. В мельчайших подробностях будешь мне все рассказывать: где был? с кем общался? появились ли новые друзья? Ну и внимательно гляди по сторонам, может кто-то будет слишком часто мелькать возле тебя. Не маленький сам понимаешь, могут за тобой следить. И еще - забудь про то, что ты Дирюгина и Мартынова дихлофосом травил. Не было такого! Потому что сам понимаешь – твои действия будут расценены, как нанесение телесных повреждений и издевательства. Запомни: как по башке получил от Мартынова и Спицына, то вопреки обещанию данному Пеньковой сразу же пошел домой к деду в Пыжы, но по дороге заплутал и оказался в том самого стог сена, где и проспал до сегодняшне-

го полудня. Так всем, включая родню знакомых и оперов из района и говори. Договорились?

- Да, - кивнул я, - а как же дихлофос и показания Лизы?

- Она про дихлофос потом уже вспомнила, в первоначальных её показаниях ничего про дихлофос не было, я с ней сам об этом поговорю. На днях загляну к тебе в школу и награжу грамотой за помощь милиции.

- Зачем? – удивился я.

- Чтобы простимулировать и заинтересовать возможных преступников. Ты – Вовка теперь не просто бывший хулиган, ты теперь наживка на более крупную рыбу. Никому об этом ни слова, язык держи за зубами. Если все удачно пройдет, то я с учета тебя сниму и дам самую хвалебную характеристику для училища.

- Спасибо! – искренне поблагодарил я участкового, понимая, что он ради меня сейчас идет на должностное преступление.

- Только давай без самодеятельности, - соорил серьезную мину участковый, - настоящая жизнь – это не кинокомедия «Бриллиантовая рука», тут простым переломом не отделаешься. Спицына убили хладнокровно и расчетливо.

- Товарищ участковый, а лично вам это зачем?

- Как зачем?! – удивленно нахмурил брови Жаров из-за чего его глаза превратились в узкие полоски. – Я участковый, это моя «земля», кто же если не я должен поймать злодеев. Ну не будут опера из района сюда каждый день ездить, сам

понимаешь. Ты мне сможешь найти убийц Спицына?

- Да! – твердо ответил я.

Вот так поворот. Вовка Поляк добровольно сотрудничает с ментами выступая в качестве наживки для поимки бандитов. Кому бы сказал из своих старых знакомых – хрен бы поверили. Впрочем, мне самому выгодно найти тех, кто утащил труп блондина с берега озера, потому что как ни крути, а пока они на свободе я в опасности.

- Деду тоже ничего говорить нельзя? - на всякий случай спросил я.

- Деду? – задумался Жаров. – С Петром я сам поговорю, обрисую ему так сказать картину маслом, он боец бывалый, все поймет. И еще, что хотел сказать, - перешел на шепот участковый, - Вова твои поступки, как с тем уродом, которому ты на лбу выцарапал нехорошее слово, с точки зрения норм морали и совести вполне оправданны, но с точки зрения советского уголовного кодекса – это тяжёлые преступления. Поэтому впредь давай без лишнего геройства, если увидишь какую-то несправедливость в жизни, то сообщи об этом мне, а не лезь вершить самосуд. Договорились?

- Да.

- Отлично, а теперь пошли сдаваться медикам, надо бы тебя хорошенько осмотреть, думаю у тебя сильное сотрясение мозга и побои средней тяжести.

- Вряд ли, - отрицательно мотнул я головой, - я хоть и чувствую себя неважно, но думаю это из-за того, что подцепил

простуду.

- Нет, Вовик, - хищно усмехнулся участковый, - надо чтобы у тебя был сильный сотряс, так что корчь из себя ушибленного на всю голову.

- Хотите моей заявой Ячменя с Мартыном прижать? – догадался я.

- Именно!

- Это не по понятиям.

- Вова, колхоз дело добровольное – хочешь вступай, не хочешь – к стенке. Либо Мартынов и Дирюгин на пару лет присядут, либо ты на зону отправишься. Третьего варианта не будет!

- А их явки с повинной за разгром птицефабрики разве мало?

- Мало, - раздраженно скривился участковый, - там все не так просто. Они изначально все валят на Спицына, а он в морге лежит. Или ты думаешь, что если они на свободе останутся, то тебе будет проще жить? Опять же про какие понятия ты тут рассуждаешь, тебе четырнадцать лет, твои родители будут писать заявление о побоях тебя, а не ты. От тебя требуется лишь изображать из себя сильно контуженного.

- Что сильно вас шайка Спицы достала?

- Мне этих уродов надо из села убирать, - твердо произнес Жаров, - они мне всю статистику портят своим хулиганством и нормальным людям жить мешают, я расшибусь, но обоих упеку за решетку. Моя задача как правоохранителя

всех паршивых овец из стада убирать, чтобы они остальным жить не мешали. Я долго пытался с ними по-хорошему, все думал правильными словами вразумлю, но сам видишь, когда добрые слова не помогают, то надо принимать решительные меры.

Про добрые слова и решительные меры – это я прекрасно понимаю, мне объяснять не надо, но становиться «барabanом», который дал показания на пацанов из братвы – тоже приятного мало. А с другой стороны, какой у меня выбор? Жаров меня ухватил за яйца и крепко держит. Не буду плясать под его дудку – сам надолго заеду на малолетку. Так, что хочешь не хочешь, а придётся делать так, как велит участковый. Все-таки мне от сотрудничества с Жаровым сплошная выгода, если все выйдет так как он сказал, то я вроде как вообще не при делах окажусь – получил по башке, всю ночь провалялся в отрубе и нигде не был, никого не кошмарил и дихлофосом не травил. Белый и пушистый, как тот первый снег в декабре.

Дошли с Жаровым до медпункта, он сдал меня для осмотра тетке-фельдшеру, а сам двинул искать моих родаков. Я старательно корчил из себя ушибленного на всю голову. Врачиха особо не суетилась, деловито обработал мои порезы на морде, измерила температуру – оказалось 37,7, выдала положенные таблетки, показала, где сполоснуться и вымыть ноги, потом раздобрилась на какие-то тапки, чтобы я босой не ходил, ну и горячим, сладким чаем напоила с молочными су-

харями и домашним вареньем.

Вернулся Жаров, который привел с собой не только моих родителей и деда Петю, но и троих ментов из райцентра. А дальше завертелось-закрутилось: я живописно рассказывал как дал отпор Спице не желая вести пагубный образ жизни, как решил начать новую жизнь и взяться за голову, как был подло и коварно избит Спицей и Мартыном, мамка охает-ахает, батя с дедом сурово хмурят брови, Жаров, опера и следователь из района старательно все мои рассказы записывают, задают множество вопросов, а я болезненно морщусь, театрально корчусь и всячески изображаю из себя контуженного, говорю тихо с частыми паузами, а один раз, когда выпал из зоны общего внимания успел тайком сунуть два пальца в рот и выхлестать из себя недавно выпитый чай с сухарями – получилось весьма эпично. Тетка-врачиха так и заполошила, чтобы немедленно оставили меня в покое и перестали мучать вопросами.

Менты из района на своем «бобике» отвезли меня в сельскую больничку Красновки, где было принято решение оставить меня под наблюдением медиков на пару дней. Я чуть было тут же «не выздоровел», потому что никак не хотелось валяться в больничке несколько дней. Это ж скукотища редкостная лежать в больнице в 1980 году. Телевизоров в палатах – нет, смартфонов – нет, интернета и онлайн-кинотеатров – нет! Что в таком случае в больнице можно делать? Валяться на провисшей до пола панцирной кровати, давясь по

утрам пресной манкой на воде?! На фиг, на фиг!!!

- Михаил Иванович! – дернул я Жарова, когда мы остались наедине с участковым. – Мы так не договаривались, я не хочу торчать в больничке!

- Придётся, - категорично отрезал участковый, - или сразу давай в СИЗО переедешь.

Пришлось смириться и дальше изображать из себя больного. Дед привез мне сменные вещи, мамка натащила всякой домашней еды. Пришли меня проведать одноклассники вместе с классухой, передали пакет яблок и галетного печенья. Узнал последние сплетни, оказалось, что Жаров все выкрутил в таком свете, будто бы только благодаря мне удалось раскрыть несколько «глухарей», дескать если бы Ячмень и Мартын не испугались бы, что зашибли меня на смерть, то никогда не явились бы с повинной. Так что в ближайшее время мне вручат грамоту за помощь сотрудникам милиции и вообще я неожиданно для всех стал героем – еще бы, не побоялся в открытую противопоставить себя местным хулиганам, которые держали в страхе всю малолетнюю ребятню. Теперь Мартын и Ячмень – гарантированно упадут на нары, а Спица в землю ляжет. Смирнов по секрету сообщил, что среди сельской ребятни упорно циркулирует слух, что Николая Спицына все-таки убил я – застрелил из самопала, которым пугал прошлым летом малолеток на плесе. На самом деле тот самопал – выпиленный из деревяшки «пистолет» с дулом из стальной трубки, стреляющий на целых десять мет-

ров металлическими шариками от подшипника, я утопил в речке тем же, прошлым летом – изображал из себя раненного Чапаева, переплывающего реку гребя одной рукой.

Спать лег рано – в девять вечера, перекусил домашними пирожками с луком и яйцом, запил холодным чаем, укрылся простышкой, отвернулся носом к стенке да задрях себе. День был тяжелый и суматошный, а прошедшая ночь и того тяжелее. Уснул мгновенно.

Проснулся глубокой ночью, сходил в нужник, облегчился, попил водички, вновь лег спать. Но сон все никак не шел. Все думал и думал о моем нынешнем шатком положении. Я ведь могу уже утром переехать из больницы в СИЗО. Менты из района они ведь могут опознать меня по словесному портрету, который был составлен на меня со слов того мудака, которому я на лбу выцарапал слово – «сука» и тогда меня Жаров никак не спасет.

Хороший все-таки мужик Жаров, спас меня, прикрыл со всех сторон...

Стоп!

Жаров?!

Твою мать! Черт меня побери! Как же я сразу не понял истинных мотивов сердобольного участкового, который неожиданно пошел навстречу мне и спас от всех насущных проблем, в которые я сам себя по самую макушку засунул.

Всё ведь очевидно, всё лежит на поверхности!

Ответ у меня под самым носом был с самого начала, а я

дурак такой не заметил очевидного. Дурень!

Кто прибыл самым первым на берег озера? Жаров! Я сам видел, как он туда ехал на своём мотоцикле. Участковый и сам не скрывал, что прикатил на Гнилое озеро, когда труп Николая Спицына не успел еще окоченеть. А кто сказал, что «Нивы», трупа блондина и самое главное сумки, набитой деньгами - там не было? Тот же Жаров! И ему все поверили. Никто ведь, кроме меня ни про блондина, ни про «Ниву», ни про сумку с деньгами не знал.

Еще бы Жарову бы не поверили! Он ведь не просто Жаров Михаил Иванович – безменный участковый Красновки и еще ряда деревень, он - человек исключительной порядочности, ветеран войны, орденосец. Про таких говорят – «соль земли русской», на таких мужиках вся Россия-матушка держится. Как же можно не верить его словам?!

А что мешало Жарову сграбастать сумку с деньгами, погрузить труп блондина в «Ниву» отогнать машину в укромное местечко, где спрятать её вместе с трупом. А сумку с деньгами оставить себе. Сто тысяч рублей – это такие деньги которые самым верным и честным милиционерам, пусть они хоть трижды ветераны ВОВ и прославленные орденосцы голову моментально вскружат и собьют с пути истинного. Деньги – самый мощный и сильный в этом мире соблазн, противостоять которому редко кто сможет. Вон даже один из апостолов Христа, тот, что Иуда и тот не смог удержаться и продался за копеечку малую.

Если принять в расчет тот факт, что Жаров действительно нашел сумку с деньгами, то его помощь мне видится уже в совершенно другом свете – он просто сбивает следствие с верного пути, заставляя их искать того, чего нет, а я получаю ему активно в этом помогаю.

Стало ли мне легче от этой простой мысли? Нет, наоборот, я понял, что если всплывет хоть малейший намек на то, что я был на берегу озера и видел сумку с деньгами – грош цена моей жизни.

Ворочая в голове новые мысли, я так и не смог до самого утра сомкнуть глаз. Даже возникла шальная мысль дать деру из больнички, но я усилием воли загнал панику под коврик и решил не пороть горячку, пока буду играть по

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.